

Оксана Обухова

Стоять, бояться!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Оксана Обухова

Стоять, бояться!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41815878

SelfPub; 2019

Аннотация

Толчок запутанной истории дает предательство обожаемого брата. В результате чего доверчивая Евдокия невольно попадает в эпицентр разборок из-за миллиардного наследства и становится подозреваемой в убийстве. Пытаясь выпутаться, Дуся развивает кипучую деятельность, спасая уже не только себя, но и наследника-мажора Илью Зубова...Сериал из четырех печатных книг выпущен издательством "Центрполиграф".Последовательность историй:"Стоять, бояться!" "В шкафу скелет и крылья" "Плачу любые деньги" (опубликован на ЛитРес)"Невеста по найму"Содержит нецензурную брань.

Содержание

1 часть	4
2 часть	29
Эпилог	295

1 часть

– Стоять, бояться!!

Громогласный окрик раскатился по каменному мешку двора, канонадой эхо отразился от стен, и у Землероевой от неожиданности подкосились ноги.

Оглядываться на крикуна ей надобности не было: в тонированном стекле джипа отразилась фигура могучего охранника, вопящего с крыльца. Поборов секундную оторопь, разозленный мужик сломал пальцами так и не прикуренную сигарету и торопливо засеменял кривоватыми ногами вниз по ступеням.

Вдобавок из-за джипа высунулась привлеченная воплем физиономия хозяина машины, который, сидя на корточках у заднего бампера, проволоку от него отматывал.

Такого множества подвохов хитроумный план Котика никак не предусматривал. Охранник офиса не вовремя решил перекурить и вышел на крыльцо. Портфель, который Евдокия тихонечко стащила с переднего сиденья джипа, оказался неожиданно тяжелым – под его мягкой кожей легко угадывались жесткие ребра портативного компьютера.

Как ни смешно, но именно ощущение под мышкой чужого ноутбука не позволило Евдокии разжать локоть и разрешить портфелю грохнуться на асфальт парковки, хотя перепуганное сознание сигнализировало: если уж попалась – оставляй

добычу и ноги уноси! Дикая в подобных обстоятельствах рачительная мысль «Не дай бог, разобьется чужое дорогушее «железо»!» заставила Землероеву крепче стиснуть кейс, гигантским кенгуриным прыжком отскочить от обворованной машины и что есть силы припустить со двора: настала очередь проверить второй этап хитроумного Котикового плана – рассчитанные пути отхода.

В спину дуэтом неслись страстные вопли хозяина портфеля и свирепые рыки офисного секьюрити: первый обещал все простить, коли Дуся добычу скинет, второй грозился догнать, переломать беглянке ноги-руки и голову свернуть.

Слышать такое нежной девушке довольно жутко. Землероева мерила московский тротуар легчайшими скачками перепуганной лани, облапанный обеими руками тяжеленный портфель бился о живот острым углом ноутбука и сбивал дыхание. Солнцезащитные очки, что Дуся выбрала для операции из джеймс-бондовского арсенала, сползли с носа до верхней губы и почти что падали.

Очки было жалко, их поносить дала Синицына. Причем на недельку, пока сама не укатит в Испанию.

Евдокия перехватила портфель одной рукой, сорвала очки с лица и запихнула их в карман спортивной куртки, выбранной для операции уже из арсенала ниндзя: угольно-черный комплект из обтягивающих мягких брючек и куртки с капюшоном, простецкие черные кеды.

Секундная заминка позволила преследователям прибли-

зиться. Когда Дуся резко свернула в ближайшую подворотню, из горла охранника вырвался победный крик: арка выходила в тупиковый двор – воровка, надо думать, никуда от туда не денется!

Евдокия пробежала до двух гаражей в углу небольшого, окольцованного домами и бетонным забором двора, проскользнула между рифленых стенок и стремительно протиснулась в узкую щель бетонного ограждения детского садика, имеющего выход на противоположную улицу.

На данном проникновении на территорию детсада и основывался заключительный этап хитроумной комбинации: в узкую каменную щелку мог протиснуться только подросток либо худосочная девица. Охранник застрял в щели первым. Покричал из дырки маленько и уступил место хозяину портфеля, после чего в спину Дуси понеслись мольбы напополам с угрозами.

Совестливая душа воровки Землероевой съежилась от этих воплей, болезненно поворочалась под ложечкой...

Но Евдокия сурово сдвинула брови и не позволила стыду возобладать: Котик попал в беду. Котика надо выручать. Кто, если не она, спрашивается. Зачем тогда вообще настоящие сестры нужны?

Поминая «настоящих сестер», Землероева лукавила. Никаким братом Котик-Костик ей по сути не являлся. Его ма-тушка – тетя Зина, жена покойного брата мамы, – второй

раз вышла замуж и родила Константина уже от нового супруга, подполковника дяди Толи. Вероятно, история этого замужества заслуживает отдельного, развернутого упоминания, но пока, в виду погони и цейтнота, ограничимся короткой справкой: если бы все беды не искупало рождение обожаемого Котика, то лучше б тете Зине с военным Толей не встречаться.

Евдокия свернула за разрисованную колокольчиками и ромашками беседку, скрылась из поля видимости преследователей и, выравнивая сбитое пробежкой дыхание, достала из кармана очки. Нацепила их на нос и, низко наклонив голову, пошагала по дорожке на выход.

У ворот садика воспитатели раздавали родителям последних детсадовцев: пятница, август, короткий день – народ массово рванул дышать чистым воздухом на дачах. На появившуюся из-за здания странную девушку в очках и капюшоне никто не обратил внимания – воспитательницы тоже люди, в голове, поддаваясь всеобщему пятничному настроению, лишь грядки и котомки с закупленной провизией – детей бы не забыть пересчитать!

Евдокия медленно продефилировала мимо группки женщин и детишек и вышла в тихий изогнутый переулок. Отсюда до двери подъезда в доме Котика оставалось не более трехсот метров.

Мольбы и вопли сгнули еще на территории детсада.

...Не типичный для августа прохладный ветерок оглаживал разгоряченные погоней щеки. Совесть пыталась пробиться сквозь радостный перестук пульса – получилось, получилось, получилось! – пальцы нервно стискивали ручку драгоценной добычи. Евдокия с трудом заставляла ноги не увеличивать скорость хода, приказывала себе останавливаться у витрин редких магазинов и в отражении обшаривать глазами окрестности.

Получилось, получились, получилось! Котик спасен! Тетя Зина, что немаловажно, спасена от позора и больницы!

Неужели – получилось?!

В непроницаемо черном окне кофейни застыла смутно узнаваемая девица с выбившимися из-под капюшона белокуроыми прядями, бессмысленно вытарашенными глазами и губами, стиснутыми в противную змеящуюся щель.

«Неужто это я?» – ужаснулась Евдокия. Лицо как будто высохло за несколько часов. С него почти исчезли губы, уползли гадюками под носогубные складки. Глаза сверкали безумно, шало, как у загулявшей кошки.

Землероева стащила с головы капюшон, поправила растрепанные волосы... Но все равно не нашла в отражении – себя.

Куда девалась вчерашняя студентка, примерная выпускница, тишайшая Дуся Землероева?! В отражении торчала всклокоченная белокурая бестия с чужим портфелем в руках.

По правде говоря, экипируюясь для операции, Евдокия покрутилась перед выходом у зеркала в прихожей и нашла себя вполне привлекательной: брючки обтянули аккуратную вздернутую попку и длинные ножки, очки интригующе монтировались с пышными пепельными локонами, добавляли таинственности и стиля...

Пересохшее горло издало саркастический смешок: допрыгалась. Евдокия зашла за угол дома, вывернула наизнанку двустороннюю куртку – алой шелковой подкладкой наружу. Достала из кармана приготовленный загодя большой пакет из недорогого супермаркета и спрятала в нем кейс.

Теперь, в красной куртке, с пакетом в руках, она почти перестала напоминать девушку-ниндзя, которая – допрыгалась! – свистнула чужой портфель из припаркованной машины.

Оставалось лишь надеяться, что и Котик выполнит свою часть комбинации, а совесть Дуси Землероевой перестанет скрипеть зубами и корежиться в заледеневшем подбрюшьи.

Первое четкое и полное воспоминание малолетней Дуси Землероевой навсегда осталось связанным с незабываемо красивым мальчиком Константином Грушиным. До этого момента память сохранила лишь разрозненные, бессистемные обрывки: улетевший под ветки липы синий шарик, высокий, всемогущий папа прыгает на лавочке, стараясь зацепить пальцами болтающуюся нитку... Мама в новом платье, на высоченных каблуках – сама крошечная Дуся в этом же

платье, на тех же каблуках тихонько копошится в маминой косметичке, выбирая самую яркую помаду, и неловко малюет губы... Подводит глаза зелеными тенями...

Красиво тогда получилось.

Помада, правда, сломалась в неопытных руках, и два часа Евдокия ревела в углу... «Нельзя брать чужие вещи без спросу!»

Все эти воспоминания не привязывались ни к времени года, ни к возрасту, ни к какому-то событию – просто были. Без очередности и повода. Знакомство с Костиком запомнилось в деталях.

Прозрачный зимний день. В Москву вернулась какая-то непонятная родственница тетя Зина и пригласила в гости – мама торопится, бигуди путаются в волосах и никак не хотят вылезать из тугих колечек волос. Папа отказывается надевать галстук: «Не новоселье, Тая, просто в гости идем!» – «Петр, я тебя умоляю, хотя бы раз послушайся меня!»

Эта суета уже как будто выступила увертюрой. Подготовкой значительного события.

Муж тети Зины – подполковник. Служил в Германии, там же родился и сын Грушиных – Константин. «Слабенький такой мальчик, – шепотом сетовала мама. – С пороком сердца родился. Хорошо хоть в Германии служили, там с врачом повезло, операцию удачно сделали. Но Зина все равно переживает, не хочет его семилетним в школу отдавать...»

«Слабенький» мальчик Костик оказался дивно крепким

розовощекиим бугаем. Он шумно носился среди неразобран-ных картонных коробок, из которых тетя Зина доставала нереально красивые сервизы «Мадонна», хрустальные графины, отрезы тюля, ворохи тряпья... «В Мухосранске их даже не распаковывала, – смеясь, докладывала родственницам. Прежде чем обосноваться в столице, подполковник Грушин несколько лет послужил за Уралом. Потом – жена москвичка с жилплощадью, позволили перевестись поближе к Первопрестольной, в часть, расквартированную в области. – Господи, думала – сгнило все! Тася, вот этот отрез на платье возьмешь?»

В Москве середины девяностых не было принято привередничать. Мама взяла и отрез на платье, и патронташ с трусами-недельками, и даже большую нарядную чашку с отколотой ручкой. Папа потом аккуратно обточил острые сколы, мама замазала белые пятна лаком для ногтей, и несколько лет большая чашка в форме распустившегося бутона служила Землероевым вазочкой под рафинад.

Все это заграничное обильное богатство поразило четырехлетнюю Дусю в самое крошечное сердце и навсегда застряло в памяти: яркие ковры во всю стену, чешский хрусталь на потолке и в горках, высокий черноволосый мальчик в фантастическом спортивном костюмчике, скроенном как будто из красочных лоскутков. А в детском садике Дуси все мальчишки ходили в темных колготках и шортиках, делавших их маленькими, обычными, простыми. Неизъяснимо загра-

ничный Котик разгуливал по дому в кроссовках, в футболке с мордочкой лисенка...

Взрослые увлеклись рассматриваем богатства, забывтая всеми Дуся сидела в углу за коробками и несмело перебирала всамделишные гоночные машинки, яркие наклейки, мягчайшие ластики, в игрушках попадались леденцы...

Иногда в тот угол заглядывал Костик. По хозяйски отбирал машинки – Дуся и слово-то боялась вымолвить, отдавала все безропотно! – и, ничего не говоря малявке, уносился на голоса взрослых.

Дуся смотрела на мальчика снизу вверх. Что в общем-то типично в отношении малявки к старшему брату.

На долгие годы она словно бы застряла в том углу. Скорчилась на корточках и любовалась чужим игрушечным богатством, не смея ничего попросить поиграть на время. (Благодушная тетя Зина, правда, сама потом подарила шикарного немецкого пупса с соской и кукольный набор посуды, так как ими уже закончила играть старшая дочь Катерина.) Все связанное с Костиком так и осталось небывало ярким, определенно заграничным и не похожим на простую жизнь.

Даже когда «подлец-мерзавец-прелюбодей!» дядя Толя ушел к буфетчице из воинской части, а тетя Зина слегла с инфарктом, распродала хрустать, сервизы, барахло, брат Котик остался для Дуси мерилом совершенства. Точкой отсчета, откуда начиналось все впечатляющее, не из обыденной жизни. Никто не мог сравниться с Костей. Он самый луч-

ший, умный, взрослый, самый-самый.

Мама и папа посмеивались над детской влюбленностью дочери. Лучшая подруга, нынешняя философиня Линка Синицына называла Котика «избалованный сукин сын». Никто не мог поколебать уверенности Евдокии: только с Костиком-Котиком ее жизнь может приобрести наполненность и смысл, он один способен сделать праздником каждый день и даже час.

Пожалуй, единственным человеком, полностью согласным с Дусей, являлась тетя Зина. Ради сына она, почти без преувеличения, встала со смертного одра, заставила себя существовать и полностью подчинила жизнь дражайшему Котику. Работала на двух работах, тащила семью, встречаясь с родственниками часами говорила о Котиковых пятерках (тройки в счет не шли, их ставят дуры-училки, не понимающие талантливого мальчика) и будущих успехах.

Кстати сказать, настоящая двоюродная сестра Евдокии Катерина вполне могла бы заслужить похвалу от матери, но все ее достижения прошли абсолютно незамеченными. Катерина легко закончила школу и институт иностранных языков. Вышла замуж за «простого инженера», неожиданно для всех ставшего приличным бизнесменом. Родила троих детей – дом полная чаша.

Как будто нарочно поддерживая уверенность Дуси в небывалой значимости, Котик изредка приглашал ее на какие-то мероприятия. Самая незабываемая тусовка случилась у де-

вятнадцатилетней Евдокии на дне рождения брата: шикарный клуб, лица из телевизора и глянца, шампанское рекой (мажор-приятель Котика расщедрился), костюм-рубашка-туфли брата ничем не отличаются от прочих.

Дуся три дня вымаливала у мамы деньги на новое платье, но все равно чувствовала себя бедной родственницей, кухаркиной дочкой, затерявшейся между полуголых танцовщиц с внешностью кинозвезд.

В общем, кажется, понятно, откуда уши растут. Из детских комплексов, от старого пупса и чашки с отколотой ручкой. В прошлом году Евдокия категорически отказать ехать с родителями в Крым. Выбила-вымолила себе разрешение отдохнуть по-взрослому, отдельно, в настоящей загранице. Мама сходила к Костику, собравшемуся на Кипр, и попросила его взять с собою и Дусю: «Присмотришь там за ней, Евдокия девочка послушная, много проблем не доставит».

На Кипр Котик оправился с компанией и, по совести сказать, за Дусей совершенно не приглядывал. Не до того оказалось – в пух и перья разругался с девушкой. Напился в предпоследний вечер на пляжной дискотеке и...

Несколько часов Костик и Дуся целовались на песке.

Дальше поцелуев дело не зашло. А на следующий день Константин вообще ничего не вспомнил.

Но Дуся не забыла. Казалось бы – фора в еще один день! Совсем чуть-чуть! Если бы не жесткое похмелье, Костик появился бы на пляже и песок напомнил бы ему о поцелуях!

Но не напомнил. Похмельный, хмурый Котик молча довез Евдокию на такси до дома из аэропорта, вручил маме и пропал на ближайшие месяцы.

В этом году на окончание института Дуся попросила не дарить ей традиционных для случая сережек-колечка, а дать денег на тур в Испанию. Как доложила родственникам тетя Зина, сынуля собирался именно туда.

Попасть вместе с Костиком в Испанию, вновь ощутить под пальцами и на губах песок стало для Евдокии идеей фикс. Дуся позвонила брату с намеком: «Хочу съездить за границу отдохнуть, ты как?» Грушин прохладно обещал подумать и не звонил две недели.

Евдокия тоже набралась терпения. Несколько лет назад, говоря о какой-то подруге, Котик выступил с развернутым заявлением: «По телефонным звонкам могу понять – мой человек или нет. Лерка, например, еще ни разу ни позвонила в удачный момент. Всегда трезвонит не вовремя, всегда некстати. Ждешь от нее звонка – молчит. Как только занят – тут как тут. Пожалуй, нужно расставаться... Не мой человек, живем в разных ритмах».

И Дуся, кусая пальцы и зажмуривая глаза, приказывала рукам не тянуться к телефону. Не совершать ошибки, не попадать в разряд неудобных девиц с иными ритмами существования – боялась. Отправила только одну эсэмэску с вкрадчивым вопросом «Как дела, куда пропал?» и замерла в пугливом, нервном ожидании.

Сегодня Константин позвонил сам. Причем не со своего телефона, чей номер Дуся знала наизусть, а с чужого. И неожиданно все получилось мило: когда в трубке раздался любимый голос, Землероева была мрачна и равнодушна, словно египетская гробница. Через секунду ее, правда, как будто кипятком ошпарило – с макушки до пяток, но пауза, взятая для поправки нервной системы, сыграла положительную роль: не привыкший к безразличному тону сестры Котик начал смущенно мямлить.

Евдокия тут же взяла апатичную манеру разговора на вооружение: кто знает, может, ему именно этого в почти сестре и не хватало?! Добавив в голос томной протяжности, она вдруг заметила, что Котик очень картинно вздыхает.

– У тебя что-то случилось? – мигом дрогнув, спросила с пробившимся волнением.

– Случилось, Дусенция. Влип я по самое небалуйся.

Сказать по правде, девушки с ошпаренными макушками соображают так себе. Но главное из речи брата Дуся уяснила: бухгалтер крупной фирмы Константин Грушин прилично накосячил (то ли нолик где-то лишний нарисовал, то ли запятую переставил), и в итоге над работодателями бухгалтера повисла недостача.

– Для фирмы эти деньги – семечки! – горячился проштрафившийся клерк. – Покроют и не заметят, уж я-то знаю! А мне, Дусенция... – Константин вздохнул, как издыхающая лошадь, – мне – кранты. Придется продавать квартиру,

увольняться, а у меня машина в кредит, в долги еще залез...

– А Катя? – напомнила Дусенция. – Ее муж! Помочь не смогут?

Братишка саркастически хмыкнул, и Евдокия прикусила язык. Два года назад, тетя Зина решила обосноваться на даче – «Котик уже взрослый, мальчику нужна свободная жилплощадь», – и муж сестры построил на своем участке каменный дом для тещи. Построил и сказал: «В последний раз. В последний раз я помогаю вертопраху».

Слова Катиного супруга донесла до Землероевых расстроенная тетя Зина, после чего долго, сидя на кухне, переживала вместе с Евдокией: «Почему «вертопрах»? Как можно о Котике сказать – такое?!»

– Может быть, еще получится как-то выкрутиться? – плаксиво пролепетала Дуся. – Со всяким может случиться... Вдруг – обойдется?

– Не обойдется, – жестко отчеканил брат. Сегодня начальник отдела приказал Константину подготовить документацию по сделке двухнедельной давности. Шеф собирается все выходные работать на даче с данными и искать ошибку. – Если ты мне не поможешь, на следующей неделе ко мне заявятся коллекторы.

– Я?.. Чем я могу тебе помочь?!

– Слушай сюда.

По словам Котика, выходило так. Каждую летнюю пятницу его начальник Борис торопится вывезти семью на дачу

– на работе не задерживается лишней минуты. Джип шефа всегда стоит на одном и том же месте в углу парковки, под обзор камер наблюдения попадает только передняя часть машины. «У нас в охране мой одноклассник Мишка Васильков работает, помнишь? Так вот я пару раз сидел за его монитором, работу камер знаю...» Портфель Борис всегда ставит на переднее сиденье рядом с водительским местом. Если незаметно стащить из джипа кейс с ноутбуком и диском, на который Костик сегодня скинул информацию о сделке, если подправить кое-что в рабочем компьютере экономистов, что в принципе не сложно, поскольку в разгар сезона отпусков народу в офисе почти нет... То до правды никто не докопается.

Землероева не верила ушам.

– Костик, это же... воровство...

Брат твердо оборвал Дусин лепет:

– Никакого воровства не будет. Я все продумал. Портфель мне нужен буквально на час – поменять исходный диск на новый. Я уже все подготовил. Мы позаимствуем кейс на время, потом вернем его хозяину в целостности и сохранности.

– Как?! В милицию подбросим?!

– Нет, это подозрительно. Я уже договорился с Пашкой Изотовым – ты должна его помнить, рыжий такой, – он отнесет портфель в милицию. Скажет, вышел мусор выносить, в подъезде какая-то подозрительная девица в портфеле копошилась, он ее шуганул, она добычу сбросила и удрала. Пашка мне пятнадцать штук торчит – в покер проиграл, никуда

не денется.

Константин говорил так уверенно, словно ни секунды не сомневался, что Дуся согласится. Он уже договорился с Изотовым, уже расписал наперед все действия.

Но Евдокия не торопилась и молчала.

– Эй, Дусенция, ты там уснула?

– Нет, – сипло отозвалась девушка. – Думаю. А почему твой Пашка не может портфель стащить?.. Я как бы...

– Изотов «как бы» в щелку не пролезет, – усмехнулся Котик. – Ты, Дусь, не переживай, я все продумал. Отпрошусь с работы пораньше, пройду мимо джипа шефа, накину на его задний бампер кусок проволоки и привяжу другой конец к решетке канализации. Когда машина тронется и сдернет решетку, Борис выйдет из машины проверить – что случилось, тут ты и...

– Котик! – перебила Дуся. – А если он не выйдет?!

– Чепуха, – ухмыльнулся Котик. – Выйдет и дверцы не заблокирует. Чего ему бояться на родимой парковке? Он же не знает, что «задница» его машины под обзор камер не попадает... Тебе и надо-то два шага сделать от подъезда жилого дома до машины, потом от джипа до ворот! Там всего метров десять.

Законопослушная робкая Дуся никак не могла отважиться на «да». Молчала, вздыхала, ежилась...

– Да пойми ты, Дуся! – напирал братишка. – Никакой опасности нет! В крайнем случае – удерешь. Ты ж у нас бе-

гунья, да?

Каждый день, в любую погоду, Евдокия дважды обегала свой квартал, так как считала утреннюю пробежку наиболее результативным и дешевым способом держать фигуру в тонусе.

– Если Пашка попадетсЯ, ему даже до щелки в заборе не добежать, не то чтобы в нее протиснуться! Сам я добраться до кейса не смогу: вышел из офиса, дотопал до ворот – камеры все фиксируют. Вычислят меня, Дуська! Максимум на что времени хватит – проволоку привязать. Наши все в пятницу пораньше смываются, начальство на это сквозь пальцы смотрит. Сами норовят удрать, один наш Боря, как курьерский поезд, минута в минуту выходит. Соглашайся, Дуся! Если не выручишь – все, хана: мама в больнице, я безработный с волчьим билетом, квартиры нет.

– Ну я даже не знаю...

– Соглашайся! Тебя у нас никто в глаза не видел! Пашка живет рядом, его могли как-то срисовать, ты – темная лошадка!

Вот тут братишка был неправ. Последние две недели, пока было тепло, Евдокия надевала самую короткую юбку из скромного в основе гардероба и регулярно – через день – фланировала по переулку возле офиса. Благодаря детской дружбе с братом у Дуси образовались приятели-знакомые в окрестностях, так что случайная встреча с Котиком выглядела бы вполне невинно.

И вот гуляя, Дуся ловила на себе призывные взгляды водителей машин, выезжающих с парковки. Один нахал ей даже посвистел, оглядывая стройные ножки.

Могли такие ножки срисовать?

Да запросто!

Но вот если задуматься над тем, что, кроме оголенных прелестей, мужчины ничего не замечают... Если спрятать всю красоту под брюки – погода более чем позволяет. Приметные волосы убрать под капюшон...

Не признаваться ж в самом деле Котику, что две недели бестолково караулила его у офиса?!

Стыдоба! Жесть.

«Ага. А воровство типа не жесть? Не стыдно?»

Так брат сказал – вернет пропажу.

«А если попадусь?»

Ты?! Каждодневная, всепогодная бегунья не удерешь от начальника, протирающего задницу за письменным столом?!

– Дусь... С меня шопинг в лучших магазинах Барселоны.

Вот так Евдокия Землероева и оказалась в неудобном, без единого деревца каменном дворе, у единственного подъезда дома, к которому в конце девяностых пристроили высокое узкое здание центрального офиса крупной фирмы, специализирующейся на импорте-экспорте лекарственных препаратов и медицинского оборудования. Стояла, стараясь не переминаясь с ноги на ногу, и дела вид, будто ждет кого-то

из жильцов.

Дабы заранее не перенервничать, думала не о предстоящей краже и пляжах Испании с теплым песком, а вела привычный внутренний диалог с подругой Сеницыной. Знакомство длиною чуть ли не в два десятка лет – один горшок в яслях делили, а позже школьную парту – позволяло конструировать виртуальный разговор почти в детальной точности: «Таких дур, как ты, Землероева, на Москве не больше трех осталось. Вас надо клонировать, поскольку сами вы можете не размножиться, и оставить в назидание потомкам, как вымирающий вид – в зоопарках. Ты же мне миллион раз обещала отрепетировать перед зеркалом слово «НЕТ»! Тебя, дурищу, оправдывает только кармическая привязанность к фамилии Землероева – вечно для всех «землю роешь» и воду носишь». При подобных заявлениях Евдокия обычно шумно вздыхала и опускала глазки. «Вот как думаешь, Дуська, долго твой Котик идиотку по Москве искал, а? Долго думал, какая овца согласится для него каштаны из огня таскать? Ты же до уголовщины докатилась, подруга!..»

Сеницына Котика на дух не выносила. Зубами скрипела, видя, как от одного телефонного звонка брата глупеет, по ее словам, лицо обычно сообразительной подруги.

Мысленно Дуся парировала довольно ловко, припоминала родственные связи и сестринский долг. Но даже мысленно не сомневалась: узнав об уголовщине подруга ее не только высмеет, но еще и стукнет.

«Наверное, не буду ничего Линке рассказывать. Не поймет она».

Признаться честно, на этот раз Землероева и сама не очень понимала – как она в такое вляпалась?!

Но отступить поздно: под «хвостом» джипа спрятался кусок толстой проволоки, примотанный к решетке водослива.

По меркам любой столицы-мегаполиса Костик Грушин сказочный везун. Буквально сразу после окончания института ему подвалило счастье найти непыльную работу в шаговой доступности от дома. Понятно, что за свой рабочий стул неопытный бухгалтер держался чистым офисным клещом – ни сдвинуть, ни поправить.

Евдокия юркнула в знакомый двор, немного удивилась раскрытой настежь двери подъезда, которую для верности подперло большое гнущее ведро.

Потом припомнила: в монументальном доме дореволюционной постройки недавно расселили последнюю коммуналку на пятом этаже, и Костик хвастался – жильцы постановили на собрании отремонтировать подъезд и привести в порядок парадную дверь, заколоченную с двадцатых годов прошлого века. Чуть позже собирались посадить возле нее консьержа (с табельным оружием).

Надо отметить, когда в старинном доме с единственным подъездом жил народ попроще, то никого особенно не волновала заколоченная дверь. Жильцы безропотно огибали

дом, шагали по двору и через узкую кишку бывшей черной лестницы попадали на парадные ступени: воображение советского человека не будоражил факт, что дверь эта – не для жильцов, а для простого люда. В незапамятные времена она служила исключительно кухаркам, полумойкам, молочникам и угольщикам. Но в приснопамятном СССР любой труженик почетен, только попробуй проявить замашки барина и заикнись об огромной парадной двери на мраморную лестницу... лишишься партбилета и гордого звания служителя трудовому народу.

Короче. Нынешние жильцы имели другие партбилеты и приоритеты и о парадной двери не только заикнулись, но и потребовали от жилконторы позволить им ходить нормально с улицы, а не через черный ход.

К слову сказать, Евдокия ничуть не сомневалась: зря богатеи пальцы гнут. Фасадом старый дом выходит хоть и в узкий, но все-таки сквер, и посему придется толстым дядям ходить прежним черным ходом. Как миленьким. Машины-то, кроме двора, припарковать им негде.

Но у богатых свои причуды. И только время покажет, насколько полезен вооруженный консьерж у двери, через которую никто не ходит. Набегается, поди, между двух дверей вооруженный бедолага.

Уже на углу дома ощущался сильный запах краски: маляры потому и оставили дверь открытой, подперев ее ведром,

устроили сквозняк. Евдокия почти подошла к низенькому, в одну ступеньку крыльцу...

– Стой! Стоять, зараза!!

Дуся сразу же узнала хриплый рык кривоногого охранника фармацевтического офиса. Вздвогнув, вжала голову в плечи.

Как он нашел, как он узнал в девушке, одетой в красную куртку, недавнюю воровку – уму непостижимо!

Но как-то вот сподобился. Без всякого сомнения он справедливо обзывал Землероеву «сволочью» и «драной козой» и на всех парах мчался к подъезду.

Пути назад для Дуси не было. Сбив ногой заляпанное краской ведро, она заскочила в подъезд, захлопнула тяжелую металлическую дверь...

Замок не чавкнул. Рабочие либо повредили, либо обесточили электронику.

Все еще держась за дверную ручку, бестолково надеясь, что замок сработает, Евдокия оглянулась: теперь у нее был выбор – взбежать по узким ступенькам до площадки цокольного этажа и там либо спуститься вниз до распахнутой парадной двери, либо подниматься выше до квартиры Котика на третьем этаже.

На размышление – секунда.

Широкая пологая лестница плавно поднималась вверх по внутреннему желобу подъезда: с площадки цокольного этажа обзор – как на ладони. Евдокия уже абсолютно провалила

хитроумную Котиковую комбинацию и привела преследователей напрямиком к подъезду дома, где живет служащий их фирмы. Если продолжить в том же бестолковом порядке и взбежать по лестнице до квартиры на третьем этаже... Пока позвонишь, пока Котик дверь откроет... Попадутся оба. Дверь его квартиры расположена слишком неудобно: только голову вверх задери, и вот она, Дусенция, стоит на коврике под кнопочкой.

Удрать через подъезд на улицу?

Нет. Тоже не годится. Вылизанный скверик не дает укрытия, поблизости ни одного магазина или кафе, бежать придется на виду вопящего охранника. Какой-то доброхот из прохожих вполне способен подставить ножку.

Два варианта мгновенно проскочили в перепуганной девчачьей голове и были отвергнуты; глаза успели зацепиться за полуоткрытую дверцу в дворницкую под лестницей.

Крохотный закуток со скошенным потолком, вместилище для метел, ведер, совковых лопат и лично дворника дяди Сливы (Славы, в общем-то) Дуся знала преотлично. Не раз и не два сидела она на продавленном диванчике дворника и дожидалась, пока дядя Слива починит застежку на сандалии, закрепит цепь на велосипеде или наладит заупрямившуюся змейку на куртке. Приличный тихий дядька был обожаем всей окрестной детворой: в дворницкую прибегали переждать дождь, разобрать выброшенную кем-то из жильцов стопку журналов «Крокодил» и попросту чайку попить, если

ключ от дома забыл, а мама на работе.

С внутренней стороны дверь в дворницкую запиралась на массивную железную задвижку. Иногда дядя Слива ругался с женой – вредная бабища, помнится, была, – и оставался «на работе» круглосуточно.

Сегодня дворницкую временно оккупировали маляры. Вдоль стенки напротив двери в каморку стояли пластиковые бидоны с краской, валики в изляпанных лотках-поддонах, коробка с ветошью. Евдокия в два прыжка взлетела по узкой лестнице, спустилась немного вниз до двери в дворницкую и, ловко обогнув грязнящие поддоны и бидоны, шмыгнула в темную, провонявшую скипидаром и краской каморку.

Осторожно потянула дверь на себя – заботливо смазанные петли не издали ни звука, – нашарила щеколду...

В подъезде раздался топот ног и голос:

– Борис Семенович, бегите на улицу, я тут посмотрю!

Судя по звуку шагов, к охраннику уже присоединился обворованный начальник.

– Посмотри внимательно по углам! – приказал тот. – Она могла где-то скинуть портфель, он тяжелый!

Закусив губу, почти не дыша, Евдокия осторожно потащила задвижку к петельке запора... Тихий железный скрип показался оглушительным визжанием, от страха засбоило сердце, легкие сплющились в две перепуганные тряпочки, и голова закружилась от недостатка кислорода...

Евдокия задвинула засов, почти теряя сознание от ужаса,

попятилась назад и...

Наткнулась спиной на что-то мягкое и теплое с большими руками. Руки обнаружили себя в момент, когда из горла Землероевой почти вырвался испуганный мышинный писк. Огромная грубая ладонь плотно запечатала рот и одну ноздрю, вторая рука жестко обхватила грудь и выдавила из трапичных бронхов остатки воздуха.

Прежде чем отключиться совершенно, девушка расслышала несущийся из-за двери непонятный грохот и довольно внятный матерок охранника, после чего кремешная темнота накрыла уже не только органы зрения, но сознание Евдокии Землеровой.

2 часть

Звонок от Максима раздался, когда Илья уже почти подошел к шлагбауму серфинг-станции. Обычно Зубов не брал на берег телефон, оставлял его в отеле – полотенце мало напоминает сейф, а индонезийские секьюрити охламоны до единого. Да и к тому же Илья Зубов не любил отвлекаться на звонки, выныривать из отдыха, словно тюлень из лунки, и попадать головой в далекую, пустую атмосферу деловой Москвы – гори она огнем!

Но только не сегодня. Сегодня прежние привычки пришлось забыть. Зубов положил мобильник в непромокаемый чехол, повесил на шею и, едва тот зазвенел, сорвал одним движением. Сказались нервы.

– Да, Макс! Что случилось?

Уже два дня Илья ждал звонка от папы. Когда же на дисплее высветилось имя юрисконсульта головного офиса отца, вопрос «Что случилось?» вырвался непроизвольно.

– Добрый день, Илья, – напряженно и слегка смущенно проговорил Максим. – Как отдых?..

– Жгу, – кратко бросил сын миллиардера Зубова. С энергичным молодым юристом отца Илья немного приятельствовал, но никогда не мог предположить, чтобы тот позвонил ему на Бали просто побеседовать. Не те отношения. Значит, что-то случилось, звонит по делу.

Так и оказалось.

– Илья... – замялся Макс, – ты не знаешь, где бы мог быть Лев Ефремович?.. Он сегодня важную встречу пропустил...

Фантастически яркие краски океанического побережья поблекли в одно мгновение, превратились в обесцвеченную солнцем фотографию, а звук волны пропал за шорохом дыхания, за стуком пульса в ушах.

У Ильи запершило в горле.

– Вы ему звонили? – спросил он хрипло.

– Недоступен, – как всегда кратко и емко обрисовал ситуацию юрист.

– Давно?

– Два дня.

– Что говорит Берта?

– Она не в курсе.

Илья задумался. Для тех, кто хоть немного знаком с порядками в семье Зубовых, такой ответ Берты – не новость. Иногда, дабы держать молодую жену в узде и тонусе, Лев Ефремович устраивал «показательные выступления». Исчезал на несколько дней, не отвечал на телефонные звонки, давая супруге повод думать, будто ушел налево.

Илью такие привычки отца смешили. Он знал прекрасно: пока, кусая губы, Берта вычисляет, какая из клубных профурсеток позарилась на ее кусок, отец сидит в тишайшем за-нюханном санатории, единственным достоинством которого является отличная рыбалка на озерных плесах. Сидит на бе-

режку, посмеивается над женой и в ус не дуёт.

Но нынче не тот случай. Три дня назад Илья отдал отцу результаты наблюдения частного сыщика за Бертой: выложил всю правду-матку в виде фотографий и графика передвижений.

Отец тогда осунулся и постарел прямо на глазах. Взял паузу для приведения в порядок мыслей, снова и снова перебирал довольно качественные снимки, на которых жена целовалась в закрытой кабинке ресторана с худощавым жилистым брюнетом...

Илья реально испугался, когда отец начал машинально потирать левую половину груди и болезненно двигать шеей!

– Папа!

Лев Ефремович вскинул на него невидящие глаза, кивнул.

– Все в порядке. Я понимаю, сынок, почему ты это сделал.

Навряд ли, мысленно ответил сын и нашел в себе силы выдавить неприятно звучащую фразу:

– Если ты думаешь, что дело в деньгах, то...

– Мальчишка, – с мягким укором перебил отец. – Такой бездельник и лоботряс как ты, ради денег пальцем не пошевелит.

На этот раз привычный упрек прозвучал не обидно, Илья пропустил его мимо ушей – не суть, не время, не тот повод. Отец накрыл ладонью фотографии и внимательно пригляделся к сыну.

– Ты знаешь, кто тут с Бертой? – Почему-то голос Льва

Ефимовича зазвучал напряженно и ждуще, а глаза сузились.

Илья пожал плечами.

– Какой-то Миронов. Вроде бы это его ресторан. Ты с ним знаком?

– Поверхностно. – Отец отвел глаза. Сгреб разбросанные по столу снимки в верхний ящик письменного стола, какое-то время, крутя в пальцах карту памяти с оригиналами фотографий, о чем-то раздумывал. Потом встал, подошел к книжному шкафу и, нажав на скрытую панель, открыл небольшой тайник за многотомным изданием Вольтера. Положил карту туда и вернул панель на место. – Я хочу, чтобы ты на время уехал за границу, – сказал он, повернувшись к сыну.

– Почему? – Илья вздернул подбородок, строптиво нахмурился.

– Не хочу, чтобы тебя донимали репортеры.

– Будет скандал?

Отец никогда не выносил сор из избы. Откуда репортеры узнают о вероятном разводе?

Если только от Берты. Она наверняка попробует сопротивляться, вонь поднимет...

– Не думаю, – скривился Лев Ефремович. – Просто перестраховываюсь. Оставь мне координаты сыщика, сделавшего эти фотографии, и чтобы духу твоего в Москве не было.

– Надолго?

– Я позвоню.

Судя по выражению лица и особенно глаз, задерживаться с выяснением отношений отец не намеревался; судя по двухдневному молчанию, Берта решила не сдаваться без боя.

Почему-то Илье представлялось, что папа быстро разберется с женой. В тот же вечер выставит ее за порог с чемоданами, попугаем и верной прислужницей гарпией-Галиной, но, видимо, немного просчитался. Наверное, сказалось чисто сыновнее, выросшее из детства: мой папа не может быть слабаком, он победит врагов, накостыляет всем и каждому, он у меня – ого-го-го! Он самый главный в любой песочнице.

Наивно. Но куда деваться от сыновней предвзятости. Тем более что поводов усомниться старший Зубов еще не давал.

Илья безмятежно собрал спортивную сумку – накидал футболок-шортов – и первым же рейсом махнул на Бали. Ни одно место в мире не позволяло ему так отрешиться от любой проблемы: круглогодичный серфинг, полуголые смуглянки, улётные закаты, удары вспученной волны... Каждому свое: кому-то релаксирующий отдых на Гоа, кто-то ловит драйв на досках – в Индонезии все можно совместить. Младший Зубов так любил это место, что даже заводил с отцом нешуточные разговоры: собирался стать инструктором на серфинг-станции. Пару раз они всерьез ругались...

Голос Максима вернул Илью к действительности:

– Алло, Илья? Ты меня слышишь?

– Да. Я думаю.

– Может быть, позвонишь отцу, и он отзовется на твой

вызов?

– Попробую.

Не прощаясь с Колесниковым, Илья оборвал связь, набрал номер отца и слушал телефонные гудки, пока вежливый женский голос не сообщил, что абонент не может сейчас ответить на звонок. «Сам вижу, что не может», – расстроено пробурчал Зубов, хмуро поглядел на бушующий океан – какая волна пропадает!

И тут же оборвал несвоевременные мысли – нашел от чего расстраиваться! Отца сначала разыщи!

Папа Лёва вполне мог разругаться с Бертой и уехать за рыболовной нирваной. Зная мачеху, вполне позволительно представить, как шумно та отправится на выход. Таких талантливых скандалов, как в доме у отца, Зубов больше нигде не видел. Иногда Илье даже казалось, отец немного наслаждается спектаклем.

Парень нашел в памяти мобильного только ему известный телефонный номер и поговорил с администратором турбазы.

Льва Ефремовича на озере – не было. И этот факт уже не просто настораживал, а прямо-таки ударял в набат! Отец не появился на деловой встрече, не ответил на вызов сына, хотя знал: Илья переживает за него и ждет звонка.

Наверняка, прежде чем звонить, находящемуся за тысячами километров Илье, Максим попробовал разыскать Льва Ефремовича через знакомых в Москве. Может быть, уже задействована служба безопасности компании, те всю столицу

мелким гребнем прочесали.

И получалось по всему: отец пропал на самом деле. Не просто, не фиктивно, не на зло – пропал в день получения компры на Берту.

Она замешана в его исчезновении?

Илья нажал на лоб тыльной стороной кулака, вдавил до боли, даже ударил... Черт, черт, черт! Что она там натворила?!

Не раздумывая больше ни секунды, Зубов-младший ответно вызвал юрисконсульта:

– Макс, отец мне не ответил. Вы пробовали позвонить в больницы и... еще куда?... – Слово «морг» не слетало с языка.

– Да, – лаконично отчитался юрист. – Ты...

В трубке что-то громко взвизгнуло, засвистело – Зубову пришлось резко оторвать трубку от уха.

– Алло, алло, Максим! Ты слышишь?! – прокричал он в мембрану

Сквозь вой электронных помех не доносилось ни слова. Илья чертыхнулся, обругал сотовую связь и крепко зажал телефон в кулаке: надо выезжать. Бессмысленно сидеть на острове, когда в Москве творится непонятно что. Если Берта как-то замешана в исчезновении отца, отсюда ее не припереть.

Домчавшись до отеля, Илья дал задание портье забронировать билет на ближайший самолет, зашвырнул в сумку попавшиеся на глаза вещи, сгреб с тумбочки всю мелочевку...

Вылет отложили, когда пассажиры уже сидели на борту авиалайнера.

Улыбчивые смуглые стюардессы попросили господ и дам не волноваться, вывели всех обратно в липкую духоту улицы и сопроводили до здания аэропорта: по техническим причинам вылет отложили на неопределенное, даже по меркам неторопливой Азии, время.

Скрипя зубами, взъерошенный и потный Илья уселся в пластиковое кресло, шмякнул сумку между широко расставленных ног: «Достали! То связи нет, то самолет вот-вот развалится... Заброшу серфинг, перейду на лыжи, отдыхаю теперь только в Альпах! Там цивилизация».

Часа через три, так и не добившись от работников аэропорта вразумительно ответа – когда вы подготовите этот чертов лайнер?! – Илья переоформил билет на рейс «Люфтганзы». Решил добраться до Москвы, петляя по Европе. Иначе, судя по видимым из окон аэропорта неспешным ковыляниям по летному полю низкорослых индонезийцев в спецовках, застрять тут можно еще на сутки.

***

Москва встретила своего сына небывалой для середины августа прохладой. Немного промерзший в самолете, заспанный Илья зябко поежился, поглядел на ступни, обутые в сандалии из нескольких ремешков, – на ногах красовались еще и купленные в аэропорту Мюнхена белые носочки. И усмех-

нулся – жуть! Носки он не носил даже зимой, сразу натягивал ботинки.

А впрочем, чепуха. Илья давно перестал переживать о том, какое впечатление производит, не парился. И кажется, в багажнике машины есть теннисные туфли и спортивная куртка. Дуремар подгонит тачку прямо к выходу из здания аэропорта. «Переоденусь на ходу», – решил Илья, забросил сумку на плечо и отправился к зеленому выходу погранзоны.

Дружище Дуремар, конечно, не подвел. Лихо подрулил на Zubовском «порше», едва хозяин машины показался на тротуаре, и приветственно посигналил.

– Багажник открой и подключи зарядку, у меня мобила подыхает, – хмуро приказал Zubов. Достал из багажника теплую одежду и, переодеваясь на переднем сиденье, дал маршрутное указание: – Сначала к тебе, там выйдешь, потом я один.

Сергея недоуменно выгнул брови, скосил глаза на друга и раздумал влезать с комментариями – непривычно угрюмый Zubов, стиснув зубы, пропихивал руки в узкие рукава куртки.

Еще в Мюнхене, дожидаясь начала регистрации московского рейса, Илья созвонился с частным сыщиком Паршиным. Спросил Олега, встречался ли тот с отцом, и, получив отрицательный ответ, попросил совета. Парни выросли в од-

ном дворе, Олег – боксер, атлет, авторитет для местных пацанов – был старше на три года. Когда папа Зубов попер в гору и перевез семью в другой район, они совершенно потеряли друг друга из виду, но по разговорам старых друзей Илья знал: после института Паршин засел в ментуре, дослужился до капитана, потом влип в какую-то историю (вроде бы начистил харю подследственному) и еле выкрутился увольнением.

Когда возникла необходимость в хорошем частном сыскаре, Илья сразу же подумал о Паршине, ныне подвязавшимся на вольных сыщицких хлебах. Разыскал его телефон, дал задание и спокойно дожидался результата, поскольку знал – ни один фрагмент грязного белья семейства Зубовых не выплывет наружу. Таких мужиков, как Паршин, не способны испортить ни ментура, ни безденежье, ни даже время.

Олег спокойно выслушал Зубовский отчет о последних событиях с пропажей папы. Несмотря на нынешнюю смену положений – Илья заказчик и работодатель, а Паршин простой наемник, – в отношениях дворовых приятелей мало что изменилось. Зубов ничего не мог с собой поделаться, разговаривая с сыщиком, он постоянно начинал чувствовать главенство последнего. Как ни смешно, но годы и финансы не выбили из головы расположение ступеней дворовой иерархии. Встретившись через пятнадцать лет, попробовав напыжиться и тряхнуть мошной, Илья через две минуты сбился на прежний, чуть ли не заискивающий тон.

Выйдя от Паршина, правда, смачно плюнул – тоже мне хрен с горы, – но ума хватило понять: «Ты сам, Илюша, вернулся к положению нижестоящего, так что нечего и выделываться. Тебе нужен порядочный сыскарь? Ты его получил. А остальное нюансы и твои собственные детские сопли».

– Что посоветуешь, Олег? – присев на минутку в тихом кафе мюнхенского аэропорта, совершенно не вспоминая о глупых иерархиях, спрашивал Илья по телефону. – Разыскивать отца самому? Идти в милицию? Нашей охране хвосты накручивать? Или... сразу к Берте? Я уже позвонил другу отца, который в нашей компании работает, тот ничего не знает и, кстати, совершенно не беспокоится.

Сказать по совести, Илья совершенно не понимал, с чего начать розыски. Если отец действительно всего лишь разругался с Бертой и уехал с глаз долой в какой-нибудь глушняк, то обращение в милицию обернется хохмой и ехидными статейками в газетах. (Среди ментов хватает прикормленных прессой, так что известие о пропаже миллиардера Зубова моментально просочится в газеты.) Возвратившийся из Тмутаракани батя за такой пиар и в бубен завизировать способен.

– У тебя остались фотографии, что я для тебя сделал? – спросил Олег.

– Нет, я все отдал отцу.

– Жаль.

Спрашивать Паршина о том, не оставил ли тот что-то для

себя, совершенно бесполезно. Порядочный сыскарь отдал заказчику все дубликаты вместе с оригиналом. Хотя...

– Олег! Я уверен, что, разговаривая с Бертой, отец показал ей только фотографии, а карта памяти продолжает лежать в тайнике у него дома!

– Отлично. Оригиналы снимков важнее отпечатанных. Как думаешь, твоя мачеха могла до карты добраться?

– Нет, – категорически заявил Илья. – Об этом тайнике знаем только я и папа. Там лежит его завещание, некоторые документы, доверенности...

– Отлично, – перебил Олег. – Без карты памяти лучше не соваться ни к Берте, ни в милицию с заявлением. Тебе надо будет поговорить с мачехой, понять, намерена ли она скрыть вероятный разговор с мужем и скандал. Если она будет делать вид, что в семье порядок, – это даст повод для подозрений. С фотографиями ты сможешь доказать: отец собирался разобраться с женой и пропал как раз после их ссоры, которую жена теперь скрывает. Но без карты памяти твое слово против ее, понимаешь? Берта приплетет сыновнюю ревность, то да сё... Догнал?

– Угу. Моя задача – раздобыть карту памяти.

– Добудешь?

– Легко.

– Тогда я на созвоне.

Убирая мобильный телефон в нагрудный карман пестрой рубашки, надетой поверх футболки, Зубов мрачно усмех-

нулся: с обещанием легко достать карту памяти он, мягко говоря, погорячился. Квартиру отца и Берты охраняет высохшая от злости очковая кобра. Когда Илья приходил к отцу, ему казалось, что в прихожей встает на хвост и распускает капюшон белесая змея из мультика про Маугли.

И обойти эту змеищу невозможно. Галина дальняя родственница Берты, предана ей до последней капли ядовитой крови, Илью на дух не переносит. Невзирая на видимую щедушность организма, способна закусать до смерти, как минимум – повиснуть на ноге и не позволить остаться одному в кабинете.

Вырубить ее, что ли? Как зайти, сразу хук под дых, в шкаф засунуть – и на ключ...

Мечты. Причем откровенные и воображенные в деталях. Под гипнотизирующим взглядом бесцветных глаз Илья даже нормально поесть в отеческом доме не мог! Последние несколько лет старался встретиться с папой на нейтральной территории или зайти в момент, когда обеих женщин дома нет.

Так что стоит только очутиться в квартире – голову можно в заклад оставить, – кобра молча потащится следом и не отступит ни на шаг. К малейшей просьбе оставить в покое оглохнет напрочь. Уже бывали прецеденты. По сути дела домработница, Галина считала Берту хозяйку и подчинялась только ей. Отец не вмешивался, ему змеища не перечила.

И что же делать? Сегодня, кровь из носу, важно остаться в

кабинете отца одному. Нельзя при Галине открывать тайник за томами Вольтера, Берта про него не знает.

Или... плевать? Пусть видит.

Ага. А потом отец вернется и обалдеет: ни одного тайного места в доме не осталось! Он не давал Илье права рассекречивать хранилище.

Может, и правда – хук под дых и в шкаф? Замка-то на двери в кабинет нет, с обратной стороны не запереться...

Но даже если запереться. Берта не дура. Потом весь маникюр обломает, но тайник разыщет.

Остается один вариант – придти в квартиру, когда Галина выйдет.

А из дома она в обязательном порядке выходит дважды: первый раз по магазинам утром, когда Берта уезжает на работу (парой бельевого бутика руководить), второй раз в начале шестого вечера, поскольку хозяйка лопает свежие булочки, даже сидя на диете. Точнее, сидя на диете, она обгрызает хрустящие корочки зернового хлеба, который каждый вечер ей в зубах приносит Галя из булочной на проспекте. (Недоумевающим по этому поводу приятельницам, Берта заявляет, что придерживается питания по знаку Зодиака. Она у нас Дева, а главная отличительная черта питания Дев – самозабвенная любовь к батонам).

Так. С расписанием понятно. Осталась дислокация.

Перед подъездом можно спрятаться только за деревьями детской площадки. Но есть опасность, что в момент выхода

(выползания) змеи из дома появится какой-нибудь знакомый из жильцов, окликнет Илью...

Подобный конфуз может случиться и в подъезде, если дожидаться выхода Галины этажом выше. Как известно, самые хитроумные комбинации горят на пустяках: сосед отправился собачку прогулять, вышедшая с мусорным ведром прислуга проявила бдительность и начала задавать вопросы в самый неподходящий момент.

Так и не выбрав точку наблюдения, Илья решил оставить задачу на потом и определиться уже на месте – как пойдет. Как фишка ляжет.

Фишка легла удачно. В подъезде делали ремонт, несколько узбеков (или таджиков?) затаскивали в каморку под лестницей бидоны с краской – судя по ее количеству, стены собирались вторым слоем покрывать, – оставили дверь крошечного помещения полуоткрытой и с довольными рожами почесали из подъезда. Возможно, отдохнуть и дожидаться, пока подсохнет первый слой краски, возможно, отошли до пирожковой, но главное – ушли в самый подходящий момент. Для извлечения карты памяти из тайника Илье надо-то не более пяти минут.

Зубов осторожно обогнул бидоны и поддоны с валиками, прошел в каморку и, оставив дверь полуоткрытой, посмотрел вверх: обзор на лестницу получился прекрасный. Вероятно, прекрасный вид испортят бледные Галины ноги, сверк-

нувшие под подолом...

Эх, надо б не забыть зажмуриться, не то стошнит.

Илья разыскал в потемках картонку, накрыл ею наиболее подходящий бидон и уселся на крышку дожидаться знакомого, гулкого дверного хлопка и плоскостопного шарканья подошв змеищи.

«Хорошо бы не запаздывала, – мелькнула мысль. – Строчусь тут над бидонами с краской, как последний малолеток».

Дверь чавкнула в положенное время. Галина зазвенела ключами, Илья встал с бидона и ушел немного в тень... Подобрался.

По подъезду разнесся двойной и громкий стук входной двери со стороны двора.

«Твою мать! – мысленно ругнулся Зубов. – Кого там принесло?!»

Илья прислушался: человек, зашедший в подъезд, не собирался подниматься – замер у выхода на улицу.

«Ну! Ну! – молил его Зубов. – Давай, давай, чеши отсюда! Поднимайся наверх или на улицу через подъезд выходи!» Ему совершенно не хотелось вылезать из подлестничной клетушки на глазах кого-то из соседей. Тут на кого нарвешься.

Легчайшие шлепки шагов неожиданно прозвучали возле самой двери в дворницкую. Зубов испуганно отпрыгнул в темный угол...

В каморку заскочила худенькая девчонка с большим пакетом. Не замечая спрятавшегося в темноте Илью, девчонка сразу повернулась к нему спиной и осторожно, стараясь не скрипнуть дверью, вначале ее закрыла, а потом и вовсе заперла на задвижку.

По подъезду затопали уже тяжелые шаги, какие-то мужики орали на весь дом – они явно разыскивали эту девчонку и какой-то портфель. Зубов стиснул скулы до боли и с трудом удержался от желания вышвырнуть явную воровку пинком за дверь.

Но где-то там неподалеку, выше, выцветшая очковая кобра справилась с замками и ковыляет по ступеням. Еще минута – и она столкнется с одним из мужиков, оставшимся обыскивать подъезд.

Девчонка отпрянула от двери, спиной наткнулась на Зубова...

«Сейчас раздастся визг», – обреченно понял Илья, схватил воровку в охапку и крепко зажал ладонью ее рот.

Под рукой девчонка все же пискнула, затрепыхалась, но обмякла так быстро, что Зубов на секунду забеспокоился: не сломал ли девке шею?!

Возле каморки что-то упало и громко стукнуло о дверь; непонятные звуки сопроводил внятный матерный посыл.

В этот момент из разжавшихся пальцев воровки выскользнули ручки пакета, нечто тяжелое и твердое уголком приземлилось на ногу наследника миллиардов Льва Ефремовича.

Зубов выпучил глаза и не заблажил лишь чудом: «Кирпичи она что ли со стройки ворует?!»

– Эй, вы что тут делаете?

Голос гарпии раздался над самой головой, Илья невольно посмотрел на потолок и сжался. Если из девчонки еще что-то вывалится – украденная с яхты рында, например, – копец всему!

– Вы тут девушку в красной куртке не видели?!

– Какую девушку? – степенно поинтересовалась гарпия.

– Она машину обокрала! Сюда забежала минуту назад!

Илья отлично представил, как высокомерно жует губами Галя, как морщит желтый лоб...

– Не видела.

– Ах, дрянь! – явно адресуясь не к Галине (а зря), проорал мужик и затопал к выходу на улицу. – Борис Семенович, погодите... – затихая вдаль, донесли до Зубова слова.

Девчонка слабо заворочалась, забилась, Илья обратил внимание, что почти зажал ей нос ладонью, и ослабил хватку. Бросать попросту на пол не стал, хотя хотелось очень. Перегрузил вялое тело на древний диван и мало беспокоясь за чистоту последнего, прислушался: шаркающие шаги домоправительницы шуршали уже на подступах к улице.

Девчонка завозилась на диване.

– Тихо! – цыкнул Зубов. – Ни звука!

Он повернулся к двери и осторожно потянул задвижку. Та уехала в сторону почти беззвучно, но едва Илья приоткрыл

дверь на несколько сантиметров, по обратной стороне дверного полотна проскребла какая-то палка... сползла наискось и вниз... И накрепко заклинила дверь с обратной стороны.

Как у вороны из басни Крылова у Ильи в зобу дыханье сперло. Мужик, разыскивавший в подъезде воровку чемоданов с кирпичами, зацепил в узком закутке малярный валик, тот свалился ручкой на дверь и заклинил ее напроочь.

«Придушу дрянь!» – мысленно взъярился Зубов, обернулся к девчонке...

Двухсантиметровый лучик света падал на перепуганное лицо с безумно выкатившимися глазами. Навряд ли она разглядела в темноте убийственный настрой Ильи, скорее всего, предположила по резкому развороту и сжалась в комок.

ТЬфу! Даже подзатыльник дать противно. Кошка драная. Замкадыш или лимита, голь перекатная, кирпичи ворует.

Или слитки золота?

Да какая на хрен разница! Хоть бриллианты ведрами! Дверь закрыта!!

Илья вновь повернулся к двери, осторожными рывками подергал ручку... Попробовал нажать плечом, заставил ее поерзать...

Бесполезняк. Чисто трактором приперло.

Может быть, найти какую-нибудь проволоку, изогнуть ее крюком и просунуть в щель...

– Здравствуйте, Инесса Станиславовна! – раздался чуть ли не над ухом елеинный голос гарпии.

– Добрый день, Галина, – ответствовал бархатно-барственный баритон тучной тетки с четвертого этажа. (Илья прозвал ее гусыней.)

– А я вот тут в булочную направилась, – противно засюсюкала зубовская домработница. – Глядь – дождь пошел. Вернулась за зонтом. Вы, я смотрю, тоже без зонтика, а там...

– Меня шофер встречает, – безразлично обрезала Инесса Станиславовна и ходко зашелестела мягкими подошвами на выход.

– Ну да, ну да... – приветливо проговорила гарпия. И уже наверху добавила: – Смотри от жиру не лопни, сволочь старая.

На ватных ногах Илья попятился к бидону и опустил на него, чувствуя, как о ребра бьется сердце, а по спине сползают противные, холодные капли пота.

Если бы палка не заклинила дверь, он вышел бы из-под лестницы и до появления в подъезде вернувшейся Галины успел попасть в квартиру. Расслышать разговор домработницы и гусыни не получилось бы, поскольку в это время Илья уже должен был находиться в кабинете. К моменту появления в квартире Галины он как раз стоял бы у раскрытого настежь тайника. Илья заранее решил не запирать входную дверь, а только позвонить на пульт охраны.

Гарпия, увидев, что дверь не заперта, наверняка зашла бы в квартиру на цыпочках.

Ух! Представлять не хочется, что случилось бы дальше.

Вероятно, сбылись бы юношеские мечты, и Галя получила хук под дых. У старой девы мозги в порядке, она догадалась бы подсмотреть, что в кабинете делает хозяйкин пасынок, и ни за что не выпустила бы Илью из квартиры с чем-то тайком изъятым из секретного места.

Пришлось бы прорываться на выход с боем. С исцарапанным лицом, выдранными волосами и обкусанными лодыжками. Такие церберы хозяйское добро на вынос не дают без драки.

По большому счету ничего особенно ужасного не произошло бы – ну, рассекретил папин тайничок, ну, врезал старой гримзе под ложечку...

Но – неприятно. Как давным-давно, в детстве при игре в прятки или казаки-разбойники, ноги стали ватными, сердце застучало. Попадать в неоднозначные и патовые ситуации Илья терпеть не мог.

Утихомирив нервы, Зубов дождался пока вновь не прошаркают шаги Галины, безуспешно подергал дверь и, подумав пару секунд, достал из кармана мобильник и разыскал в нем телефон соседа Гаврилова.

– Привет, Гоша. Ты где?

– Привет, – безрадостно поздоровался приятель. – На Ленинградке в пробке загораю.

– Слушай, у меня к тебе просьба. Приедешь домой, загляни в комнатку под лестницей в подъезде. Я тут застрял, выручай дружище.

Скучающий в заторе сосед оживился.

– Чего ты там под лестницей забыл? – спросил заинтересованно.

– Долго рассказывать. Хотел Берту разыграть и случайно заперся. Откроешь?

– Да не вопрос, – хмыкнул Гоша. – А...

– До встречи, с меня проставка, – оборвал разговор Зубов, поглядел на скукожившуюся в уголке дивана воровку-барсеточницу и подумал: а почему б не поразвлечься, коли делать все равно нечего? Илья легонько пнул ногой белеющий в темноте пакет. – Ну, давай колись, подруга. Как докатилась до жизни такой? Зачем у Бориса Семеновича стащила портфель из машины?

Вычислить, кто из бегающих по подъезду мужиков – владелец «чемодана кирпичей», показалось легко: один называл второго по имени отчеству, Борис Семенович привычно раздавал команды.

Девчонка испуганно съежилась и в ужасе захлопнула глаза.

«Неопытная», – весело подумал Зубов и сделал страшное лицо.

Мозг Евдокии Землероевой поступил своеобразно: милосердно изъял из памяти последние (жуткие) минуты, предшествующие обмороку. И потому, очнувшись в темноте, Евдокия вначале не смогла понять, почему это она валяется в

мрачном, пропахшем краской закутке, на неудобной комковатой лежанке, а здоровенный мужик на нее злобно цыкает и дергает дверь.

«Господи, где я?! – проскочила испуганная мысль, подстегнула сознание и помогла вернуться памяти: – Я в дворницкой под лестницей Котикового дома. Здоровенный тип меня только что лапал. Шеф Коти и охранник носились по подъезду... Боже! Я все провалила!! Где портфель?!»

Портфель безропотно валялся под ногами верзилы, тот вел себя с подозрительной осторожностью – прислушивался к разговорам в подъезде, явно таился...

Он – вор?! Такой же, как теперь и примерная тишайшая отличница Землероева, преступник?!

Ой, мамочки! Дуся съежилась в комок, пробежалась глазами по крошечной тьме коморки и попыталась отыскать какое-нибудь оружие вроде дворницкой метлы или, желательно, тяжелого заточенного скребка...

Ни зги не видно! Ползет снова лапать, придется отбиваться кулаками.

Верзила тем временем, не обращая ни малейшего внимания на потенциальную жертву изнасилования, достал из кармана сотовый телефон и повел беседу. Голубоватый отсвет дисплея бросил на лицо вероятного преступника слабые мертвенные блики, и у Дуси маленько отлегло от сердца: на бидоне, болтая в воздухе спортивной тапкой, сидел мажор из седьмой квартиры. Насиловать девушек по подъездам тако-

му обормоту вроде ни к чему.

Евдокия тихонечко подобрала разбросанные по дивану ноги.

– Ну, давай колись, подруга, как докатилась до жизни такой?..

Судя по дружелюбному обращению, мажор ее узнал, но попытаться отмазать от преступления Котика все-таки стоит. Зажмуривая глаза, Евдокия набралась наглости и выбросила:

– Отвянь! Не твое свинячье дело.

«Вот режьте меня на куски! – пылало сердце Дуси Землероевой. – Пытайте, гады, к стенке ставьте, ничего не добьетесь! Я в этот подъезд забежала случайно, Котик ни при чем, я одна за все отвечаю».

Когда Землероева храбро нахамила и открыла глаза, мажор принялся рассматривать ее с еще более веселым изумлением.

***

День, когда Илья впервые увидел будущую воровку чемоданов, Зубов запомнил навсегда и мог с точностью назвать число: восьмое августа, семь лет назад. В тот день отец впервые посадил двадцатилетнего бездельника под замок. Отобрал ключи, запер на все запоры и поехал решать – проблему.

За день до этого, седьмого августа, младший Зубов сильно накосячил. Напился. Подцепил в каком-то гнусном кабаке,

щедро размалеванную соску и плохо помнил, как оказался на хате, полной обкуренных всевозрастных торчков.

Он вообще не помнил той ночи в точности. Куда-то ехали, чего-то покупали, уже на хате какие-то воняющие кислятиной тетки лезли целоваться... По перегруженным народом и мусором комнатам бродили взлохмаченные «плановики», в углах ловили кайф ребята посерьезней... Через некоторое время Илюше стало дурно...

Утром туда нагрянули «маски-шоу». Девица, что притащила Зубова в этот бардак, остыла насовсем. Илюшу «приняли» наравне со всеми, оттащили в кутузку...

В общем, в себя он слегка пришел только в обезьяннике под крики старшего Зубова. Папаша разорялся, обещал «уволить всех на хрен!», наследника выволок из-за решетки за шкуру.

Привез домой, надавал по шее и посадил под замок, «пока мозги на место не вернутся!».

Мозги, по правде говоря, вернулись только через сутки. А в тот момент Илье почему-то, кровь из носу, потребовалось куда-то рвануть. Он вышел на балкон, поглядел вниз – высоко, придется три простыни узлом связать – и тут увидел на соседнем балконе прятавшуюся за картонной коробкой малолетку, неумело пытающуюся раскурить, вероятно, первую в ее жизни сигарету.

Девчонка смешно попыхивала дымом, а тот ей лез в глаза. Не отвлеки девчонку окрик Зубова, наверняка бы, вырвало

через минуту.

– Эй! Мгм, детка...

Детка испуганно и резко выпрямила руку, ударилась о прутья ограждения балкона, и сигаретка, рассыпая искры, упала ей на голую ногу.

В общем, понятное дело – попалась. Оставаясь на корточках, она вытянула вперед шею и несколько секунд молча тарасилась на дяденьку-соседа.

– Девочка, я могу перебраться на твой балкон и выйти в подъезд через вашу дверь? – доходчиво и чинно (не дай бог, перепугается и убежит!) спросил Зубов, сам, по правде говоря, соображающий еще куда как туго. – У меня замок заклинило.

Детка помотала головой. Встала во весь рост – длинная тощая соплюха лет четырнадцати, – и ответила:

– Тети Зины и Костика нет дома...

– Не бойся! – Илья предупредительно поднял вверх обе ладони. – Я не домушник, я ваш сосед – Илья Зубов.

– Не мой, – покраснев, забормотала девочка, – я тут в гостях у тети Зины, а она в мага...

Какая разница!

– Мне только перебраться на ваш балкон и выйти из квартиры! – перебивая стыдливый лепет, горячо воскликнул похмельный папин сын. Убраться бы из дома до возвращения отца, не то замучает нотациями! – Пожалуйста! Я быстро, раз – и меня нет.

Девчонка пожала плечами, шагнула в сторону и показала, что не возражает.

По карнизу, проходящему на уровне третьего этажа старинного дома, спокойно можно прогуляться парами. Илья перемахнул через чугунное ограждение балкона, порадовался, что дом признали каким-то там архитектурным памятником и запретили уродовать фасад разномастными балконными остеклениями. Быстро перешел в соседнюю квартиру.

Уходя за дверь, задержался на пороге и, посмеиваясь про себя, не удержался от нравоучения:

– А курить, девочка – вредно.

Девчонка вскинула на дяденьку серьезные зеленые глаза и очень по-взрослому ответила:

– Отвянь. – Подумала и пискнула: – Не твое свинячье дело.

***

Если бы только Землероева знала, что папенькины сынки вроде Илюши Зубова в упор не видят и не помнят замкадышей вроде Дуси, молчала б в тряпочку! И вся история, пошла б другим путем. Совладелец сети супермаркетов Гаврилов открыл бы приятелю дверь, тот, не попрощавшись с воровкой чемоданов, выскользнул бы наружу – и был таков. Какое ему дело до барсеточницы в красной куртке? В милицию звонить как-то не с руки. Объясняйся потом, как оказался под лестницей в «приятнейшей компании».

Вся история закончилась бы, наверное, очень плохо, но

совсем не так. И об этом позже. Продолжим с момента, когда самонадеянная Дуся – «Раз я Котикова соседа опознала, то и он меня обязательно узнал» – раскрыла рот и выдала кодовую фразу относительно «отвянь», а Илья на секунду оторопел. И присмотрелся к девчонке: «Не может быть! Та самая «курильщица» с соседнего балкона!»

Через мгновение встал с бидона.

– Так-так, – сказал насмешливо. – Ты что же, получает-ся... Чужую сумку к этому щекастому несла?

Вначале Евдокия решила играть в молчанку. Отрезать одной фразой и заткнуться – хоть режьте, хоть пытайте. Но гадский мажор обозвала ее Котика щекастым, и такого Евдокия снести не смогла.

– На себя посмотри, – огрызнулась храбро. – Я тут просто мимо проходила.

– Да, да, конечно, – язвительно хмыкнул Илья. – Ты просто мимо проходила с ворованным портфелем.

– Отвянь.

– Да мне как бы и дела нет, – пошел на попятный Зубов. – Стащила и стащила. – Задумался. Сказать по правде, как зовут краснощекого здоровяка из квартиры по соседству, Илья не помнил. Тот как-то смешно пытался с ним подружиться, пару раз подкарауливал Зубова на лестнице и наивно хвастался второразрядными знакомствами, в приятели пытался просочиться. Противный тип, заискивающий, скользкий.

Но как же его зовут?!

– Послушай, подруга. – Зубов присел перед девушкой на корточки, и та испуганно поджала ноги. – Твой этот... сейчас дома?

– А тебе какое дело? – настороженно поинтересовалась Дуся.

– Ну мне как бы есть дело. Я домой хочу попасть незаметно. Пустите через своей балкон?

«Пропала, – заполошенно и обреченно подумала Дуся. – Совсем пропала. Если Котик откроет дверь и увидит меня с портфелем и с этим...»

– Нет, нельзя, Костика нет дома, он вообще уехал, я просто мимо проходила... – затараторила Евдокия.

– Конечно мимо! – не стал настаивать отвратительный мажор. – Я тоже просто перелезу через ваш балкон. Годится?

– Нет. – В этот момент Евдокия решила, что раз уж влипла, то выбираться будет одна. Костику и так досталось. Сейчас, наверное, бедняжка голову сломал – куда сестра запропастилась, что с ней произошло, попалась или нет?..

И позвонить ему нельзя: она же «мимо проходила»!

Евдокия упрямо сдвинула брови и губы, сложила руки крестом перед грудью: пытайте, оккупанты, слова не добьетесь.

– Не хочешь, значит, помочь? – задумчиво окинув «партизанку» взглядом, буркнул Зубов. Встал прямо и картинно почесал в затылке. – Ну что ж, подруга, считай, сама напросилась. – Медленно достал из кармана мобильник. – Какой

там у нас номер милиции, ноль-два, кажется?

– Не надо! – перепугалась барсеточница и вскочила с диванчика. – Не надо в милицию, ПОЖАЛУЙСТА!!!

Ухмыляясь в темноте, Зубов отключил мобильник.

Кажется, повезло нарваться на влюбленную дурочку. Ишь как взвилась. В огонь и в воду...

– Ну что ж. – Илья уверенно примостился бочком на бидоне. – Давай рассказывай, как докатилась до жизни такой. Тебя как, кстати, зовут?

– Евдокия, – опустив голову, вздохнула влюбленная во-ришка.

– Дуся, значит. И что же ты, Дуся, портфели-то воруешь? Гаврилов застрял в далекой пробке, время поразвлечься было.

– Я не ворую, – вскинула голову девчонка. – Я на время взяла.

– Ага. На время. А зачем к щекас... А зачем сюда тащила?

– Просто так.

– Ну, это ясно. Мимо пробежала. А что в портфеле? Знаешь?

Никогда в жизни тишайшая Дуся Землероева не думала, что сможет возненавидеть человека за какие-то двадцать минут. Даже когда противный Мишка Фрязин вылил компот в ранец, возненавидела его на пять минут, но потом жалела, поскольку остолоп Фрязин выливал компот на глазах завуча Страшилы, а после два урока ревел в учительской, дожидая-

ьясь отца с ремнем.

Не смогла возненавидеть даже соседского пса Мухтара, который цапнул за ногу и разорвал новые колготки в бабочках. А Дуся тогда вся нарядная на день рождения Синицыной топала. (Опоздала, конечно, и пришла зареванная к разграбленному прочими одноклассниками столу.) Но все равно продолжала носить Мухтару разваренные куриные лапки от маминого холодца.

Не смогла возненавидеть даже оглушительно красивую подружку Котика Марину! С синими, как цветки льна глазами и грудью пятого размера. Страдала тихо и мечтала о цветных линзах для своих зеленых глаз, и значительно налегала на капусту.

Противного мажора, что развалился на бидоне и ногой покачивал, возненавидела каждой фиброй, каждой клеточкой, тончайшим нервом – нашла бы чем, огрела б по башке! Костюмчик заграничный, прическа от стилиста, морда сытая, загорелая, самодовольная, издевается, ухмылка во всю рожу...

– Пошел ты к черту.

– Ого. Какие мы сердитые. – Как вести себя с влюбленными малолетками Илья, пожалуй, подзабыл. Все его девушки ловко припудривали истинные чувства и умело доставали сущность из пудры-нафталина по мере разумной необходимости. А тут, гляди-ка ты, какая первозданная нетронутая чепуха нарисовалась. – Ладно, подруга, считай – проеха-

ли. Не трогаю я твоего щека... Как его кстати, зовут? Вечно имена путаю.

– Моего брата зовут Константин.

Ба. Неужто ошибся?! Неужто у нас тут «сорок ласковых сестер»?

– Лады. Брат так брат, все остальное ваше дело.

– Да не ворует мы!.. То есть я не ворую! Взяла на время!

– Тихо, тихо, не кипишись! Мое дело – сторона. Пропустите на балкон – и мы в расчете.

Евдокия не могла представить, как приведет этого гадкого мажора к Костику!

Кусала губы, чтобы не расплакаться, и морщила лицо: господи, ну до чего же не везет!! Ну почему все так противно обернулась?! Вначале привела охранника и шефа напрямиком к подъезду, потом наткнулась на этого самодовольного болвана!

(Пока события развиваются по всем законам жанра: двух молодых антагонистов запирают в темной камерке, испарения лакокрасочных материалов туманят незрелые мозги, бушуют независимые страсти... Он полон равнодушия, в ней вспыхивает ненависть.

Что, разумеется, есть полнейшая красота и почва для потенциального романа.

Даже в крошечной темноте он отметит, что у нее стройные ножки и выразительные глазки, она чуть позже поймет,

что он не полное дерьмо, а мило притворяется. Мизансцена в каморке вполне может завершиться невинным (либо случайным) поцелуем.

Потом на сцене появится парочка чистопородных негодяев антигероев: Константин и Берта.

Что дальше? Заревнует ли (наконец-то!) коварный брат почти сестру? Что предпримет убийственно неверная жена и подлая мачеха? Где батюшка-миллиардер?! И будет ли свадебное платье от Лагерфельда и обручальное кольцо с бриллиантом размером в кошкин глаз?

Обождем маленько.

Пока что у него пожар, а у нее потоп. Авось: объединят усилия и постепенно влюбятся. Загасят его пожар ее потопом. Вся история политики и дипломатии на том стоит.

А пока же два человека задыхаются от испарений краски и наощупь пробуют найти консенсус.)

Понимая, что никчемный, от скуки, интерес может все испортить, Илюша Зубов наступил любопытству на горло. Состроил добродушное лицо, взъерошил волосы:

– Проехали, подруга. Мне ваш промысел до лампочки. Пропустите через балкон и мы в расчете – я не при делах.

С губ Дуси Землероевой рвались горячие, оправдательные речи. Стыд распирал изнутри, огнедышащим, пылающим драконом летел из Дуси наружу: ее признали воровкой!! Уничтожили благодушным призрением! Вогнали в стыд, в

прах, в ничтожество!

Вытерпеть это невозможно. В голове клокотали и бестолково множились сумбурные слова, глаза намокли и сверкали из потемок безумными фонарями.

Упреки совершенно справедливы. И от признания страшного факта становилось еще горше и гаже. От невозможности оправдаться или взорваться Землероева не нашла ничего лучшего, как разрыдаться. Из самого нутра, из самых разобитых глубин разодранной души, из мысленного бурелома и терновых дебрей выплеснулся в темноту тихий щенячий скулеж.

Опустившись на диван и сдвинув колени, Дуся разрыдалась в полный голос. Вначале пыталась приказать себе: «Прекрати, тупица, сырость разводить! – Потом с каждым новым всхлипом все больше уходила в самозабвенные рыдания и начинала получать от судорог диафрагмы карающее, мучительное удовольствие. Вываливала, вытряхивала наружу кошмарную нервотрепку, прополаскивала душеньку в слезах...

Жест. Что делать с рыдающими любовницами Зубов знал прекрасно. Как успокаивать подвывающих барсеточниц, на части режь – не мог представить!

Влепить пощечину? К себе прижать, обнять?!

Девушка, кажется, рыдала в истерическом экстазе. Захлебывалась, маму поминала, обреченно заходила в выразительных конвульсиях...

Не жесьть, а жопа. Тут скоро Галя с зонтом вернется, а эта клуша на весь подъезд страдает!

Зубов стремительно спорхнул с бидона, облапал Дусю, уткнул зареванное лицо себе в грудь.

– Тихо, тихо, дурочка... Не надо плакать...

Все бабы одинаковы. Хоть воришки, хоть любовницы, хоть клуши распоследние. Едва в приятной близости появилась мужская жилетка (пардон, футболка) и впитала слезы, всхлипы пошли на убыль, прорезались слова:

– Мы это... Не хотели!! – скулила девчонка, поливая футболку слезами.

– Конечно.

– Мы это... Все назад вернем!!

– Еще бы.

– Мы это... Мы не воры!! Мы просто...

– Кто?

Дуся подняла на Зубова измазанное тушью личико, провела под мокрым носом ребром ладони.

– Мы не хотели.

Ревущих баб Илья не выносил. А эта еще и рассопливилась не вовремя.

– Успокойся, веди себя тихо, если не хочешь, чтобы соседи вызвали наряд. Понимаешь?

– Угу, – судорожно всхлипнув, кивнула воришка. – Я, правда...

– Мне нет никакого дела до твоих закидонов, – перебивая,

строго произнес Илья, поскольку знал, как быстро, только позволяй, возвращаются истерики. – Я просто прошу тебя вести себя тихо. Понимаешь?

Девчонка покорно кивнула, отстранилась.

Зубов вернулся на бидон и отвернулся, дабы всхлипывающая клуша не видела, как гуляют под кожей скул желваки и презрительно кривятся губы. Нарвался! Наткнулся на истеричку с проблемами, застрял на этой зачуханной помойке.

Над головой по лестнице топали ноги жильцов, брякали дверные ключи, пару раз собаки тявкали. Из темного угла едва слышно доносились затихающие всхлипы.

– А ты как хотел над Бертой подшутить? – минут через десять раздался тихий сиплый голосок воровки.

«Не суй свой нос», – вначале захотел оборвать Илья. Делать ему нечего, перед барсеточницей распинаться.

– Она ведь твоя мачеха, да?

Сарафанное радио в доме поставлено.

– Она... ничего себе... красивая

Услышав скромную оценку экстерьера мачехи, Илья невольно хмыкнул.

Красивая?

Улетная!! Потрясная! В шестнадцать лет у Зубова весь шифер с башни сорвало, когда отец привел в их дом миниатюрную брюнетку с повадками обласканной хозяйками кошечки! Один раз взглянул и онемел: казалось, сапфировые глаза Берты знали о мужчинах ВСЕ. Они притягивали, обе-

щали, тут же – отталкивали и снова звали за собой. Взгляд уводил и связывал рассудок, обманывал, подчинял, дурачил, сулил...

Илья никогда не думал, что отец будет долго изображать безутешного вдовца. Некоторых любовниц папы он даже видел.

Но только не в их общем доме.

Берта появилась там как наваждение. Всевластно и мягко просочилась в огромную квартиру и сразу заняла в ней место, хотя не принесла с собой даже зубной щетки. Уютно свернулась клубком в уголке дивана, замурлыкала, прилизала-причесала шелковую шерстку и подчинила дом себе. Наполнила каждый закуток своими ароматами, в абсолютно мужской холодильник постепенно проникли всяческие кошачьи продукты: нежирная птичка, творожок, диетические вкусности... неаппетитная Галя.

Маму Илья не любил. Так получилось, не повезло – мама не нашла в себе благородства уйти достойно. Долгая болезнь иссушила ее разум, вывернула наизнанку интеллект, каждая встреча с мужем и сыном заканчивалась истерическими упреками: «Вы меня не любите! Я, я расплачиваюсь болезнью за ваше благополучие! Вы эгоисты, себялюбцы, аспиды, мучители...»

Каждая встреча с мамой заканчивалась отвратительной сценой: злые слезы, несправедливые упреки, маразматические припадки ярости. Подобные приступы отпугнули от ма-

мы самых преданных подружек, дом наполнился приживалками-кликушами со скисшими лицами и поджатыми губами. Зубов старший не выдержал истерик и перевез жену в загородный дом, подальше от подрастающего сына.

Илья навещал маму сначала раз в неделю, потом через одну, потом приезжал, если только врачи обещали сделать предварительный успокаивающий укол.

Но...

Так получилось. Не все могут достойно выдержать ниспосланные испытания, не всем хватает благородства не отыгрываться на близких. Илье не повезло. Его мама оказалась слабой.

Отец пять лет менял любовниц. Мелькали разглаженные ботексом однотипные лица, пчелками роились красотки первой свежести...

Войти и задержаться навсегда получилось только у Берты. Один ее взгляд на подростка Зубова моментально объяснил последнему: «Так будет. Я пришла и больше не уйду», – сказали сытые сапфировые глаза сиамской кошки.

Ух! Дух захватило от плещущихся в синем омуте зрачков!

Этот взгляд сводил Илью с ума. Глаза словно бы что-то обещали. Играли. Ласково подманивали, цепляя длинными ресницами-коготками душу, уводили в мечты, раздарили...

Смешное, архаично-книжное слово «грезы» наиболее точно смогло бы передать состояние, в котором Илья провел

последующие полтора года. Взгляд мачехи преследовал ночами, каждый день превратился в ожидание чего-то... чудного, горячего, запретного. Берта играла с пасынком, словно с мышонком. Подманивала и отпускала, насмешливо, лениво запускала коготки в растрепанную шевелюру, потом отталкивала.

Как ни наивно, но только через полтора года почти влюбленный недоросль обратил внимание, что Берта несколько не выделяет его из толпы. Она элементарно и обычно смотрит так – на каждого, кого посчитает достойным внимания. Она попросту родилась с такими сволочными глазами и пользуется ими, словно оружием. Даже невольно мачеха поглядывает, словно раздает авансы. Подкрашивая губы, играет с собственным отражением. Оттачивает мастерство на любом попавшемся объекте. Взгляд ей присущ, врожден, осмыслен и употреблен, как голос – оперным певцом, как ноги – футболистом, как волосы – Самсоном. Игривые глаза дурачат идиотов, и первыми в списке стояли оба Зубовых.

Как ни смешно, но, сделав это открытие, Илья решил поговорить с отцом.

Не стоит приводить здесь этот разговор. Илье казалось, что он искренне обеспокоен за папу и пытается открыть ему глаза: жена тебя дурачит!

Отец повел себя достойно. Лишь через несколько лет сам Илья понял, что причиной того разговора выступило не беспокойство за отца, а обыкновенная ревность. Смешная

примитивная ревность мальчишки к заигравшейся в авансы женщине.

Глупо. И зря отец пощадил тогда сына, не став ничего ему объяснять и нажимать на болевые точки. Илья посчитал, будто жена отцу важнее сына, и отношения с Бертой разладились совершенно. Мачеха не захотела заново, на новом уровне приручать парнишку, лениво отвернулась. И к сожалению, к моменту, когда повзрослевший Илья пришел к пониманию причины их разрыва, ушла так далеко, что не смогла вернуться.

Или не захотела. Ей показалось проще вычеркнуть негодного мальчишку из памяти. Берта буквально выжила неудобного пасынка из дома, заставив Льва Ефремовича купить двадцатилетнему сыну отдельную квартиру. При редких встречах с Ильей вела себя демонстративно отстраненно. Отец, как ни скрывал, страдал. Илья мучительно пытался все исправить, искал подходы, а не найдя, даже к психологу наведася.

Причем наведася-то исключительно из гордости. Ему казалось смешным за рюмкой проговаривать проблему перед каким-нибудь приятелем, каяться в детской влюбленности, выглядеть ревнивым лопухом, прыщавым недомерком. Но желание поговорить разрывало на части, а гордость не позволила довериться бесплатно. Зубов выбрал баснословно дорогого мозговеда, улегся перед ним на кожаной кушетке и битый час, разглядывая высокий протокол с лепниной, по-

вествовал о приключившейся с ним неприятности.

Психолог, сухопарый дядька с высокими залысинами, слушал не перебивая. Иногда теребил двумя пальцами вислый кончик носа, но предварительными умными ремарками клиента не расстраивал – дал выговориться. И только в самом конце задал несколько осторожных фрейдовских вопросов – про маму, папу, счастливое детство – и перешел непосредственно к теме Берты:

– Как я понимаю, Илья, вы вините себя в том, что из-за вас у отца не получилось создать полноценную семью?

– Типа того, – хмуро подтвердил Зубов.

– Любопытно, – вздохнул мозговед. – У меня бы, например, возникли вопросы к взрослой женщине, заигравшейся с мальчиком в пубертатном возрасте... не сумевшей сделать поправку на этот возраст.

– То есть? – Илья заинтересованно сел на кушетке, свесил руки между широко расставленных ног.

– Понимаете... Подростки, мальчики слишком всерьез принимают любой аванс, ваша мачеха должна была это понимать...

Носатый сердцевед опытно и сразу расставил все по позициям: мальчик – взрослая женщина. Если бы кто-то другой приласкал Илью «подростком» или «мальчиком», наверняка нарвался бы на грубость. К шестнадцати годам старшеклассник Зубов пропустил через себя половину одноклассниц и, как случайно узнал, получил от них прозвище Кобельеро.

В универе Зубов прославился не меньше, таскался – только пыль столбом! Какой он «мальчик» после стольких приключений?!

Но вот загадка: слова психолога не задели. Впервые, словно со стороны, Илья увидел себя и Берту – изнывающего от запретных ожиданий юнца и лукавую Цирцею, превратившую его в отупевшую свинью.

– И что мне делать? – спросил психолога.

– Вы хотите наладить отношения с мачехой? – прищурился тот.

– Ну-у-у... наверное.

Мозговед снова ущипнул себя за кончик носа, надул щеки.

– Я немного знаком с природными кокетками, подобными вашей мачехи. Они...

Слушая психолога, Илья поразился, насколько точно тот описал манеры и привычки Берты, как выверено и осторожно подвел Зубова к пониманию щекотливости положения: наладить отношения с мачехой получится только вновь признав ее чары, поскольку Берте невыносимо видеть равнодушные мужчин. Едва Илья вышел из-под власти кокетки, та потеряла интерес: мужчины могли быть либо поклонниками, либо становились пустым местом.

В какой-то момент Илья даже потерял нить разговора и всерьез задумался: не подыграть ли Берте, раз ей так требуется это чертово поклонение?!

И тут же сам поморщился: игривые манеры мачехи недавно стали раздражать. Да и потом... Все изменилось: Илья уже не тот восторженный подросток, а молодой интересный мужик, и как бы ситуация не вывернулась наизнанку и уже сама Берта не приняла за авансы игру Ильи?..

Проблема.

Зубов поблагодарил психолога, совершенно успокоенным вышел за дверь и больше не вернулся в этот кабинет.

Как показало время – зря. Поскольку совет бывалого психолога потребовался б еще не раз: нового Илью Берта приняла совсем свирепо. Еще недавно виноватый и слегка заискивающий пасынок совершенно успокоился, перестал рефлексировать по поводу ее молчания, остался равнодушен к любым уколам...

Берта потеряла голову – к ней! к ней кто-то сделался совершенно безразличным! – начала мелочно и глупо придирается, сталкивать отца и сына по малейшим пустякам.

Илья уже все понимал, насквозь видел, откуда вырастает неприязнь. Он ушел. Не из дома, а почти из жизни отца. Не захотел становиться причиной домашней нервозности. Берту он теперь презирал, папу немного жалел. И чем явственнее выстраивались эти новые отношения, тем сильнее вспыхивала ненависть мачехи.

Две недели назад Зубов встретил почти забытого одноклассника Сашку Ковалева – завятого вруна и пошляка, – тот задал скабрзный вопрос:

– Слушай, Зуб, а у тебя с мачехой еще... не того? Было?

Илье сразу захотелось врезать по сальной роже, но желание мараться быстро пропало.

– Зря, – осклабился бывший приятель по университету, – ее же все равно кто-то на стороне шпилит...

– Фильтруй базар! – взъярился Зубов.

– Я-то фильтрую, – ухмыльнулся сплетник, – а вам-то надо за дамочкой приглядеть.

– Ты что-то знаешь? – напрягся Илья.

– Ну-у-у... Слухами земля полнится.

Намек наполнил голову Зубова колокольным грохотом. Коваль, конечно, враль известный, но чем черт не шутит. Илья разыскал через приятелей номер телефона Паршина, тот выполнил работу...

Теперь Зубов сидит под лестницей на бидоне с краской и размышляет, чего бы такого соврать сестре щекастого Костика относительно розыгрыша мачехи. Придумать что-то безобидное или просто отмолчаться?

Усталая голова соображала туго, пауза затягивалась. Девчонка явно пыталась подлизаться, боялась, что Илья наступит и сдаст ее ментам – ненависть любого автомобилиста к барсеточникам вполне понятна.

– Костика нет дома, – принялась опять отмазывать щекастого братишку. – Я случайно сюда забежала.

Курица безмозглая. Только что сама, рыдая, булькала – мы, мы, – теперь снова-здорово: щекастый ни при чем.

– Слушай, Дуся, – размеренно заговорил Илья, – мне надо просто перебраться через ваш балкон. Туда и обратно. Если мы пойдем друг друга, про портфель не узнает ни одна живая душа, понятно? Прекращай вколачивать – его нет дома, он ни при чем... Я сделаю свои дела и...

За дверь komórки раздались негромкие шаги. Илья соскочил с бидона, приник к крошечной дверной щелчке: косо падающая на стену тень обрисовала скорченный, явно мужской силуэт. Мурлыкающий песню на неизвестном языке мужик присел у ящика – вроде бы у ступенек коробка с ветошью стояла, расправил навесу какое-то тряпье...

«Ждать Гаврилова или привлечь внимание?!» – быстро проскочило в голове. Галина уже, наверное, с булками вернулась домой, Берта обычно приезжает с работы не раньше половины восьмого, если успеть проникнуть в кабинет отца до возвращения мачехи... Да даже при ней все получится обтяпать! Берта в кабинете почти не бывает, отец не выносит, когда кто-то работает за его столом и двигает бумаги. У мачехи есть столик в будуаре.

Стремительно приняв решение, Илья в один шаг подскочил к девчонке, цыкнул ей: «Молчи!» – и резко рванул застежку молнии на ее куртке.

Землероева не удержалась. Пискнула. Грубые пальцы гадкого мажора скользнули по коже, сгребли не только куртку, но и проскочили по каждой пуговице почти прозрачной кофточки под ней. Одна из пуговиц жалобно шмякнулась об пол

– наверное, гад, с мясом выдрал! – сквозь расхристанную одежду показалась грудь в нежном кружевном белье.

Евдокия на секунду обомлела.

Илья вернулся к щелке и громко прошептал:

– Эй, мужик, иди сюда.

Иноязычная песня прервалась.

– Открой, мы здесь застряли!

Осторожные шаги прошелестели к двери, и в щелке показался заинтересованный азиатский глаз.

– Открой, говорю, отодвинь палку!

Азиат кивнул, отодрал от двери клин из малярного валика и настороженно заглянул в каморку. Картина, представшая его глазам, заставила мужика смущенно крикнуть: на замызганном, но вполне удобном для утех диване сидела русская красавица в разодранной одежде, а здоровенный русский лоб красноречиво разводил руками:

– Ну чё, мужик, застыл? Ты не мужик, что ли, не понимаешь?

Таджик (или узбек) понятливо мотнул бейсболкой: мужик, мужик, однако. Подвинулся в сторону и выпустил из каморки странную русскую парочку: пылающую щеками девушку в красной куртке и нагловатого верзилу с большим пакетом в руках.

Когда раскосые таджикские глаза остановились на груди в весьма игривом лифчике, пылающая стыдом Землероева чудом задницей не подожгла диван! Не превратилась в ог-

ненное полено из сестры Буратино и не провалилась в ад! Руки не знали что делать – то ли прикрывать заголившиеся прелести, то ли за пакетом тянуться, – одно и другое вместе получилось плохо: пакет с портфелем подхватил сволочной Костиков сосед, узкая по моде куртка не захотела ничего скрывать.

Ох, видела бы мама!! Папа! Линка Синицына!

Илья тащил Евдокию за руку вверх по лестнице, та упиралась, пытаясь на ходу привести в порядок распахнутую одежду.

– Ты мне змейку сломал! – ругалась на ходу. – Как я домой пойду?! – «Как Котику в такой одежде покажусь?!» Одежда – вздрызг, на щеках подтеки туши, на голове прическа разудалой швабры. – Отстань, говорю, дай застегнуть хотя бы кофту!!

Не выпуская Дусиной руки, Илья обернулся...

Господи, ну и кошмар за ним плетется. Что подумал бы Гаврилов, застав Илюшу Зубова под лестницей с такой кикиморой? Узбек и тот лишился речи!

Землероева упрямо сдвинула брови, путаясь в пуговицах попыталась распределить их в петельках...

Сбилась. Поскольку одна выдранная с клочком невесомой ткани пуговка осталась валяться за бидоном.

Опять все расстегнула.

Илья завыл:

– Харе херней страдать, коза!!

В любую минуту в подъезде могла появиться Берта. Зубов дернул упрямую козу за руку, и еще одна пуговка покатилась вниз.

Возмущение накрыло Дусю с головой. Новая кофточка, купленная ради Котикового оболъщения за полторы тысячи рублей, погибла на глазах! Змейка куртки скончалась еще под лестницей.

Еще и козой весь вечер обзывают?!

– Отдай пакет и пошел на фиг!!

Зубов мысленно досчитал до десяти, заставил себя вспомнить, что парнокопытная воровка сейчас нужна ему больше, чем он ей, и быстро зашептал:

– Ну, ну, проехали! Отдам я твой пакет, как только попадем в квартиру. Пойдем.

Землероева не тронулась с места, вредно закусил губу – драться с эти гадом на лестнице и поднимать шум действительно ни к чему. Так что пусть несет, двумя руками запахнуть легче.

– Пошли, – пропыхтела Дуся, легко обогнала мажора на лестнице и первой подбежала к двери с прибитой цифрой восемь.

Уже подняла руку до кнопочки звонка, когда услышала за спиной ворчание запыхавшегося Ильи:

– Стой. Не звони. Видишь – дверь открыта.

Колокольный грохот могучего соседского звонка мог свободно проникнуть через небольшую щелку и привлечь вни-

мание гарпии к дверному глазку седьмой квартиры. Илья оттер плечом задумавшуюся о чем-то воришку и сам распахнул чужую дверь.

– Котик? – елеино, в спину засюсюкала протискивающаяся коза. – Котик, ты где? Ау.

Зубов тихо прикрыл дверь, перехватил пакет с портфелем под мышку...

Сестра щекастого соседа воспитанно шаркала подошвами о коврик и взывала к Котику.

Тот почему-то не отзывался, Евдокия мельком погляделась в зеркало, испуганно шепнула «Боже мой!» и поскакала в ванную, не переставая общаться с замолкшим где-то братцем:

– Прости, Костик, что задержалась... Я тут... – Плеск воды, кажется, высморкалась. – У нас все в порядке...

Вернулась в прихожую и заметила, что Илья застыл столбом на пороге гостиной. Пока подходила к нему ближе, Зубов успел развернуться...

Красивое скуластое лицо мажора наливалось бледностью прямо на глазах. У Дуси гулко застучало сердце – такие, как этот гадкий Илюша, запросто не побелеют, – подошла к двойной двери в гостиную, заглянула в комнату и только благодаря тому, что плечо нашло косяк, не рухнула на пол, поскольку ноги превратились в две вареные макаронины.

В центре просторной комнаты, прямо под люстрой, на ковре с узором розочками стоял стул. На стуле сидел Котик.

Ноги привязаны скотчем к ножкам, руки примотаны к подлокотникам, губы разбиты в кровь, один глаз почти заплыл. Второй страшно и мертво глядел на Дусю.

– Ох, – сказала Евдокия и обеими ладонями зажала рот. Не потому, что боялась закричать, а потому, что содержимое желудка рванулось на выход.

Илья быстро подошел к мертвому Котику, положил пальцы ему под подбородок, заглянул в зрачки. «Совсем теплый», – прошептал чуть слышно, и Дусин желудок повторил попытку освободиться от содержимого.

– Что в портфеле? – все так же глядя на мертвого, глухо спросил Зубов.

– А?.. Что? – ошарашенно переспросила Дуся.

– Я говорю – что в портфеле?! – обернувшись, зашипел Илья. – Что вы украли, придурки?!

– Я... Я... не знаю, – залепетала Землероева. При чем здесь портфель? Что за вопросы?! Котик – мертвый!!

В два прыжка Зубов подскочил к ошалевшей девушке, схватил ее за ворот куртки и как следует потрянул:

– Что ты украла, курица?! Почему твоего брата за это убили?!

– Почему... почему... – голова Дуси болталась из стороны в сторону как у китайского болванчика, – откуда ты знаешь...

– Дура!! – прорычал Зубов. – Его убили только что! Перед этим его пытали!! Ну! Говори!

– Я не знаю! Не знаю!! Какие-то документы! Мы хотели потом вернуть их обратно!

Зубов брезгливо выпустил куртку, оттолкнул от себя воровку.

– Черт, влип я с вами...

Он выпустил из-под мышки пакет, и тот смачно шлепнулся на кожаный диван возле окна.

Взъерошив волосы Илья застыл, разглядывая через прозрачный тюль верхушки старых лип.

– Надо в милицию звонить, – всхлипнув, опомнилась Дуся.

Зубов развернулся лицом в комнату и оскалился:

– Куда звонить, дубина?! Тебя загребут вместе с этим портфелем, ты – воровка!

– Но я же...

– Пойдешь, как соучастница, – отмахнулся Илья. В его голове суматошно скакали мысли: надо потянуть время, слезать через балкон, вернуться обратно с картой памяти и пусть делает, что хочет – хоть в милицию звонит, хоть догадается из хаты исчезнуть. Его дело – сторона, своих забот хватает.

Евдокия не сводила остекленевших глаз с мертвого брата. Хотелось подойти к нему, упасть на колени, обхватить руками, но не хватило духа. В голове засели слова Ильи: пытали... что в портфеле... дубина, соучастница. Ни один из упреков не летел мимо!

Действительно дубина, действительно пытали, на самом деле соучастница.

Бунтующий желудок отвлек голову. В стиснутом ужасом горле рождался вой, но слезы почему-то не текли. Хладнокровно мерзкий мажор вернулся к Котику и внимательно его оглядел.

– Странно, – пробормотал, пожалуй, не рассчитывая на Дусин отклик, – никаких ранений, кровь только на лице...

– У Котика сердце больное.

Евдокии показалось, что эти слова произнесла какая-то другая девушка. Та, что стоит где-то рядом и существует отдельно, как прошлая нормальная жизнь, которая была совсем недавно – этим утром, пять часов назад.

– Значит – сам? – проговорил Илья и почесал в затылке. – Борис Семенович перестарался, не рассчитал усилий?

Евдокия отвела незрячие глаза от брата, сфокусировала зрение на высоком растрепанном парне. О чем он говорит? Какой Борис Семенович? Чего перестарался?

Ах да. Борис Семенович шеф Котика. На диване в пакете лежит его портфель.

Дуся подошла к дивану, взяла пакет и прижала его обеими руками к груди. Ворованный портфель превратился в улику иного рода – в доказательство вины его настоящего хозяина. Зачем, если не за портфелем, явились к Котику убийцы? Теперь Дуся не расстанется с ним даже на секунду, а если мерзкий мажор протянет к нему лапы...

Отберет, конечно. Но зачем?

Почти над ухом Дуси громким боем ударили стенные часы: половина седьмого.

Так много? Неужели она проторчала под лестницей больше часа?!

Как время пролетело... Гадкий Борис Семенович успел вычислить, кто из коллег живет в этом доме, пришел к Костику – бедняжка дверь открыл, рассчитывая встретить Дусю! – начал бить и, наверное, явился не один, а с тем же кривоногим охранником, который и привязал Костика к стулу...

Ох, мамочки! Несчастное сердечко Котика не выдержало пыток!

Как только грянул бой часов, Зубов подскочил к балконной двери, распахнул шторы и вышел наружу. Черт, Берта появится в квартире совсем скоро! Кухарка Галя наверняка крутится на кухне – самый удобный момент.

Почти перекинув ногу через перила, Илья вдруг передумал, вернулся в комнату, где над мертвым братом застыла девушка с зеленоватыми щеками.

– Евдокия, – привлек ее внимание, – я сейчас быстренько слазаю в свою квартиру, вернусь, и мы все порешаем, ок?

Врал, конечно. Сразу после возвращения Илья собирался исчезнуть из этой страшной квартиры. Ему нет дела до проблем воровки-барсеточницы и ее покойного брата, решить бы свои задачи. Заниматься чужими косяками времени не будет – встретились и разошлись.

Евдокия даже не кивнула. Смотрела на Илью расширенными глазами жертвенной овцы и тупо хлопала ресницами.

Черт! В груди Ильи невольно шевельнулась жалость. Девчонка влипла по самое небалуйся. Если менты не «примут», достанут хозяева портфеля.

Ей-же-ей – достанут! Брата уже грохнули, заморочки пошли нешуточные, девчонка теперь свидетель и, совсем наверняка, обладатель некой портфельной тайны.

– Дусь, ты подожди со звонком в милицию, ладно? – спросил почти сострадательно. На прожженную воровку девчонка походила мало, она напоминала глупую овцу, которую братец впутал в свои интриги.

Этот щекастый прилипла никогда не нравился Илье.

Евдокия снова не отреагировала, тарацилась стеклянными глазами и крепко прижимала пакет к груди.

Дьявол! Надо сваливать отсюда! Девчонка в ступоре, ей все равно ничем не поможешь, только сам подставишься.

– Я быстро. Вернусь, все порешаем, – снова и очень убедительно соврал Зубов и исчез за волнами тюля.

Еще подходя к дому – машину Илья оставил в соседнем переулке, – он обратил внимание, что балконная дверь в кабинет отца, как всегда, распахнута. Лев Ефремович не выносил кондиционеры и требовал, чтобы к его приходу комнаты проветривали в любую погоду.

Полтора часа назад, увидев эту дверь, Илья, помнится, даже усмехнулся: «Конечно, в этом доме все в порядке. Ждут

хозяина с работы, привычек не меняют». И Берта, притворяющаяся рабочей пчелкой, не будет менять расписания: отсидит в кабинете одного из своих бутиков положенное время – с двенадцати до семи – и приедет усталая трескать за ужином корочки от булок.

По широкому карнизу прогуливались голуби. Илья перелез на испятнанную птичьим пометом жестяную крышу – стоя голубей немного удивилась, но подвинулась, – зацепилась пальцами за выемку в стене и бочком шагнул вперед.

Кроны вековых лип закрывали его от пешеходов, до голубей постепенно дошло, что человек настроен продвигаться – стоя взмыла в воздух – из квартиры, где остался мертвый человек, донесся громобойный звон дверного звонка! Будь карниз чуть-чуть поуже, Илья – не голубь же, в самом деле! – свалился бы с высоты третьего этажа на узкую асфальтовую дорожку перед домом и разбился в лепешку.

Но удержался. Только пяточка скользнула по воздуху и пугливо примостилась обратно.

...От того же оглушительного грохота Дуся Землероева подпрыгнула и едва не выронила драгоценный портфель прямо на колени остывающего Котика! (Этот ужасный звонок когда-то раздобыла тетя Зина, уставшая стоять под дверью, если драгоценный Костик запирался дома и безмятежно плавал в волнах тяжелого металла.) Евдокия перехватила портфель, заполошенно огляделась по сторонам...

Из прихожей донесся мяукающий женский голос:

– Котик? Дорого-о-ой? У тебя откры-и-и-то-о-о...

Попятившись от голоса Евдокия запуталась в тюле, выпуталась уже на балконе и спряталась за выступом стены, в безмолвном ужасе разглядывая липы и прижимая портфель к животу, как будто щит.

Невдалеке прилип к стене мажор. Голуби носились над кронами деревьев. Из комнаты за тюлем раздался истеричный бабий вопль.

Как Дуся оказалась на балконе седьмой квартиры, она, признаться, не помнила совсем. Ей показалось, прыгнула на десять метров, поскольку за стены держаться было нечем, все руки заняты портфелем.

Кажется, на каком-то этапе она чуть не спихнула вниз мажора, отдышалась уже в соседском полутемном кабинете с тяжелыми плотными шторами: опираясь задом на массивный письменный стол и чувствуя, как в поясницу утыкается какой-то бронзовый прибабмас из письменного набора.

В очи Евдокии втыкался взгляд обезумевшего мажора.

Илья не спрашивал. Он лишь тарачился и тяжело дышал: безбашенная коза чуть-чуть не уронила его с карниза!! С чего это он ранее решил, что эта детка – тишайшая невинная овечка, а?! Она ж волчица-скалолазка!

Дура ненормальная!!

Но хорошо, хоть молчаливая и ловкая. Через два балконных ограждения и одного Илью перемахнула дикой кошкой и не пикнула. Теперь стоит, бессмысленно глазеет, почти не

запыхалась.

Ситуация совершенно выходила из ряда вон. Где-то вдалеке, на другом конце огромной квартиры, копошится на кухне гарпия, путь назад отрезан – отсюда хорошо слышны вопли перепуганной подружки соседа! – придется выходить через свою входную дверь.

Но это уже легче, чем войти. Изнутри квартира под контролем, дверь кабинета первая от входа, надо только убедиться, что гарпия не вышла ненароком в прихожую и...

Все получится.

Илья соорудил зверское лицо, схватил волчицу Дусю за плечи и, сдернув со стола, повернул спиной к книжным шкафам.

– Молчи, не оборачивайся, – шепнул с угрозой.

Землероева покорно замерла, уставилась на большой портрет симпатичного господина в смокинге, за спиной чем-то шебуршал Илья.

Быстро отодвигая в сторону фолианты, Зубов матерился про себя: «Мать твою разэдак, во нарвался! В любой момент менты нагрянут, наверняка наведаются к Гале и пригласят в понятия – квартир-то на площадке больше нет!.. Во попада-лово, во жесьть!!»

А еще – карты памяти в тайнике не оказалось. Илья перевернул каждую бумажку, приподнял каждую папку: карта памяти исчезла.

Ее нашла Берта? Отец только думает, что о тайнике жена

не знает?

Черт!!!

«Успокойся. В гардеробной папы за выдвижной панелью есть еще один сейф. Общий, правда. Там лежит «тревожный чемоданчик» с наличностью и «левым» паспортом, там папа держит пистолет...» Этим тайником отец почти не пользуется – схрон за книгами ближе и всегда под рукой, – но если карту он переложил туда?

Надо все-таки проверить!

Илья быстро подошел к Дусе, воткнул губы в ее пылающее холодом ухо и зашептал:

– Стой здесь и не дыши, понятно?

Девчонка, кажется, с испугу поняла приказ буквально и крепко-накрепко слепила губы.

– Я вернусь быстро. Зайду в спальню отца, и пойдем на выход. Понятно?

Голова девчонки истово мотнулась.

– Можешь подышать тихонько.

Уф! Как только Илья на цыпочках исчез за дверью, Землероева попыталась включить отупевшие от страха мозги. Огляделась. Она в чужой квартире, с прижатым к груди ворованным портфелем, из-за которого убили Котика. Или не убили, но хотя бы напугали до смерти.

Как быть?

Вернуться к Костику в квартиру, когда туда заявится милиция?

«Тогда зачем сбежала? – появится вопрос. – Чего испугалась, раз невиновна в смерти брата?!»

«Я косвенно виновна, – повесив голову, судорожно всхлипнула Евдокия. – Если бы я отказалась ему помогать, он был бы безработным, но живым. А если бы я – как последняя тупица! – не привела Семеновича с охранником к брату, он был живой, здоровый и богатый. Я все разрушила, я виновата...»

Из глаз по носу заскользили слезинки, закапали на сомкнутые замком руки...

В прихожей громко стукнула входная дверь.

– Гала! Я дома! – прозвучал хозяйский женский голос. – Сделай нам пять кофе и принеси в гостиную!

За дверью затопали шаги нескольких человек, до Дуси донесли негромкие мужские голоса.

– Галя, ты не знаешь, что случилось у соседей? Там какие-то крики...

Берта громко разговаривала с гостями и перекликалась с домработницей, у Землероевой случился нервный приступ – попалась! Изнутри прорвалась дикая неудержимая икота, живот задергался в конвульсиях, поняв, что сейчас ее таки вырвет, Дуся надула щеки, задержала дыхание и заполошенно заскакала по кабинету.

Бежать! Бежать!! Бежать!!!

Куда?

Проскочить обратно по карнизу до Костика?!

Свалиться с балкона вниз головой и, покончив с пустяковой жизнью, решить проблемы?!

Или скончаться прямо тут от невыносимой нервной икоты?!

Ошпаренный испугом мозг подсказал иное направление – за шторы, в крошечный закуток между стеной и книжным шкафом. Перепуганным зверьком Дуся юркнула туда, с трудом, прижимая к груди драгоценный пакет, уюстилась в узкой щелчке...

Едва шторы перестали колыхаться, в комнате прозвучал тихий щелчок язычка дверной ручки.

– Проходи, – раздался негромкий мелодичный женский голос.

Дверь с приятным чмоканьем захлопнулась. Шаги прошлептели по направлению к окну и замолкли возле самого убежища неопытной воришки.

– Как он? – шепотом спросила кого-то Берта.

Некий, судя по шагам, мужчина вошел с ней в кабинет и прошагал подальше от двери для тихого разговора с хозяйкой.

– Все так же. Твой козел играет в благородство.

– Он не играет! – зашипела Берта. – Он делает все по уму! Как только найдете щенка, все игры закончатся!

– Я понимаю, понимаю, – примирительно и интимно зашептал мужчина. – Но сил нет ждать. Я как представляю, что он тебя...

По теньям, падающим на оконное стекло, Евдокия увидела, как голова стоящего спиной мужчины нагнулась, его губы потянулись к шее женщины...

– Отстань! Не время.

– Обещай, как только все закончится, – запыхтел мужской голос, – я лично разделаюсь с твоим козлом...

– Заткнись! – В голосе Берты зазвучало неприкрытое раздражение. – Нашел время ревновать! Он мне никто!

– Врешь, врешь...

Звук толчка, пыхтение – отстань, мы не одни!

– Такое рвение в поисках щенка бы проявил! – оттолкнув от себя мужчину, упрекнула Берта. – Как вы могли его упустить?!

– Так кто же знал, что он другим рейсом прилетит?

– Был бы умным – знал, – обрезала Илюшина мачеха. – Как двигаются розыски?

– Ах да, – опомнился ревнивец. – Сюрприз. Мы проббили его машину по спутнику, и знаешь, где она находится? – Короткая самодовольная пауза. – В ста метрах от твоего дома, в соседнем переулке.

– Ты не ошибся? – напряженно проговорила Берта.

– Нет. Я лично ее видел в переулке за домом. Проверил, никакой ошибки.

– Интересно... – задумчиво проговорила Берта. – Что ему здесь могло понадобиться?

– У кого-то из друзей завис, – беспечно предположил лю-

бовник.

– Хорошо бы... – протяжно прошептала женщина. – Но...

– Все под контролем, – перебил собеседник. – Его ждут везде, где он может появиться.

– Точно?

– А это ты у своего муженька попробуй уточнить! – не удержался от укола ревнивый сообщник.

– Спрошу, – серьезно пообещала Берта. – Но и ты не дремли. Шевелись, шевелись...

– А я шевелюсь! Сейчас жду звонка от оператора сотовой связи, он нам пробьет владельца телефона в лучшем виде.

– Ага. И что он скажет? Что Илья сидит где-то в этом доме, и вы что – с обыском по всем его друзьям пойдете?!

– Глупышка... Мы узнаем обо всех звонках Илюши и пойдём к тому, с кем он в последний раз связывался.

«Копец какому-то Гоше», – машинально подумала Землероева и только тогда поняла, насколько превосходен метод по прерыванию икоты: икающего надо серьезно напугать. Диафрагма перестала подпрыгивать, как только за двумя любовниками захлопнулась дверь кабинета. Хотя место икоты мгновенно застолбило желание чихнуть: тяжелые портьеры пропитались пылью так, словно лет десять служили занавесью МХАТа, никогда не стирались, а после четверть века хранились раритетом.

В каких-то сантиметрах от Землероевой настойчивый любовник пытался присосаться к шее Илюшиной мачехи, та

трезво упиралась; вырвавшийся из Дуси тихий чих заглушил гневный шипящий упрек:

– Убери лапы, ты мне щетиной кожу натираешь! Пойдем, нас ждут.

Негромкое шуршание одежды подсказало, что парочка некоторое время поправляла сбитую одежду, мужской голос тихо обещал лично разделаться уже с двумя козлами...

Когда за Бертой и ее любовником захлопнулась дверь, Евдокия поняла, что тошнить ее, кажется, немного перестало, зато смертельно захотелось писать. «Господи! – возникла глупая, отвлеченная мысль. – Как же партизаны-диверсанты в засаде-то сидели?!.. Пооди, через одного в мокрых штанах!»

Когда в прихожей зазвенел громкий голос Берты, Зубов уже успел отодвинуть панель за ворохом висящих на плечиках костюмов, уже набирал код на электронном замке сейфа...

– Гала! – выкрикнула мачеха, и пасынку показалось, будто электрический разряд пробил изоляцию и ударил по пальцам.

Перепуганные пальцы соскочили с кнопок, дисплей замка извинился и отказался подчиняться, Зубов суматошно выбросил руку до выключателя, погасил свет в небольшой комнате-гардеробной и, юркнув за костюмы, расправил их перед собой.

Осторожно сместился в самый угол и спрятал торчащие

под костюмными обрубками ноги за длинные пакеты с пальто и дубленками.

В голове пылала одна-единственная мысль: «Эта дура с ворованным чемоданом в кабинете. Эта дура с ворованным чемоданом в кабинете...» Ничего более конструктивного в мозгах не появлялась, поскольку все думы заняла нелепая овца с украденными тайнами Бориса Семеновича.

«Господи!! Ну зачем я полез под лестницу?! Пришел бы к Гале, дал под дых...»

Подняв голову вверх и закрыв глаза, Илья ждал вопля.

Не Берты, разумеется, овцы или Галины. Как только мачеха засечет в своих владениях непонятно откуда появившуюся зеленощекую девицу, то призовет к ответу Галю, и уже та вцепится в воровку – поднимется переполох.

Одна надежда, что овца попалась молчаливая.

Где-то в далеке, кажется в гостинной, бубнили неопознаваемые голоса, к спальне папы никто не приближался, скандала почему-то не было...

«Берта не пойдет в кабинет отца, Берта не пойдет в кабинет отца», – как заклинание талдычил Зубов, сам попадал под гипнотический ритм слов, болтая головой вверх-вниз, вниз-вверх...

Закушенная до боли губа заставила очнуться, когда в квартире стало тихо.

Сколько времени Илья проторчал, по сути дела, в шкафу, понятно не было. Может быть, минуты, может быть, часы,

Илюше показалось – вечность.

(Что по этому поводу показалось Землероевой, лучше не представлять, ей до смерти хотелось пить, писать, чихнуть – все вместе!!)

Подсвечивая себе мобильным телефоном Илья добрался до сейфа, с первой попытки заставил его открыться и сразу же в голубоватом свете увидел лежащую поверх кейса с цифровым замком карту памяти фотоаппарата. Положил ее в карман, тихонько все привел в порядок и выбрался из духоты наружу.

По окнам спальни барабанил дождь. К небольшой оконной щелчке присосались легкие шторы, по итальянской мебели гуляли серые законные блики, откуда-то доносился звук работающего телевизора.

Илья прислушался – звук шел из кухни. Оттуда же доносились звяканья посуды и шум воды: Галина совмещала уборку с довольно громким просмотром вечернего сериала.

Парень выглянул в полутемный коридор: свет проникал только из-за застекленной кухонной двери. В гостиной тихо и темно, из-за двери в спальню-будуар Берты не просачивается свет.

Быстро проскочив отрезок коридора: спальня папы – кабинет, Зубов заскочил в комнату, огляделся и... очень удивился, не обнаружив в кабинете Дусю.

«В шкафу сидит?» – навеяли мысль собственные приключения. Илья подошел к узкому платьевому отделению книж-

ного шкафа, куда отец вешал домашние костюмы и атласный барский халат с кистями, повернул в замочке изящный ключ – опомнился. Шкаф заперт снаружи, значит Евдокии внутри нет.

– Ей, – сказал тихонько, на всякий случай, так как уже предполагал: ловкая волчица-скалолазка сподобилась исчезнуть из квартиры по карнизу, кругом обойдя весь дом до навеса над крыльцом заднего хода.

– Я тут, – раздался мрачный голос из угла.

Илья резво сунул нос за шторы: угрюмая, как многолетняя узница замка Иф, Дуся стояла за портьерой в обнимку с чемоданом.

– Молодец, – немного пораженно и совершенно искренне, сказал Илья. – Догадалась спрятаться.

– Сюда твоя мачеха заходила, – вылезая из-за штор, отпартовала Землероева, собралась в деталях поведать о разговоре двух любовников, но была перебита быстрым шепотом:

– Пойдем скорее! Галка на кухне, телевизор работает, Берты дома нет.

Схватив Евдокию за рукав куртки, Зубов подошел к двери, открыл ее, прислушался – вода, телевизор и посуда гремят на всю катушку – и быстро вытолкнул воришку впереди себя.

– Быстро, к двери!

Воришка, переминаясь, не сдвинулась с места.

– Ты что?! – опешил Зубов.

Мрачно стиснув зубы Евдокия прошипела:

– Мне срочно надо в туалет.

– Куда?!

Набычив голову, упрямо сверкая глазами, воришка замерла перед дверью упрямой ослицей.

Боже мой! Приспичило! Нашла момент!!

– А может быть, потерпишь?! – разъяренно пропыхтел Илья.

– Нет, – твердо заявила Дуся и так стиснула бедра, что не осталось никаких сомнений – девчонка с места не двинется, до двери трех шагов не сделает, описается по дороге.

А никаких животных крупнее попугая в доме нет. Противная лужица в прихожей заставит призадуматься.

Чувствуя, как от ненависти немеют скулы, Зубов прошипел:

– Сразу возле входной двери гостевой туалет.

Девица, семеня, отправилась туда.

Когда оправившаяся Дуся, как подобает приличной барышне, СМЫЛА ВОДУ, Илья чуть в обморок не грохнулся от звукового шока!

Шум воды на другой стороне квартиры стих, перестала брякать посуда.

– Берта, это ты? – зычно поинтересовалась Галя.

Хорошо, что, пока овца-волчица оправлялась, Зубов успел в дверной глазок исследовать пустынные окрестности

подъезда! Ни секунды не раздумывая, он схватил за шкирку дурищу с драгоценным портфелем, вышвырнул ее на лестницу и выпрыгнул сам, просчитывая на ходу каждый шаг кухарки: сейчас она отходит от мойки, подходит к выходу из кухни, топает до поворота к прихожей...

Щелк! – сказал дверной замок.

Успели. Вопля нет.

Зацепив рукав воришки, Илья понесся вниз по лестнице – Галина может догадаться глянуть в глазок! – допрыгал до нижней площадки, вытянув шею, посмотрел на улицу со стороны двора: перед подъездом замерла милицейская машина с мигалкой на крыше.

Зубов дернул Дусю за рукав и осторожно прокрался вдоль свежеокрашенной стены к парадной двери. Только отбежав от крыльца метров на двадцать, выпустил чужой рукав.

Согнулся пополам, отдышался, машинально нашаривая-проверяя в кармане карту, и снизу вверх взглянул на Дусю.

– Ты как, подруга?

– Нормально, – ответила бледно-зеленая девушка.

– Вот и отлично, – медленно разогнулся Зубов. Подумал несколько секунд и скупой улыбнулся на прощание: – Адю, малышка. Всего хорошего. Не кашляй.

Нелепая воровка убийственных секретов надоела до спазма печени. Зубов видеть ее не хотел! Повернувшись спиной к застывшей девушке, он прощально взмахнул рукой, сделал

несколько шагов по узкой дорожке, как вдруг услышал:

– Твоя машина стоит в соседнем переулке?

Удивленный Зубов вначале не остановился, не понял, в чем подвох вопроса. Ну, поставил он машину неподалеку, ну, к ней направился – кому какое дело?

– В ста метрах? – безэмоционально и глухо добавила девушка.

Не только суть вопроса, но и голос заставили Илью затормозить и встать к девушке лицом.

– Тебя там ждут, – спокойно глядя недавнему партнеру в глаза, прижимая к животу портфель, сказала та.

– Кто? – шершаво выдавил внезапно осипший Зубов.

– Ты ведь – Илья? – все так же монотонно, глядя на него немигающими мертвыми глазами, спросила девушка.

Тут надо немного вернуться в прошлое. Развлекаясь в дворницкой, Зубов заставил воровку представиться, а сам и не подумал об ответной вежливости – не по чину выглядело. Дуся же, слушая разговор Берты с настойчивым ухажером, запуталась в «щенках» и «козлах», не смогла убедить себя в том, что точно вспомнила имя мажора из седьмой квартиры, и сейчас боялась запутать не только себя, но и этого высокого парня. Который, не исключено, помог ей остаться в живых.

И отомстить за Костика.

Битый час, нюхая за шторами пыль, Евдокия все тверже утверждалась в мысли: если бы ее не заперла в дворницкой палка, то, вероятнее всего, ее прибили б вместе с братом.

Неизвестно, какие такие секреты заставил ее Костик спереть из машины Бориса Семеновича, но дело явно не в подчистке циферок. Если бы дело касалось только бухгалтерского косяка, шеф дал бы подчиненному по шее и уволил к чертовой матери.

Но Костика – пытали.

А он, как ни прискорбно признавать, не из породы терпеливых. Котику достаточно получить в глаз, и из него моментально посыплется все сведения: о сестре, бумагах, хитром плане.

Но Костика – пытали. Привязали к стулу, разбили губы и напугали до смерти.

Вероятно, Борис Семенович добивался от Костика каких-то важных ответов. Хотел быть в чем-то уверен до конца...

Или Котик старался ради Дуси? Не хотел ее выдавать?

Нет, чепуха. Откуда он мог знать, что Евдокия застряла надолго? Он ждал ее прихода с минуты на минуту, так что изображать подпольщика-красногвардейца надобности не было. Как только получил удар, так сразу и скис, все выложил.

Но его – пытали.

И эта мысль назойливо сверлила голову, засела под черепной коробкой ядовитой занозой и, болезненно ноя, не отпущала.

... На вопрос, как его зовут, Зубов только кивнул головой.

Воровка, крепко прижимая к груди пакет с добычей и глядя в пространство за его спиной, медленно повторила подслушанный разговор Берты и некоего мужчины. Не скрывая и не приукрашивая, проговорила все эпитеты.

У Ильи буквально подкосились ноги. Невольно оглянувшись в глубь сквера, он понял, что, пройдя всего сто метров, свернул бы к переулку, вышел напрямую к своей машине, а там...

Горло словно обручем стянуло. Нервно передернув плечами, Илья поежился и помотал головой.

– Отца где-то держат? – тупо спросил у Дуси. – Он жив... пока. А меня ищут, так?

Землероева невразумительно и молча тряхнула головой. Роли стремительно менялись. Только что собравшийся уходить Илья внезапно понял, что стоящая перед ним девушка с украденным портфелем, возможно, и есть единственная ниточка, способная привести к отцу. Евдокия же начинала равнодушно поворачиваться к дому – она сделала для этого парня все, что могла, – теперь настал черед заняться непосредственно своими проблемами. В квартире Котика светились все окна, за шторами мелькали силуэты людей, способных помочь ей отомстить за брата. Настала ее пора говорить «адыю» мажору.

– Подожди! – выкрикнул ей в спину Зубов. – Постой! Повтори еще раз все, что ты услышала!

Бесчувственно и устало Дуся обернулась. Несколько ча-

сов страха высосали из нее все силы, вымотали душу, остаток жизненных ресурсов необходимо распределить на дело: разговоры со следователем, с мамой, с тетей Зиной, кусочек энергии приберечь под слезы, до квартиры еще надо как-то дотащиться... Она и так ушла из дома, только для того, чтобы спокойно, на улице предупредить этого парня об опасности. Зачем еще раз повторять чужие слова? Все и так понятно.

Пораженческие мысли так четко обозначились на бледном лице воровки, что Зубов испугался: сейчас, как недавно в квартире, она проявит твердость и пойдет туда, куда ей нужно. Кажется, девчонка находится на грани помешательства от нервного перенапряжения, а в таком состоянии ей действительно все равно, что с ней будет.

– Евдокия, не торопись, – как можно мягче, забыв на время о собственных интересах, проговорил Илья. Ему стало жизненно необходимо удержать девчонку, сбить ее с курса, изменить настрой! – Куда ты собралась?

– Туда, – мотнула волосами упрямая воришка-неудачница.

– Зачем?

– Отдам портфель, все расскажу...

– Что ты расскажешь? – добавив сарказма в голос, перебил Илья. – Что ты украла портфель из машины?

– Ну... да.

– И что? Что будет дальше?!

– А разве непонятно? – Дуся безразлично пожалала плечами. – В смерти Костика виноват его шеф Борис Семенович.

– Но ты-то пока живая! – стараясь, чтобы слова прозвучали убедительно и ласково, воскликнул Зубов. Подошел к воришке и, приобнимая ее за плечи, повел в сторону от дома. – Куда тебя несет, дурочка?

– Туда, – попыталась вырваться девчонка. – Отдам милиционерам портфель, все расскажу...

– Глупая, тебя «закроют» тут же, и ничем ты Косте не поможешь! Думаешь, кто-то будет разбираться в...

– Мне все равно, – упрямо перебила Дуся. – Костик мертв...

– Да послушай же ты умного человека!!

Зубову был омерзителен спектакль, который приходилось разыгрывать перед оступевшей от стресса девчонкой, был мерзок он сам, голос, притворно изливающий сочувствие! Хотелось схватить девчонку в охапку, утащить ее из сквера и как следует трясти, трясти по дороге: «Очнись, очнись, дурьнда!! Тебя закроют в камере – ты вор! Никакой адвокат не придет тебе на помощь, только я, я могу вытащить тебя из этого дерьма!! Потому что у меня есть деньги, есть связи и только я заинтересован, чтобы тебя с твоими секретами не придушили полотенцем в камере!»

Но приходилось действовать убедительно и нежно. Не оттолкнуть, не напугать. Короткими неторопливыми шажками уводить упрямицу подальше и увещевать, втолковывать:

– Если ты сейчас притащишь портфель милиционерам, те вызовут его владельца, так?

– Ну, – тупо соглашалась Дуся.

– Борис Семенович богатый человек?

– Наверное.

– А милиционеры – нищие. Как думаешь, они договорятся?

– О чем? – Моргая глазищами, Евдокия остановилась.

– О том. Чтобы из портфеля исчезли все компрометирующие документы. Что ты будешь предъявлять начальнику своего брата, а?

– Ну-у-у... Охранник наверняка знал, что Костик живет поблизости. Один из его сменщиков приятель Коти... Они, наверное, вспомнили, позвонили тому другу, пришли...

– Ну, – согласился Зубов. – Наверное, вспомнили. Что дальше?

– Над дверью в подъезд есть камера...

– Подъезд обесточен! – выкрикнул Илья. – Обесточен! Рабочие даже входную дверь отключили от питания!! – По правде говоря, Зубов совершенно не представлял, насколько его слова соответствуют действительности – работает ли камера над дверью, не работает ли?

Не важно! В данный момент важно только одно – не дать девчонке сесть под милицейские замки и стать недостижимой для решения его вопросов!

Только Евдокия сможет опознать человека, беседовавшие-

го с Бертой в кабинете. Только она способна помочь в розысках отца, а из кутузки это будет сделать тяжело.

– Если ты сейчас отдашь милиционерам портфель, то потом уже ни за что не сможешь доказать, что там было прежде.

– А как же тогда... – В зеленых глазищах девчонки появилась мысль, плеснулась первая крошечная волна недоумения.

Закрепляя успех Зубов легонько встряхнул Евдокию, нажал пальцами на худенькое плечико.

– А вот как же тогда и надо подумать. Предлагаю сделать список всего, что находится в портфеле... Если хочешь, можно даже у нотариуса его заверить...

Болтая все, что на ум приходит, Илья все дальше и дальше уводил девчонку от страшной квартиры, где к стулу привязан мертвый человек. Болтал и морочил, не позволял сосредотачиваться на прежнем направлении, монотонно оплетал тугими водорослями слов, утягивал в бездумный омут подчинения... Старался.

Слова Ильи накрыли Дусю с головой. Глаза заполнились зеленой мутью, помертвели.

Зубов же чувствовал себя каким-то извращенцем-кукловодом – совратителем бессловесных манекенов. И потому он очень удивился, когда покорная кукла разомкнула губы и мертвенным голосом произнесла:

– Телефон дезактивируй.

– Что? – бестолково брякнул «кукловод», задумчиво разглядывавший небольшую толпу на автобусной остановке. Общественным транспортом Илья уже давно не пользовался, он собирался подойти к обочине, проголосовать частнику и увезти ошалевшую девчонку подальше от дома.

– Телефон, говорю, дезактивируй. Тебя по нему уже, наверное, пасут.

– Ух ты! – опомнился самонадеянный «извращенец», перестал лапать, как оказалось, совершенно не бездумный манекен и выдернул из кармана мобильник.

И очень-очень вовремя! Как только вынул трясущимися пальцами батарейку из мобильного, невольно оглянулся – да так и сел на лавочку под крышей остановки.

Из-за угла дома, где в переулке прятался «порше», выбежали два мужика в спортивных костюмах. Причем явно не на позднюю пробежку вокруг сквера. Один из мужиков держал возле уха телефон, разговаривая на ходу; второй обшаривал глазами окрестности. Вид бегуны имели самый решительный, не склонный к сантиментам.

По всей видимости, предположил Илья, едва сигнал его мобильного начал удаляться в противоположную от «порше» сторону, оператор связи слил информацию, и засада рванула на розыски.

Почему-то, прослушав Дусин доклад относительно козней мачехи, Илья нарисовал в воображении картину: возле его «порше» засели в джипе ребяташки, наподобие охраны

папиной компании – в приличных «похоронных» костюмах, начищенных ботинках и при галстуках. На лицах непробиваемые выражения: волкодавы опытные – протяни не туда руку, по локоть откусят.

На самом же деле к автобусной остановке рысили два типичнейших бритоголовых братка. На одном даже толстенная цепь шириной в линейку первоклассника поблескивала.

Все еще немного приторможенная Евдокия недоуменно поглядела на рухнувшего на лавочку Зубова, задрала вверх брови.

– Иди сюда! – тихо рыкнул Илья, дернул полумертвую во-ришку за край куртки и буквально уронил себе на колени.

(Если вспомнить о законах жанра, поцелуй таки случился!
Браво.

Не ожидаемый – невинный, случайный и местами нежный. А совсем наоборот: произошло бесстрастное соприкосновение онемевших от безразличия губ. Ни один из участников даже томно век не смежил: Зубов тарашился из-за Дусиного плеча на двух братков, тоскливо разглядывающих задницу отъехавшего автобуса, Евдокия равнодушно пялилась на загорелое мажорское ухо.

Но со стороны, судя по растерянному невниманию братков, поцелуй смотрелся страстным.)

Братки негромко и быстро потолковали, посоветовались с

кем-то по телефону и разбежались в разные стороны.

На парочку возле мусорной урны посмотрели без особой подозрительности. Один из мужиков, правда, огладил взглядом Дусины ножки в штанишках из обычного магазина спорттоваров и задержался на потертых черных кедах – в них всепогодная бегунья Землероева ежедневные круги вокруг квартала нарезала. Потом подумал мгновение и решительно сделал шаг к скамейке – у Зубова чуть сердце из груди не выпрыгнуло! – но ощутил довольно сильный запах краски-скипидара и перевел взгляд ниже, на перепачканную краской брючину Ильи и поношенный кроссовок с измазанной бежевой краской подошвой.

«Маляры после работы милуются», – отчетливо и разочарованно сказала лицо преследователя. Браток недовольно поморщился, отвернулся и махнул приятелю рукой на удалявшийся, заполненный автобус.

По всем позициям, разыскиваемый Зубов должен быть один. Если какая-то умная голова давала бритоголовым бугаям наметки, то в инструктаж наверняка входили характеристики разыскиваемого: богат, надменен, хорошо одет, сиречь – на лавочках у остановок не сосет. Если, конечно, эта девица не представитель высшего эшелона столичных тусовщиц, и парочка только-только не вывалилась из фешенебельного кабака. А Зубов вусмерть пьян и шибко весел.

Сочетание из Дусиных кед, скипидарной вони, времени суток и отсутствия поблизости развеселых кабаков – сбило

погоню со следа.

Не веря счастью и на всякий случай не отрываясь от губ воришки, Зубов скосил глаза в спины убегающего братка... и вздрогнул! К остановке скучающей вечерней походкой приближались патрульные милиционеры. Сержант и младший лейтенант.

Невероятный день. Смесь из абсолютного невезения и полновесного дурацкого счастья! Скорее всего, если б не патруль, неспешно бредущий по тротуару, браток проявил бы усердие и проверил: кто это такой влюбленный на улице милуется?!

Но тут решил не нарываться. Мгновенно взвесил за и против и поскакал в обход квартала, разыскивать высокого блондина с некстати разрядившимся мобильным телефоном. Его приятель помчался обратно к переулку, из которого вслед автобусу выворачивал-таки блестящий лаком черный внедорожник.

Илья дождался, пока машина подхватит братка, а милиционеры пройдут мимо, и отлепился от Дусиных губ.

Землероева, кажется, совершенно не заметила, что ее сейчас целовали. Внутри нее выла и умирала душа, наружный мир перестал существовать даже в микроскопических ощущениях – Котика больше нет! Маленькая вселенная Евдокии Землероевой сократилась до ощущения ворованного портфеля у помертвелой груди, до мысли-занозы: «Ты осталась жить для мщения!»

– Нам нужно к нотариусу. – Вот что волновало Дусю.

Зубов уже успел забыть о том, что плел воришке по дороге. Очумело уставившись в безучастные к происходящему глаза, Илья кивнул.

– Сначала уедем отсюда.

Первый же старенький «фольксваген» остановился возле остановки на повелительный взмах зубовской руки, парень запихнул Евдокию на заднее сиденье, сел рядом и дал водителю задание везти их к дому Дуремара.

Еще убалтывая Дусю в сквере Зубов суматошно перебирал в уме друзей, прикидывал, к кому он может обратиться за помощью, и, как ни поразительно, пришел к выводу: обширный круг приятелей сузился до двух человек. Забытого на годы недавнего мента Паршина и безотказного мальчика на побегушках, большого любителя шикарных автомобилей Сереги Дуремара.

Только эти двое знали точное время прилета Зубова в Москву и никому о том не сообщили – Илью поджидали в аэропорту в момент прибытия индонезийского рейса, и это абсолютно точно. (Если, конечно, перепуганная девчонка чего-то не напутала в пересказе, но это вряд ли.) Еще дожидаясь отправки заупрямившегося азиатского борта, не теряя надежды и скучая, Илья позвонил одному из друзей и сообщил, что прилетает в Москву. На что Глеб обрадовано заявил: «Сообщу всем нашим, отметим возвращение!» Почти сразу после этого разговора батарейка телефона начала

подышать, и Зубов стал звонить только по делу. Олегу Паршину с извечным российским вопросом «что делать?» и сообщил Дуремару об изменении времени и места приземления.

Из всего вышеописанного следует: информация о возвращении Илья в Россию могла просочиться только от его друзей – уж Глеб наверняка расстарался, половину столицы оповестил о тусе! – или старинного приятеля отца Геннадия Ивановича. Тот занимал один из директорских постов компании, судя по разговору с сыном друга, ни о чем особенно не переживал, и сообщать ему об изменении времени прилета Илья не стал.

То есть обращаться за помощью к лучшим корешам или к другу отца опасно. Любой из них – пусть даже «по доброте душевной» – мог стукнуть Берте о возвращении пасынка, вне подозрений только Дуремар и Паршин.

– Ей, шеф, – привлек внимание водителя Илья, – кусок бумаги и ручка есть?

Водитель «фольксвагена» протянул руку к бардачку, достал оттуда блокнот с зажатой между страниц авторучкой и молча протянул пассажиру. Зубов быстро активировал мобильник, переписал на листок номера сотовых телефонов Олега и Сереги и снова обесточил аппарат. Прodelьвать ту же манипуляцию в непосредственной близости от дома Дуремара Илья посчитал чреватым: в том гиблом заводском районе, кроме Сереги, нет ни одного приятеля. Если за ро-

зыски «щенка» мачеха взялась всерьез, оператор сотовой связи настучит, где и в какое время в последний раз подал сигнал телефон Ильи – к Дуремару заявятся «гости» с широкими плечами и бандитскими цепями.

Довольный своей предусмотрительностью Зубов обернулся к Дусе – девушка безучастно глядела в мокрое переднее окно. «Спросить у нее мобильный телефон и позвонить Сереге? – подумал, хмуря брови. – Нет, ни к чему засвечиваться. Подъедем к месту, позвоню из автомата».

Мокрая, готовая к промозглому уик-энду Москва темнела и пустела. Направленные на выезд трассы еще тащились в пробках, но дороги в центре радовали пустотой, шустрый серый «фольксваген» уверенно пробирался к району серых бетонных пятиэтажек.

Илья расплатился с водителем, вытащил за рукав потерянную Дусю и, приказав ей не двигаться с места, быстро порысил к ларьку за картой таксофона.

Когда возвращался, сердце вновь кольнула жалость: под фонарем, не двигаясь, стояла промокшая и бледная девчонка в разорванной Зубовом куртке. Прижимала к груди измятый белый пакет. Глаза незряче глядели в пустоту, проходящая мимо старушка, потрогала Дусю за локоть.

– У тебя все в порядке, миленькая? – спросила сердобольно.

Закостенело двинув шей, Евдокия повернула к бабушке

слепое лицо.

– О господи! – охнула добрая старушка. – Да ты чего это, девонька?!..

– Это моя сестра! – быстро подскочил Зубов. – Спасибо, у нас все в порядке. Пойдем, Дуся.

Под недоверчивым взглядом бабушки, вновь обретая навыки кукловода, Илья развернул Евдокию к будке уличного телефона. «Наркоманка небось», – донеслось брезгливое предположение еще недавно сердобольной старушки, и Зубов мысленно хмыкнул: ненадолго же хватает жалости современному мегаполису.

Илья поставил Дусю под козырек автомата и перво-наперво набрал хорошо знакомый номер домашнего телефона Дуремара.

По уму-то перво-наперво надо было Паршину звонить. От бывшего мента в проблемах, к которым привлечены братки, побольше толку. Но прежде чем встречаться с сыщиком, Илья хотел пристроить Дусю в надежные Серегины руки. Друг Дуремар девочку Дусю отогреет, присмотрит, за порог не выпустит и в милицию позвонить не даст.

...Ни домашний, ни мобильный телефоны Дуремара не захотели общаться. Из трубки неслись бестолковые длинные гудки, дождь стегал по тротуару яростными, совсем осенними плетями.

– Подожди, – попросил промокшую, замерзшую Дусю Зубов. – Еще один звонок и пойдем в тепло. – Быстро набрал

номер Паршина и очень обрадовался, наконец-то, услышав отзыв. – Алло, Олежа! Это Зубов!

– Привет, – торопливо и тихо отозвался Паршин. Судя по характерном звукам, Олег находился в каком-то кабаке. – Ты не очень вовремя, я на работе.

– Прости, – быстро отчеканил Илья. – Ты просил позвонить, когда добуду карту памяти.

– Молодец. Встретимся завтра. Звони.

– Утром?! – с надеждой воскликнул Илья. Неожиданно он очень испугался, когда понял, что немедленной помощи не будет, занятый хлебом насущным сыскарь может запропасть до завтрашнего вечера.

А надо срочно вызволять отца, надо что-то делать!

– Да. Утром я на связи.

Повесив телефонную трубку на рычаг, Илья прислонился лбом к аппарату и некоторое время тупо смотрел на кнопочки с цифрами. Ему внезапно показалось: все это происходит не с ним, вокруг кино снимают, а все случившееся – розыгрыш. Кто-то из друзей заказал для самоуверенного Илюши Зубова экстремальный тур по тауну и собирается поржать, доведя Илью до сумасшествия или состояния затурканного бомжа. Девчонка с пакетом – подставная актриса, труп на стуле – загримированный под щекастого соседа привет из городского морга. Отец на алтайском озере рыбу ловит и в ус не дует.

Что произошло с Ильей за неполный час?! Почему рас-

сказ девчонки так выхолостил мозг?! Почему Илья – как полное чмо! – звонит с уличного, поливаемого дождем телефона?! Как получилось, что нагловатый отпрыск миллиардера Зубова не отправился в любое кафе, не бросил бармену купюру и не потребовал телефон на стойку, а бегал под дождем за телефонной картой и до сих пор мокнет под крошечным козырьком уличного аппарата?

Что с ним случилось?!

Илья скосил глаза на Евдокию. Если рядом, под дождем, стоит актриса, то девочку следует номинировать на премию «Турандот» или какую-то там театральную премию-маску – спектакль удался. Без помощи гримера девчонка то бледнела, то зеленела, то возмущенно пылала... Глаза правдивы до последней намокшей реснички: в них мука, оторопь, боль и непонятно что потустороннее.

– Ты как? – все еще нажимая лбом на телефон, чуть-чуть насмешливо спросил Илья. Кажется, ему удалось себя убедить – все розыгрыш. Дорогостоящая инсценировка, начавшаяся со встречи с пошляком Ковалевым и продолжившаяся теперь у дома Дуремара.

Взгляд Евдокии вернул к действительности. Если когда-нибудь Зубову придется услышать ссылку на «мертвые глаза», он вспомнит Евдокию. Ее глаза – не жили. От правдоподобия вмерзших в зеленоватый лед зрачков, мороз продавал скребком по коже, ветер, как будто появившийся под одеждой, топорщил крошечные волоски на теле.

Илья резко оторвал голову от железа, взял девушку за руку и повел к недалекой сосисочной (или пельменной?). В ста пятидесяти метрах на углу дома напротив было довольно уютное кафе, где они иногда встречались с Дуремаром, но неожиданно для себя Зубов понял, что не хочет тащить под дождем девчонку даже лишнего десятка метров. В состоянии близком к помешательству иммунитет ослаблен. Если срочно не напоить девочку чем-нибудь горячим – заболит.

«Лечи ее потом, возись», – отрекаясь от непривычной заботливости, ворчал про себя Зубов.

Сирых много, ты у себя один. На всех не хватит. Старый зековский принцип: «Не верь, не бойся, не проси», упрощенный диалект тусовки свел к единой фразе: «Не парься».

Не вникай.

В пельменной неожиданно нашлась текила.

Перед скукожившейся за столиком Евдокией поставили тарелку с горячими, дымящимися паром пельменями домашней лепки. Соусник сметаны.

Пахло аппетитно, Зубов даже задумался: а не заказать ли порцию себе?

Но одернул голод: пельмени в забегаловке – это уже слишком, это уже перебор с довеском, так скоро можно до шаурмы и проездного на метро скатиться. Был бы активирован мобильник, позвонил бы Глебу и отправил фотку – показал, где ужинать изволит. Поржали б вместе.

Евдокия смотрела на пельмени и вилку, как Маугли на паровоз. Словно впервые увидела вареное тесто с мясом и предмет с четырьмя зубцами.

– Ты есть будешь? – напомнил Зубов, отхлебывая текилы. Девчонка с пустыми глазами невольно и, пожалуй, предсказуемо начинала раздражать.

Утешать сырых и убогих Илья не умел, не любил и, пожалуй, не собирался. Много лет назад попробовал с ревущей одноклассницей – чуть не женили.

– Ешь, все остынет.

Воришка неловко взяла вилку, тут же выронила ее на стол, судорожно всхлипнула...

– Принесите еще текилы! – рявкнул Зубов на всю пельменную. Компания пожилых работяг поглядела на него исподлобья, небритый мужик неприязненно дернул щекой. – Слушай, Дуся, – налегая на стол грудью, приблизив лицо к сидящей напротив девушке, шипяще выдавил Илья, – если не пожрешь, мозги совсем отключатся. Поняла? Если хочешь соображать нормально – жуй!

Девчонка мотнула мокрыми сосульками волос, негнушавшись пальцами подцепила вилку...

– Вот и молодец, – откинулся назад Зубов. – Давай ешь, немного выпей и поговорим.

Пищевод Землероевой отказался принимать пельмень: сузился до диаметра коктейльной трубочки и пропустил через себя только огненное кактусовое пойло.

В пустом желудке пошло превратилось в фейерверк с выхлопом до самых ноздрей! Дуся закашлялась и сразу поняла, почему бесчувственному человеку дают понюхать нашатырь.

Пожалуй, пить текилу надобности вовсе не было – достаточно просто понюхать, чихнуть и тем прочистить скукожившиеся в ступоре извилины.

Протерев выступившие слезы, Евдокия наконец-то совладала с вилкой и уговорила парочку пельменей.

Через минуту догадалась, что шибко пьяная сидит. В последний раз она завтракала десять часов назад, а сорокаградусное средство принимала лишь однажды в виде коньяка на прошлогоднем отдыхе – Костик угостил на пляжной вечеринке. (Новогоднее шампанское и слабенькие клубные коктейли не в счет.)

Зубов внимательно наблюдал, как розовеют Дусины щеки и взгляд становится осмысленным, все правильной работает вилка – перегнулся через стол и добавил в тарелку сметаны.

«Никогда не заведу себе щенка, – отодвигаясь, подумал почему-то. – Корми его, выгуливай, привязывайся...» Девчонка в дебильной прозрачной кофточке почти без пуговиц больше походила на приبلудившуюся кошку со свалявшейся шерстью, но мальчик Илюша Зубов всегда хотел собаку.

– Наелась? – спросил с интонацией отца-одиночки. Отодвинул грязную тарелку, поставил перед Дусей давно принесенную официанткой чашечку с кофе: – пей.

Евдокия оплела чашку пальцами и так посмотрела на

Илью, словно ожидала, что он ей счет за угощение выставит. «Не дуручка», – слегка смутился под зеленоватыми взглядом Зубов. Как каждый нормальный мужик он не любил, когда его прорсчитывают, тем более не ожидал подобной прозорливости от воришки-неудачницы.

– Евдокия. – Прочистив горло тихим покашливанием, Илья сплел перед собой замок из пальцев и немного покачался взад-вперед. – Я думаю, ты понимаешь – мы в одной лодке. У тебя неприятности, у меня неприятности – легче выбираться сообща.

– У тебя пожар, у меня потоп... – тихо проговорила Дуся. Прищурилась. – Зачем я тебе? Зачем ты хочешь впутаться в мои неприятности? Своих не хватает?

Еще чего придумала! В чужое дерьмо соваться?

Зубов перехватил данную лицевым мышцам команду на брезгливость, придал физиономии полнейшую серьезность и задал вопрос, вполне логичный для сословия нуворишей:

– Дуся, у тебя есть мечта?

«Есть, – могла б ответить Землероева. – Как и у всех девчонок. Я мечтаю встретить хорошего парня, выйти замуж, родить девочку и мальчика, можно даже двух девочек и двух мальчиков...»

Но серьезный до глупости голос богатенького Буратино звучал не так, чтобы ему ответили по правде. За голосом прослушивались удары лопаты о землю на Поле Чудес в Стране Дураков.

– Дом, дача, машина, маленькая собачка с бриллиантом на ошейнике, – пряча нетрезвую насмешку, выдала Евдокия.

– Это все у тебя будет, – напыщенно кивнул Буратино, и Дуся поняла, что угадала: таким как он легче заплатить, чем попросить. Естественную реакцию девушки на выданье он либо осмеял бы, либо посчитал кретинизмом, недалеким, лишенным расчета вывертом. «Мальчики и девочки? Нормальный муж?..» Этого добра на любом перекрестке навалом! Выходи замуж и рожай бесплатно.

Другое дело – нормальная человеческая жадность: подвалил момент – хватайся. Второй раз не обломится.

– Но прежде всего тебе потребуется хороший адвокат, – убедительно проговорил Илья. – Без дорогого защитника из этого дерьма не выпутаться. Твой брат убит, ты сама будешь обвинена в краже. Вероятно, появятся влиятельные враги. Ты это понимаешь? – спросил с напором.

Девушка кивнула, сгорбилась.

– Если ты сможешь мне найти отца – его, вероятнее всего, похитили и где-то держат, – я найму тебе хорошего адвоката. Лучшего. Отец проявит связи и поможет тебе выпутаться. Ты мне веришь?

Евдокия не знала, верить или нет. Зачем она вдруг так понадобилась этому буржуйскому сынку? Еще недавно он вроде бы «адью» ей говорил, уходить собирался.

Что он задумал?!

Но выбора не было. «За неимением гербовой...» – сказа-

ла бы мама, а богатенький Буратино вполне и на гербовую тянет...

Лихорадочные мысли отражались на Дусином лице, Зубов прятал напряженную усмешку – подвох девчонка ищет – и ждал. Кажется, он выложил перед воровкой все преимущества участия в ее судьбе, если не дотумкает, если откажется... Будет полной дурой.

– Чего ты от меня хочешь? – так и не найдя подвоха, устав ворочать отяжелевшими мыслями, спросила Землероева.

– Ты сможешь мне найти человека, с которым разговаривала Берта.

– Как? – Дуся поразилась совершенно искренне.

– Ты его видела в кабинете?

– Нет. Я стояла за шторами, он только чуть-чуть в стекле отражался.

– А голос? – не терял надежды Зубов.

– Голос?.. – Евдокия закусил губу, задумалась. – Наверное... смогу узнать. – Пожала плечами. – Но как? Ты что, мне очную ставку со всеми приятелями мачехи устроишь?

– Нет. Завтра я встречу с одним мужиком – частным сыщиком, раньше в ментуре работал, но его за драку оттуда поперли. Паршин поможет мне найти записи с камеры наблюдения подъезда нашего дома...

Говоря о камерах, Илья заметил, как негодуяще выгнулись ноздри девчонки. «Вспомнила!» – огорченно и быстро мелькнуло понимание. Воришка не совсем превратилась

в безмозглый манекен, когда Зубов, оттаскивая ее от дома, болтал об отключенном питании дверных замков, о неработающей камере...

Начхать! Если не полная тупица – ложь проглотит!

Девчонка проглотила. Прослушала дальше, как Зубов собирается снять информацию с камер, узнать, кто вместе с Бертой заходил в подъезд, и оттолкнуться от этого.

– Мы очертим круг подозреваемых, – убедительно и толково вещал Буратино, – я как-нибудь устрою, чтобы ты услышала их голоса...

– А дальше? – перебила Евдокия.

– Дальше? – Зубов поскреб в затылке. – Дальше будет видно. У меня будут доказательства и свидетель – ты. Мы пойдем в прокуратуру, или в ФСБ...

– А если меня сразу же посадят?

– Не посадят, – весомо пообещал Илья. – Если ты выступишь свидетелем в громком деле, менты сами тебя прикроют.

Евдокия картинно подняла брови.

– Тогда чего мы ждем? Пойдем прямо сейчас, время не терпит, твой отец заложник у каких-то людей...

– Терпит, – жестко перебил Илья. – Пока меня не поймали, отца не тронут. Ты, кажется, именно это расслышала в кабинете?

– Ну да... Но почему...

– Если мы не получим реального подтверждения твоих

слов, если сразу не укажем на сообщника Берты – поднимется волна и отца грохнут просто из предосторожности!

Пожалуй, в запале Зубов произнес последнюю фразу слишком громко. Мерный гул голосов в пельменной на несколько секунд затих, к шушукающейся парочке повернулись заинтересованные лица...

Илья предупредительно выставил вперед ладони в понятном жесте – «все в порядке, мужики, не обращайтесь внимания», – и, когда народ вернулся к своим делам, склонился над столом, шепча:

– Тут надо действовать осторожно, Дуся. Если сразу же полезем к ментам и наломаем дров, то поднимется шум: похитители уберут отца. Понимаешь? Надо сразу указать на человека, способного вывести на похитителей...

– Да это – Берта! – в свою очередь вытянув шею вперед, прошипела Землероева в лицо мажора.

– Без доказательств, без адвоката Берта слова не вымолвит! А как только информация о ее допросе просочится сквозь стены кабинета следователя, отца, как главную улику, убьют и закопают!! Мы должны быть осторожны!

– А почему ты думаешь, что менты не будут осторожны? – Недоуменно поведя плечами, Евдокия задала вполне резонный вопрос. – Почему ты думаешь, что за ней просто не устроят слежку? Ну там... поглядят, с кем она встречается, куда ездит...

– Да за ней полгода будут ходить!! Надо действовать од-

ним махом: пришли, сказали, кто точно знает о том, где держат отца, – хоп, все связи похитителей обрезаны.

– Ерунда какая-то, – не согласилась Дуся, вполне уверенная в мыслительных способностях товарищей-правоохранителей.

С коррупцией там, правда, не совсем в порядке... Но вроде бы похищениями занимаются нормальные ребята, в серьез настроенные.

– Илья, ты что-то финтишь.

Зубов скривился. Как объяснить этой идиотке, что благодаря ее эскападам вся история начинает дурно пахнуть?! Она – воровка, он – через балкон исчез с места преступления, где к стулу привязан мертвый сообщник воровки, и до сих пор не знает: ту ли карту памяти изъял из сейфа в гардеробной?! Что если это вообще другая карта с фотографиями последнего юбилея, например? Они ж все – близнецы!

– Евдокия, надеюсь, у меня есть кое-какие доказательства. В квартиру папы я ходил за картой памяти фотоаппарата, где есть фотки Берты с любовником. Мне нужен компьютер, чтобы убедиться – взял ли я то, что нужно. Еще я хочу сделать дубликат этой карты. На это нужно время, понимаешь?

– Господи! Да иди в любой компьютерный салон! Не сиди как пень – действуй!!

Хорошо сказала. Вмазала. Зубов сам с неохотой признавал: если бы Паршин согласился сразу же приехать, он бы отринул все сомнения и поступил так, как советует Евдокия.

Пошел, сказал, показал фотки и Дусю предьявил.

Но он боялся. Глупо, малодушно трусил. Ему нужна – поддержка.

Илья и представить не мог, как он придет в ближайшее отделение милиции, расскажет дикую историю о встрече под лестницей с воровкой чемоданов, о том, как позже морочил девчонке голову и просил: «Погоди в милицию звонить, я сейчас через балкон перелезу, вернусь и все решим».

Господи, если бы эта коза не сперла чужой портфель!!

Если бы не сперла, то сейчас Илюшу Зубова с кляпом во рту везли бы в багажнике черного джипа.

Тут нужен Паршин. И маленькая, крохотная передышка. Уставшая от треволнений, от долгого перелета голова едва соображала, так можно вместо заявителей в подозреваемые залететь.

И погубить отца.

Тут нужен Паршин. Нужен трезвомыслящий опытный человек со связями в милиции. Человек, который встанет рядом, поддержит опытом, поможет, подскажет.

Или позвонить начальнику охраны компании?.. У него половина ментов Москвы в друзьях или прикормлена, а опыта достаточно...

Ага. А потом окажется, что Аскольд Германович тот самый мужик, который с Бертой шушукался.

Зубову было противно признаваться, что он изнежил за папиной спиной. Как плавленый сырок подтаял на замор-

ских пляжах, хватку потерял...

Да и была ли эта хватка? Илюша Зубов резвый только за телочками бегать.

Жесть.

«Тут нужен Паршин. Одни – не справимся. Вместо того, чтобы отца выручать, придется отстаивать эту бестолковую козу с ворованным чемоданом! Ее проблемами заниматься!»

Мысленно перекинув на Дусю все грехи, забив внутрь думы о собственном малодушии и слабости – да устал я, устал, мне нужно хотя бы выспаться нормально! – Илья мрачно уставился на воришку.

– Повтори, пожалуйста, еще раз, слово в слово, с интонациями, весь разговор Берты и любовника.

Ничего нового в пересказе воришки Зубов не услышал. У девочки оказалась хорошая память, она не перепутала ни одного слова, интонационно так верно передала речь Берты, что Илья буквально сразу представил, как кривятся губы мацехи, выталкивая «щенок», «заткнись», как она приказывает любовнику шевелиться, торопиться с поимкой пасынка...

Оставив Дусю за столиком, Илья сходил в подсобку забегаловки и за крохотную мзду договорился с официанткой предоставить телефон.

Сереге так и не отозвался. Наморщив лоб, Илья перебрал каждого из друзей, представил, кто и где сейчас находится... Часам к одиннадцати можно поехать в клуб, где Глеб обещал

по случаю его приезда накрыть поляну. Там встретиться с друзьями, порешать вопрос с ночлегом, обратиться за помощью к их влиятельным родичам...

Нет, стоп. Если Берте стучит кто-то из его приятелей, у кабака будут ждать в первую очередь.

Черт, как плохо голова соображает!

Так. Что мы имеем? Заграничный паспорт остался в сумке на заднем сиденье машины. Но выходя из «порша», Зубов предусмотрительно пихнул в задний карман брюк портмоне с техпаспортом, водительским удостоверением и кредитками. Так что можно снять двухместный номер в гостинице – Дусю туда провести, у нее наверняка никакого удостоверения личности с собой нет, – выспаться, а завтра на свежую голову встретиться с Олегом.

Или все-таки потерпеть до одиннадцати? Сесть в такси возле клуба, дожидаться кого-нибудь из знакомых? Народу с хатами полно...

Но кто из них, узнав о приезде Ильи, сообщил Берте? Как бы не нарваться... Пугливая ворона, она куста боится. На данный момент усталый мозг воспринимает только сильнейший раздражитель – страх – и отказывается перебирать в памяти лица друзей.

Илья вернулся за столик. Дуся осторожно ковырялась в портфеле Бориса Семеновича, на коленях девушки уже стоял разложенный, включенный ноутбук.

– Ты в компах что-нибудь понимаешь? – спросила она Зу-

бова, и тот индифферентно пожал плечами.

– Немного.

– В ноутбуке пароль.

– Я и не сомневался.

– Сумеешь вскрыть?

Дуремар, наверное, смог бы. Влюбленный в автомобили приятель не только в ходовой части разбирается, но и в электронике шарит, Илья потому и оставил ему «порш» – попросил движок после гонки отладить.

Безотрадно и мысленно Зубов признал свою никчемность и сел напротив высохшей воришки.

– У тебя найдется, где переночевать? – спросил скорее для проформы.

Удивленно поднятые брови девушки показали, что та не понимает суть вопроса.

– Домой нельзя, – тихо объяснил Илья.

– Почему? Мои родители за границей отдыхают, спокойно можем идти ко мне.

По сути дела, горделиво упомянутая «заграница» была всего лишь Украиной. Крошечной турбазой на пыльном полуострове Крым. Но сути это не меняет, правда? Украина – заграница? Заграница. Родители там отдыхают? Отдыхают. Все по правде, не придраться.

Устало и монотонно Илья объяснил, что камера над подъездом засняла, как в дом вошла сестра покойного Костика, и было это приблизительно во время убийства, а информацию

с камеры менты снимут в первую очередь, так что заявятся к сестричке уже под утро...

Евдокия не стала упрекать понурого мажора в недавнем лукавстве и выдвинула версию:

– Но мы же вышли гораздо позже, чем приехала милиция? То есть – на меня не подумают, решат, будто я была в гостях в другой квартире.

– Мы выходили через новую, недавно распечатанную дверь, – печально констатировал Илья. – Уверен, там еще не установлена вторая камера. Так что, – вздохнул, – мы оба под подозрением. К тебе же заявятся в первую очередь. Думай, Дуся, где переночевать.

«Меня у твоих знакомых никто искать не будет, – добавил мысленно с надеждой. – А это архиважно».

Евдокия свела к переносице тонкие брови. Бабушки, тетушки, кузины исключаются категорически и полностью. Баба Зоя в обморок упадет, если Дуся на ночь глядя приведет к ней этого верзилу! Евдокия даже зажмурилась, когда представила реакцию маминой сестры тети Иры! У той главная тема застольных разговоров: как молодые вертопрахи совращают неопытных девочек, как девочки с «подолом» остаются.

По той же причине исключается Синицына. Семья доцентов, мама Вера женщина старой формации, папенька устроит всенощный допрос с пристрастием.

Остальные подружки тоже живут с родителями, хотя кое-

кто из их предков может быть на дачах, на курортах...

Зубов со слабой усмешкой наблюдал, как роется в памяти девочка в дешевой куртке, как двигаются брови, в немом диалоге придумывается некое вранье для престарелых родственников или подружек по малометражному детству...

– Не парься, – буркнул тихо. – Я что-нибудь придумаю. У тебя паспорт или права с собой?

– Нет, – пискнула Землероева, никогда водительского удостоверения и не имевшая.

– Так я думал, – вздохнул Зубов, бросил на столик несколько купюр и приказал: – Пойдем. Чемоданчик собери и на выход. Я пока еще один звонок попробую сделать.

***

Сергея снова не отозвался. (Как оказалось позже, Илья неправильно переписал номер мобильного телефона приятеля.) Зубов вышел на крыльцо, где уже стояла девушка с измятым пакетом, тоскливо посмотрел на вспученные ветром лужи, поднял воротник тонкой курточки и поежился. Засунул руки глубоко в карманы.

Дерьмо! Ну почему все так дерьмово?!

На последнем юбилее отца кого только не было: префекты, депутаты, мужик, который позже приезжал на дачу в форме генерал-майора милиции, такую речь о мужской дружбе толкнул – разрыдаться можно!

«Я идиот, – хмуро упрекнул себя Зубов. – Вместе с картой памяти надо было визитницу из кабинета отца увести. Поко-

пался бы в визитках, нашел телефон того «друга до гробовой доски» с погонами, позвонил бы...»

Нет, нет, нельзя!! Илья едва не треснул себя кулаком по лбу. Неизвестно, с каким мужиком Берта в кабинете шушукалась! Непонятно, какой еще «козел» в деле замешан!!

Может быть, все-таки связаться со своими пацанами? Парни, в отличие от прописавшегося на пляжах Зубова, в тусовочной обойме. У Сени дядя вроде бы не последний чин в Министерстве внутренних дел, а Головастый как-то приводил толи дочку, толи внучку нужного префекта...

Илья поднял голову вверх, стиснув скулы посмотрел на темное клокастое небо и сдержал желание завывать.

Нельзя! Нельзя носиться по Престольной и разыскивать дочек-внучек и чинов из министерства. Чем больше народа в курсе дела, тем вероятнее опасность: отец жив, пока сын бегает по задворкам и не светится. Сколько там времени прошло после приземления индонезийского борта – час, полтора?..

Навряд ли больше. А за этот час сообщники Берты успели и машину через спутник засечь, и на оператора сотовой связи выйти, и выставить посты на ключевых местах.

Кто, кто они – эти сообщники?!

Ну, один, предположительно, тот самый Миронов с фотки. (Хотя не факт. Берта оказалась шибко шустрой дамочкой, если верить Дусе – двух мужиков на короткий поводок посадила.) Второй...

Второй «мистер Икс». Темная лошадка.

Но вряд ли кто-то из друзей Ильи. Какая бы ни была Берта игривая да шустрая, для его парней она старая кляча.

Тогда может быть все же связаться с друзьями? Сил нет в одиночку со всем справляться!

Может быть, отъехать от дома Дуремара, активировать мобильник, переписать номера телефонов Глеба и Сеньки, потом позвонить им с другого телефона? Или же тащиться сразу к кабаку и поджидать ребят там?

Зубов скосил глаза на едва просохшую девчонку со спутанными волосами – эту козу к ребятам не отправить, ее ни один фейсконтроль в клуб не пропустит.

Илья выпрыгнул под дождь, перескочил огромную лужу на тротуаре и взмахом руки остановил такси с горящей желтой планочкой на крыше.

– Иди сюда! – крикнул Дусе. По сути дела, Зубов так и не решил куда ехать – в тоскливую гостиницу, к одиночеству в обществе унылой курицы, или за помощью к друзьям? Решил доехать до клуба и уже там решить на месте – стоит ли соваться.

Девчонка послушно заскочила в оставленную открытой заднюю дверь, прижала к животу треклятый пакет и замерла, доверчиво таращась глазищами в мокрое ветровое стекло.

– Прямо, шеф, – сказал Илья.

Неудобно задирая локоть, он нашарил в кармане части разобранной мобилы и начал их слеплять.

Когда автомобиль подъехал к светофору, глаза Илья привычно и машинально нашли окно с сиреневыми шторами в доме с пиццерией на первом этаже. Там горел свет. За шторами мелькнула тень...

Сердце Зубова подпрыгнуло до горла и ударилось о кадык.

– Стой, шеф! – неожиданно и хрипло выкрикнул Илья. – Остановись здесь, за перекрестком!

Водитель недовольно забурчал, перестроился в правый ряд и обматерил порскнувшую в сторону маршрутку. Развернулся к пассажиру.

– Ты чё, чудило?! Долго думал-то?!

Зубов, как погон, шлепнул ему на плечо тысячную купюру и миролюбиво ухмыльнулся:

– Прости, мужик. Приехали.

Еще час назад, минуту, мгновение Илья не мог представить, что остановит машину возле дома с сиреневым окном.

Если бы за шторами не мелькнул до судорог знакомый силуэт женской головки с волосами убранными в хвост, если бы сердце не подпрыгнуло, заметив знакомый изгиб тонкой шеи, Илья опять проехал бы мимо.

Как делал это сотни раз. Проезжал мимо дома с неновой рекламой пиццерии, замедляя скорость, привычно находил глазами окно и... ехал мимо.

Иногда Зубов нарочно слегка менял маршрут, чтобы проехать здесь.

Но никогда не останавливался.

Сегодня все иначе. Сегодня старые обиды показались мелкими, надуманными, пошлыми. Сегодня Зубов так близко подошел к краю, что чуть не рухнул в небытие. Несколько часов назад он встретил чужую смерть и чуть не столкнулся со своей. Пришедшее сегодня понимание скоротечности заставило остановить машину.

«Ты можешь больше не проехать мимо этого дома. Нельзя все оставлять на потом. Потом – может не случиться». Пережитый страх подарил прозрение: гордость и обиды – чепуха, пшено. Недавняя встреча с главным все превратила в детские игрушки: в разбросанные кубики, разрушенные куличи из песка, двойку с минусом по геометрии. Если бы перед последним шагом Илью спросили, с кем он хочет попрощаться, он выбрал бы отца и Киру. Только их. Глеб с пацанами нажрутся вусмерть на поминках – с них довольно. В последний миг Илья хотел бы посмотреть в глаза Киры.

Может быть, найти в них – «прости». Может, найти любовь...

Хоть что-то!

Каждый мужчина, встречая женщину, в первую очередь обращает внимание на что-то лично важное. Кого-то привлекает грудь, кого-то губы, кто-то пялится на ножки. Для Зубова самым важным в женщине всегда были глаза. По ним он учился читать настроение матери. Много лет дрожал от одного только дикого, искоса брошенного взгляда мамы – гото-

вился уйти, отпрыгнуть, убежать! Маленький мальчик привык бдительно следить за очертаниями зрачков, за трепетом ресниц – слова мамы несли так мало смысла, так путали, так ввали. . . В отличие от глаз.

Глаза всегда приковывали Зубова. Взгляд Берты надолго взял в плен. Чуть не разрушил жизнь.

И надо добавить, ничего особенного в своих волооких предпочтениях Илья не видел. Кого-то очаровывают обман-ные шлепки надутых губ, кого-то манит искусственная подушечная грудь. По сути, разница в предпочтениях не великая. Глаза хоть – «зеркало души».

Почти год назад Илья ехал на «харлее» по этой же дорогой к Дуремару. Вспомнил, что понадобится подробный автодорожный атлас, и свернул к книжному магазину на проспекте. Прошел в отдел справочной литературы. . .

На фоне книжных полок стояла девушка. Длинные черные волосы убраны в конский хвост на затылке – Зубов всегда предпочитал брюнеток. Форменный сарафанчик ладно облепил фигурку, аккуратные туфельки на аккуратных ножках, но главное – глаза. Огромные, влажные, самую чуточку выпуклые глаза дикой серны. Они смотрели приветливо и слегка настороженно – утянутый в черную кожу парень с мотоциклетным шлемом в руках никак не походил на завсегдатя книжного магазина.

Илья подошел ближе. Почесал в затылке, чувствуя непривычное смущение, – черт побери, он никогда не клеил дево-

чек в библиотеках и книжных магазинах, о чем с такими говорить?! – замямлил.

Через полчаса позвонил обеспокоенный его опозданием Дуремар, но у Зубова уже лежала в кармане кожаных штанов записочка с телефонным номером книжной красавицы.

Впервые Илья не представил свою девушку тусовке. Вначале не захотел ей говорить, что он сын того самого Зубова, потом понял, что Кире этого не нужно: любому клубу она предпочтет поход в консерваторию или на театральную премьеру. А глянцево-новости вызывают у нее усмешку.

Когда Зубов подстригся так, как нравилось Кире, то понял: все, готов, Илюша, спекся.

Дабы убедиться, свозил свою девушку на Бали, научил серфингу и окончательно поверил: девушка, сразу же влюбившаяся в волну и закаты, создана для него. Это – судьба.

По приезде в Москву Зубов купил букет – размером с автомобильное колесо – пурпурных роз, надел костюм и отправился встречать Киру после работы.

В кармане пиджака лежала бархатная коробочка с бриллиантовым кольцом из платины.

Илья слегка запаздывал. Но не настолько, чтобы портить сюрприз и предупреждать звонком. Зубов хотел увидеть распахнувшиеся от неожиданности глаза Киры. Хотел видеть, как задрожат ее ресницы, как влажно замерцают радужки.

Но он увидел, как у заднего крыльца магазина перед Кирой стоит на одном колене старший лейтенант. В руках вояка

держит такой же огромный до пошлости букет, морда восторженная – полный идиот.

Вокруг голубков оцепление из таких же идиотски восторженных подружек-продащиц. Кое-кто уже глазки платочками промакивает, кто-то ладошки к сердцу прижимает.

Все в восторге! Все под впечатлением.

Как и Илюша, застывший столбом на углу магазина и рзинувший рот. Он молча смотрел, как его Кира – со смущенной улыбочкой! – принимает букет. Снимает с головы вояки фуражку, ерошит его короткие волосы... Мужчина достает из кармана похожую бархатную коробочку в форме сердца...

Жесть! Два куска идиота! Даже коробки одинаковые выбрали!!

Зубов с такой силой швырнул свой букет в мусорный кагат, что шлепок целлофана о железо привлек внимание голубков и готового разрыдаться окружения.

– Илюша... – оторопела несостоявшаяся невеста Зубова, – ты... почему не позвонил?..

Пожалуй, если брать время, прошедшее со дня смерти матери, Илья еще ни разу не переживал такого унижения.

Как полный урод стоял в костюме, при галстукe, в надранных до зеркального блеска ботинках – готовился придурок, нервничал, старался! – и смотрел на такого же начищенного болвана! Мужик ломал немую комедию: удивленно и беспечно разглядывал Илью. А военная невеста хлопала ресницами, изобретая враки.

Зубов смачно плюнул под ноги, резко, на каблуках, повернулся спиной и быстро пошел к машине, где выдернул с заднего сиденья бутылку шампанского и разбил ее вдребезги о мусорную урну.

Все на помойку! Все к черту!

Уже в машине Илья вынул из мобильного сим-карту и выбросил ее в окно на глазах Киры, демонстрируя, что связаться с ним не удастся, он ничего не хочет слышать.

На следующий день улетел на Бали, потом встретил Милу, Жанну, Яну, Василису...

Сегодня, проезжая мимо дома с сиреневым окном, Зубов понял: нельзя оставлять за спиной нерешенные вопросы. Он не бессмертен, не застрахован, второго случая может не представиться.

Поднимаясь по каменным ступеням дома сталинской постройки, он чувствовал, как гулко, на весь подъезд колотится сердце. Держался за перила, словно древний паралитик, и уговаривал лицо разгладиться в беспечную мину.

Как бы ни казались на фоне происходящего мелочными прошлые обиды, дойти до знакомой двери оказалось нелегко. Только ощущение нереальности сегодняшнего дня заставило его нажать на кнопку звонка.

***

Евдокия плелась за Зубовым поступью готового издохнуть бегемота. Тяжеленный портфель давно превратился в некий синоним креста с личной землероевской Голгофы, па-

ры текилы недавно испарились, усталость, сытость и некоторое, скорее моральное, похмелье смыкали веки.

По сути дела, ей было все равно, куда тащит ее новый знакомый. То, как он резко остановил машину, удивило только на секунду, большее недоумение вызывало побледневшее от внутреннего напряжения лицо Ильи. Весь его вид говорил о том, что происходит нечто сверхнеординарное, но Дуси это явно не касалось, так что чего тут попусту голову ломать? Понадобится – скажет.

Дуся мерно топала в арьергарде и старалась не думать о Костике.

Возле подъезда пятиэтажной сталинки Илья замер на мгновение, задрал голову вверх к окнам и поскрипывающим голосом сказал:

– Здесь живет одна моя знакомая. Я, правда, ее тыщу лет не видел... Пойдем.

Дуся пожалала плечами: мог бы и не утруждаться объяснениями. Безразлично вошла в подъезд и заковыляла по ступеням.

Знакомой оказалась сильно беременная молоденькая брюнетка. Если бы у Землероевой остались силы на чисто женскую оценку представительницы клана, она бы обязательно отметила: даже шибко беременная, брюнетка была невероятно хороша. После того как Зубов нажал на звонок, за дверью прошелестели тапочки, но хозяйка, судя по паузе, долго разглядывала гостей в глазок. Потом открыла. Молча

оглядела Илью и Дусю и отодвинулась в сторону, позволяя войти в прихожую.

Ни гости, ни брюнетка не произнесли ни слова. Евдокии почудилось, что Илья слегка оторопел, увидев кругленький животик, утянутый в атласный халатик с пояском. Девушка выглядела бледной не меньше гостя, но почему-то больше внимания уделяла разглядыванию растрепанной Землероевой. Видно, силы на обязательную оценку представительницы были.

– Привет, Кира, – странным, делано беспечным голосом проговорил Илья. Взъерошил волосы пятерней. – Смотрю, тебя можно поздравить? Ты все же вышла замуж за того старлея?

– Добрый вечер, – монотонно, едва шевеля губами, проговорила девушка. – Игорь уже капитан. – И в ответ на появившийся в глазах Ильи вопрос сказала: – Он в Северодвинске. В командировке.

– А мама?.. Как всегда летом – на даче?

Дусе показалось, что Зубов ведет себя неправильно. Немного по-хамски, с неестественной веселостью разговаривает с беременной женщиной, которую тыщу лет не видел. С дурашливой хозяйской внимательностью рассматривает чужую полочку с расческами и рожками для обуви, вешалку с плащами и куртками...

– Да, мама на даче, – подтвердила Кира, и Дусе подумалось, что молоденькая брюнетка едва балансирует на некой

внутренней грани. С трудом владеет голосом. – Проходите, пожалуйста. Хотите чаю?

Разухабистый Зубов походкой подгулявшего боцмана топал к расположенной неподалеку кухне... Он вел себя как полный хам, стопроцентный идиот. Невоспитанная сволочь.

Воспитанную Землероеву накрыло.

– Обувь сними, – ему в спину шипяще выдавила Евдокия сквозь стиснутые зубы.

– Что? – беспечно обернулся мажор.

И встретил такой яростный, такой ненавидяще-презрительный взгляд портфельной воришки, что реально, а не показушно растерялся – чего это она так вызверилась-то? Чего он натворил? Что за дела?!

– Обувь уличную, говорю, сними.

Илья наклонил голову вниз, пальцами ног приподнял носки мягких теннисных тапок... Вновь поглядел на расшвырявшую воришку.

– Привык... что за тобою убирают, – змеищей посипела та и так ударила взглядом, что Зубову показалось – кулак материально прилетел.

Он посмотрел на чистенький паркетный пол, перевел взгляд на беременный живот хозяйки и, ухмыльнувшись, вернулся в прихожую. Очень привычно уселся на круглый пуфик у зеркала, носком о пятку скинул тенниски.

Кира стремительно нагнулась к обувной подставке, вынула из-за женских тапочек синие мужские шлепанцы и, од-

ним резким движением плюхнув их перед Ильей, разогнулась. Закусила губу.

– Знакомый размерчик, – нагло вато, в лицо Киры, ухмыльнулся Зубов. – Что... Игорек свои единственные тапки в командировку увез?

Кира ничего не ответила. Перевела взгляд на Евдокию и предложила:

– Поставьте пакет на тумбочку и пойдёмте пить чай.

– Я тапочки возьму? – спросила Дуся.

– Конечно, – впервые улыбнулась хозяйка. – Вам подойдут любые.

Землероева терпеть не могла новомодную идею – ходить по дому в уличной обуви. Одного из нынешних проповедников-юмористов (судя по некоторым сентенциям, русофилом только якобы) просто терпеть не могла за эдакие западные нововведения!

Откуда она взялась, эта дикая новоиспеченная манера – гостям разгуливать по дому в грязной обуви?

Из Запада пришла? С чистых европейских улиц? Или от наших хитрых мужиков с дырявыми носками?!

Глупость какая-то. Ни одному воспитанному японцу в голову не придет пройти в дом прямо в обуви! Мусульмане легковесные сланцы и шлепанцы перед входом в мечеть оставляют!

А наши... Почему оглядываются исключительно на Запад? Откуда это почитание?!

Ну хорошо. В мусульманских мечетях прогретые жарой полы, а в промозглой средневековой Европе на улицах грязь, слякоть, ледяные каменные плиты церквей. Там можно выжить только в обуви, не то, помолившись, к праотцам отправишься. (Так что пример с мечетями, пожалуй, лишний. Действительно – жара.)

Тогда Япония чем не образец? Почему надо обязательно набираться западных манер? Чем плох пример соседей по Востоку?!

Когда соседи по Европе в звериных шкурах лосей гоняли, восточные мудрецы чернилами пользовались! Компасом. Бумагой.

...Гневно пыхтя, Евдокия надела теплые тапочки с вышитыми розовыми зайчиками. Небольшая стычка с неряхой-мажором выбросила в кровь адреналин и немного смысла сонную оторопь, на кухню Евдокия приклепала во вполне дееспособном состоянии.

Илья, опираясь спиной о стену, сидел на табурете за небольшим столом, накрытым белоснежной синтетической скатеркой. Кира, отвернувшись, наливала воду в чайник со свистком. Низкий круглый абажур на длинном шнурке неярко освещал их лица: замороженное Киры, с заострившимися скулами, и расстроенное, расслабленное лицо Ильи, смотревшего в напряженную тонкую спину молоденькой женщины.

На Дусю эти двое почти не обратили внимания. Той пока-

залось: по небольшой кухне с высоким потолком и довольно милой «конопатой» мебелью – электричество летает. Если бы в жизни можно было применить киношные спецэффекты, из глаз Ильи в спину брюнетки неслись бы плети голубоватых молний.

Евдокия скромно примостилась на табуретку через стол от Зубова. Чинно положила ладошки на скатерть.

– Вы есть хотите? – негромко, не оборачиваясь, спросила Кира.

– Я нет, а он – голодный, – ответила за всех Землероева, и Зубов хмыкнул, но не стал отнекиваться.

Почему Кира не стала спрашивать – чем вызван такой поздний визит? Зачем нагрянули? – Евдокия не понимала. Она бы, например, сразу же вцепилась в гостей и засыпала вопросами. Живьем не слезла!

Хозяйка этого дома молча выставляла из холодильника припасы, разогревала на газу борщ в небольшой кастрюльке.

Илья, поставив локоть на стол и пристроив подбородок на изогнутую ладонь, наблюдал за ней и старался выглядеть беспечным.

Но получалось так плохо и неартистично, что Дусе захотелось уйти. Этим двоим, кажется, было о чем потолковать, атмосферу кухни переполняли недоговоренность и тайна. Но как добраться до ближайшей кушетки с теплым пледом, Евдокия не знала.

Поэтому, ерзая от неловкости, сидела между Ильей и Ки-

рой неким штырем-разрядником и пила предложенный горячий чай.

– Нам негде переночевать, – утыкаясь лицом в тарелку и лихо работая ложкой, как бы между прочим произнес Илья. – Пустишь? – продолжая есть, поинтересовался исподлобья.

– Разложу мамин диван в гостиной, – тихо сказала Кира и кивнула.

– А можно мне на полу постелить?! – поднимая руку, словно школьница, пропищала Землероева. Еще не хватало одну постель с этим дебильным мажором делить!

– Зачем? – глядя на макушку жующего Ильи, пожала плечами брюнетка. – В кладовке есть раскладушка.

– Вот и отлично, – покончив с борщом, проговорил Зубов. Отодвинул пустую тарелку. – Я могу воспользоваться твоим домашним телефоном и компьютером?

– Конечно, – подхватила к тарелке Кира. – Он в...

– Я помню, – вставая, оборвал Зубов и вышел из кухни.

Кира, глядя ему вслед, замерла с тарелкой на весу. Евдокия все еще не знала, что ей делать и как себя вести с этой нелюбопытной странной женщиной. Ерзала на табурете и хотела в принципе немногого на крошечный остаток жуткого вечера: раздобыть иголку, нитку и пару любых пуговиц для кофточки, хоть как-то починить застежку на куртке и рухнуть спать. В идеале – под толстым одеялом, предварительно приняв горячий душ.

– У вас что-то случилось? – продолжая глядеть в сторону коридора, где скрылся Илья, негромко спросила Кира. – Что-то плохое?

– Ну... это слабо сказано, – горько усмехнулась Дуся. Кошмар сегодняшнего дня выражение «что-то плохое» передавало хиленько. На троечку.

– Почему вам... Илье негде переночевать? – Обращая лицо к гостье, хозяйка приподняла обалденно красивые соболи брови. – У него...

– Он сам вам все расскажет. Если захочет.

– Хорошо, – понуро согласилась Кира. – Еще чаю?

– Мне бы в душ...

– Я дам вам полотенце...

Брюнетка так и не спросила, кем приходится Зубову Землероева в разодранной кофточке, почему они пришли вместе, почему именно к ней... Вела себя так, словно Дуся наложила табу на любые расспросы.

Илья сидел на диване в полутемной гостиной и тискал в руке разобранный на части мобильный телефон. Звонить никому не хотелось. Из кухни он вышел только потому, что сил не хватило смотреть на беременную Киру. Все вопросы, рвущиеся с языка, он задавал только себе.

«Ну что, остолоп, – язвил устало, – пришел к чужой жене с последним приветом? Полюбовался? Убедился? Все вопросы снял, а легче стало?...»

Чего приперся?! Проехал бы снова мимо, сейчас бы уже говорил с кем-нибудь из настоящих друзей.

Идиот! Не мог хотя бы до гостиницы доехать!

В том, что он остался у Киры, Зубов находил нечто мазохистское. Как будто на крепость себя проверял. Если бы не постоянные внутренние упреки в трусости, Илья ушел бы сразу, как только беременная Кира открыла дверь. Просто поздоровался, поздравил и пошагал на улицу. Пусть чужая жена ломает голову над тем, зачем он появился снова.

Но он не смог. Еще раз смалодушничать. Сбежать. Окончательно превратиться в трусливого придурка, в человека, не доводящего до конца ни одного решения.

Он плохо притворился безразличным и позволил себе сбежать только из кухни. Компьютер стоял в комнате Киры, но заставить себя войти туда Илья уже не смог, поскольку спальню Киры помнил наизусть. Эта комната ему снилась: светлая мебель с завитушками, туалетный столик, где уже не будет его фотографии, большая плюшевая панда на фоне сиреневых штор, уютный овальный коврик под компьютерным столом, что так приятно грел и щекотал босые ноги...

Ничего этого уже не будет!

Диван-кровать, наверняка, застеленная другим бельем – подаренным на свадьбу, на шее панды болтается галстук болотно-защитного цвета, за дверью на вешалке висит мужской халат или даже пижама...

В гостиную вошла Кира, включила верхний свет и молча

поставила на журнальный столик возле Зубова включенный ноутбук.

Илья едва не спросил с насмешливостью: «Ба, молодые новой техникой обзавелись?!», но ума хватило не язвить. (Ехидство – последнее оружие побежденных и малодушных.) Поблагодарил кивком и достал из кармана карту памяти фотоаппарата.

Спал Зубов отвратительно. До самого рассвета ворочался на узком неразобранном диване и страшно завидовал Дусе: помытая воришка засопела, едва коснулась головой подушки.

Проснулся, разумеется, позже назначенного времени и очень удивился, не обнаружив в комнате ни раскладушки, ни воришки.

«Сбежала! – Негодование разбудило окончательно. – Потихому собрала постель и даже не попрощалась!»

Илья отбросил одеяло, подскочил к двери в коридор, но открывать ее не понадобилось: откуда-то, наверное из кухни, доносились тихие женские голоса.

Зубов выдохнул. Оделся. И разыскав в кармане записку с номерами телефонов, позвонил сыщику Паршину с домашнего телефона Киры.

* *

*

Назвать себя идейным борцом за справедливость Паршин

никогда б не смог.

Не потому, что это не передавало сути, а из скромности и нелюбви ко всяческому пафосу. Олег считал себя обычным нормальным мужиком. Работягой-пахарем, немного правдолюбом и, уж конечно, реалистом.

Когда два года назад подполковник Свиткин сказал ему: «Олег, надо, чтобы страсти улеглись. Уйди по собственному, а через пару лет я тебя обратно в отдел возьму». Паршин поверил шефу, ушел и уже третий год, скрепя сердце, занимался подглядыванием в замочную скважину.

Всю последнюю ночь он «водил» по кабакам одну богатую дуру. Дождался, пока тетка наконец-то выберет подвыпившего молокососа, затащит того в автомобиль на парковке, и ловко сделал с десяток снимков.

Заказчик-рогоносец останется доволен.

Будь все они неладны.

Олег переправил фотографии по электронной почте заказчику и, не дожидаясь подтверждения и получения оплаты на банковскую карту, рухнул на кровать, не сняв носков.

Голова гудела от застрявшей в ушах кислотной музыки, сквозь плотно стиснутые ресницы пробралась фигура лихо отплясывающей тетки, тошнотворный привкус от работы не пропадал даже на грани сна.

Будь все они неладны! Толстосумчатые барбосы с их расфуфыренными скучающими женами, обалдевшие от безделья домохозяйки в бриллиантах, со скуки заказывающие

слежку за пропадающими на работе (и не только) мужьями...

Звонок от Зубова прозвучал, когда Паршин уже и сам собрался просыпаться. За стеной в соседней квартире работала электродрель, Олег пытался поймать остаток дремы, накрывшись подушкой, но получалось плохо – дрель работала, как будто в ухо вставленная.

Телефонный звонок позволил достойно проиграть борьбу с визжащим кошмаром, окончательно очнуться и ответить.

Краткий отчет Илюши о последних событиях стряхнул остатки дремы. По предварительным оценкам, в замочной сыщицкой деятельности Паршина возникло разнообразие: старый дворовый приятель предложил настоящую криминальную головоломку. Зубов скорострельно выдавал данные: «Теперь я уверен, что отца похитили, у меня есть свидетель, слышавший разговор Берты с сообщником... но этот свидетель сам замешан в другом преступлении... там мужика убили...»

Услышав про убийство, Паршин перебил Илью:

– Не телефонный разговор! Я сейчас приеду, тогда поговорим.

Взлохмаченный сыщик вскочил с кровати, подумал секунду и решил, нюхнув, проверить на свежесть переночевавшие вместе с хозяином носки.

Прыгая на одной ноге, стащил левый, помотал им в воздухе и сморщился. Пять минут разыскивал по небольшой двух-

комнатной квартирке пару чистых носков одинакового цвета.

Все остальные сборы заняли три с половиной минуты реального времени: тридцать секунд на чистку зубов, полторы минуты – рубашку-брюки натянуть и застегнуться, пятки в ботинки пробивались уже на лестничной площадке.

Пожарные сборы Паршин любил. Противней было просыпаться медленно, потягиваясь и зевая, попутно размышлять – чем бы заняться дальше? Перемыть скопившуюся гору посуды или пес с ней, с посудой, лучше отправиться в крошечную каморку-офис и бестолково дожидаться звонка очередного толстосумчатого клиента?

Или к маме наведаться? Позавтракать из чистых тарелок, порадовать беседой, поцеловать в щечку... а дальше что?

Пожарные сборы предпочтительней нудной утренней тягомотины.

Олег бегом спустился во двор, вывел со стоянки порядком поцарапанную «Ладу»-десятку и помчался к Зубову. Кажется, сегодня он кому-то нужен по-настоящему. Давно не упражнявшиеся в настоящем сыщицком ремесле мозги уже работали на всю катушку, систематизировав крупницы информации, полученной по телефону. Приятель впутался в некое убийство, его отец похищен, помощь требуется еще какому-то свидетелю...

Реальное положение дел заставило Олега приуныть и сба-

вить обороты. Положение Ильи обернулось полноценной стопроцентной жестью, и Паршин в кои веки растерялся...

Хотя, пожалуй, стоит идти по порядку.

Ощущение близко лежащей жести появилось, едва Олег переступил порог квартиры в сталинском доме. Дверь открыла кошмарной красоты беременная брюнетка, – Паршин даже смутился, – бледный Зубов переминался за ее спиной, еще одна красотка блондинистой масти сверкала испуганными и настороженными зелеными глазищами неподалеку... Она-то, кстати говоря, и оказалась тем самым исключительным свидетелем разговора Берты.

Слов нет, Паршин предпочел бы в свидетели толкового мужика с лужеными нервами, но девочка тоже неплохо справилась: рапортовала дельно, ни разу не сбилась на слезы, хотя, рассказывая о брате-Котике, комок в горле проглотила довольно слышимо.

Олега неприятно удивило другое. После короткого общения с ребятами опытного сыщика накрыло ощущение дикой разобщенности компании. Как будто люди, сидящие в одной лодке, работают вразлад и не чувствуют себя союзниками. Казалось бы, Илья наверняка остановился у близкой подруги. Но та, внутренне заледеневшая, ушла из гостиной, едва Зубов приступил к рассказу.

Блондинка Дуся смотрит на Илюшу, как Ленин на буржуазию, хотя должна была внимать смиренно: ее касалось каждое слово, любой поворот событий, Илья действительно пы-

тался разрулить ситуацию со всем старанием.

Сам Зубов неумно пренебрегает девочкой, благодаря которой, по его же словам, сидит живой-здоровый на диване, а не валяется в подмосковной канаве с пробитым черепом.

И вся история, по сути дела, приобретала совершенно не тот размах, размер и повод. При ближайшем рассмотрении получилось, что рассказ ничем не подтвержден, кроме эмоций и уверенности Зубова в том, что его отца похитили.

...Оставив на время моральные заморочки партнеров по дерьму (вероятно, классовая неприязнь в ребятишках скандывается), Паршин расслабленно повесил между колен сцепленные пальцы и исподлобья поглядел на Дусю.

– Ты слышала, чтобы Берта и ее приятель четко называли имя Льва Ефремовича и говорили о похищении?

– Ну-у-у... – Девушка растерялась, пожала плечами. – Нет.

– То есть, получается, вывод о том, что Лев Ефремович может быть похищен, ты сделала позже под влиянием Ильи?

– Ну-у-у... – снова затянула Дуся, беспомощно взглянула на Илью, и тот буквально взвился:

– Ты что, Олег?! Ты нам не веришь?!

– Почему же? – спокойно усмехнулся сыщик. – Я, пожалуй, верю. Просто хочу вам показать, как будет звучать ваш рассказ у следователя. – Паршин резко выбросил вопросы: – Илья, Евдокия, двое якобы бандитов на остановке называла какие-то имена? Вы слышали, что они ищут именно Илью

Зубова, а не Васю Пупкина? С чего вы взяли, что они конкретно на вас нацелились, а? Может, разозлись мужики, что на автобус опоздали, а черный джип подхватил одного из них случайно – приятель мимо проезжал. Откуда вы можете быть уверены, что парни искали именно Илью? Где доказательства? – Паршин прищурился, постепенно с Зубова слетел весь пыл, теперь он выглядел беспомощным не хуже Дуси. – Слова, слова... – вздохнул Олег. – Если бы ты, Илья, хотя бы карту памяти раздобыл...

Мажор понуро повесил голову: предчувствия его обманывали редко. Вчера он напоролил, что карта может хранить другие фотографии, так и получилось. На фотках из тайника нашлась только довольная и голенькая Берта.

Тьфу!

– Знаешь, куда твой отец мог перепрятать карту памяти?

– Нет, – признался Зубов. – Он мог положить ее в сейф на работе, мог в загородном доме оставить, но навряд ли. Тем сейфом пользуется и Берта, когда складывает туда побрякушки...

– Мог положить в ячейку банка, – почти без вопросительной интонации проговорил Олег, и несчастный Зубов согласен вздохнул.

Почему невинные люди сбегают с места преступления, Паршин никогда не понимал, хотя сталкивался с данным казусом довольно часто. Трезвый как стекло водитель, – не нарушив ни единого правила! – случайно сбивает в лоскуты

пьяного пешехода на неосвещенной улице вдалеке от «зебры» и, вместо того чтобы законопослушно оказать потерпевшему помощь, нажимает на газ и улепетывает с места ДТП. Свидетель, увидевший из окна, что перед домом кого-то мотылят, делает анонимный звонок в милицию и от греха подальше уезжает пожить к маме, к тете, к нелюбимой женщине.

С начала времен испуг рефлекторно подает команду ногам – бежать! Среди туполобых неандертальцев выживал-отсеивался тот, кто первым среагировал при виде саблезубого тигра и дал деру. Атавистическое стремление удрать подальше от страшного места досталось каждому из нас по наследству, хотя бывают и обратные примеры – на перепуганного человека нападает оторопь, но здесь – не тот пример. У Дуси и Илюши, как назло, оказались резвые, несъеденные предки. Паршин даже не посчитал нужным задать этим остолопам вопрос: «Какого черта вы, придурки, сбежали из восьмой квартиры?!»

Ну ладно Илюша. Тот, судя по рассказу, уже на карнизе висел. (Объяснить, чего он там забыл, было бы проблематично.) Но эта-то дурища!! Чего метнулась?!

Ну, застучала б ее любовница брата у трупа. Ну, надавали бы менты по шее за украденный портфель – судимости нет, девочка, сразу видно, примернейшая из примерных, отделалась бы условным сроком.

Чего ж она сразу через балкон-то полезла?! Ведь на ре-

альный срок побегом накосячила!

Паршин рассержено двигал скулами, приходилось признавать: в пожарном темпе выручать всех и вся он примчался по наивности. Чтобы разгрести то, что эти двое наворочали, его силенок недостаточно. Пусть даже разговор Берты с любовником Олег расшифровал правильно, пусть даже удастся доказать, что с пропажей Льва Ефремовича не все чисто, делу это помогает слабо – момент упущен, обормоты, как нарочно, сделали все, чтобы понадежнее в дерьме увязнуть.

– Олег, – прервал задумчивое молчание сыщика Зубов, – я думаю, может, к приятелю отца обратиться? Он милицейский генерал.

– Дело, – одобрил Паршин. – Без хорошего толкача внутри системы вам тяжело придется. Только вот что, Илья, надо сделать еще... Ты давно в последний раз отцу звонил?

– Давно. Вчера днем пытался связаться.

– Позвони-ка еще разок, вдруг – на воду дуем. Смешно получится. – Паршин достал из кармана архаично толстый, но навороченный даже по виду мобильный телефон и протянул его Илье. – С этого аппарата можешь звонить без опаски. Его не засекут.

Зубов уважительно покрутил «аппарат» в руке, задумался, вспоминая мобильный номер папы, набрал и через некоторое время прослушал сообщение электронной тетки о том, что абонент отсутствует в сети.

– А Лев Ефремович может дать о себе знать кому-нибудь

другому? – не сдавался третий-перетертый сыщик. – У него могли мобилу украсть, мы поднимем бучу, а потом окажется – сам понимаешь что. Неудобно окажется. Тут лучше все семь раз перепроверить, а один раз генералу позвонить.

Кому, как не уволившемуся капитану Паршину, знать, насколько грозными бывают оторвавшие от кресел задницы начальники. Свирепого льва умаслить легче, чем зря потревоженного в выходной день генерала!

– Если отец и дал бы кому-то знать, то в первую мне или... Пожалуй, стоит с дядей Геной связаться. – Зубов быстро пояснил для Паршина и Дуси: – Геннадий Иванович Коростылев лучший друг отца, работает в нашей компании. Сейчас он должен быть на даче, но там есть городской телефон, а его я с детства наизусть знаю.

– Постарайся узнать у дяди, как Берта поживает, – вдогонку напутствовал сыщик. – И активируй громкую связь, пусть Евдокия послушает, не дядя ли Гена терся в кабинете с Бертой?

Илья кивнул, понажимал на кнопки и через пятнадцать секунд уже здоровался с приятелем отца.

– Илья?! – Дядя прокричал в ответ так рьяно, что Зубов едва хитро навороченный мобильник не выронил. – Ты где?! Ты как?! Что происходит?!

– Я тут, – нелогично отозвался парень и переадресовал вопрос: – А что у вас случилось?

– У нас?! – возмутился Геннадий Иванович. – Это у тебя

что случилось?! В какое убийство ты вляпался?! Почему тебя милиция разыскивает?! Твой сотовый не отвечает...

– Дядя Гена, дядя Гена, – перебил Илья. – Какая на хрен милиция, вы о чем?!

– Как о чем?! Об убийстве соседа, где твои «пальцы» обнаружили!! Что ты наделал?!

– Я? – Илья оторопело уставился на вопящий дядиным голосом телефон. – Я ничего не наделал... Я...

– Куда ты делся?! Немедленно приезжай ко мне! Я тебя...

– Дядя Гена! – снова перебил Зубов. – Подождите! Я звоню вам по другому поводу!

– Какой у тебя сейчас может быть «другой повод»?!

– Где отец? Дядя Гена, где отец?!

Трубка на секунду заткнулась, Зубов дал приятелю папы перенаправить мысли в нужную сторону, собрался уже повториться, но неожиданно услышал четкий ответ:

– В Питере. Твой папа в Питере.

– Где? – не поверил ушам Илья.

– О господи, – вздохнул Коростылев, – повторяю для тугодумов: твой папа в Питере, Илья.

– Откуда вы знаете?

– От верблюда!

– Я серьезно!! Как вы узнали, что папа в Петербурге?!

– Твой ненормальный приятель Макс расстарался, – хмуро произнес Геннадий Иванович, – поднял такой же кипиш: «Где Лев Ефремович, где Лев Ефремович?».. У него, види-

те ли, отлично подготовленный контракт сорвался – похвастаться не удалось. Лева не отзывался, Максим пошел к Аскольду, тот через банк узнал, когда и где в последний раз Лев пользовался кредиткой – оказалось, вчера днем в Питере на Невском. Ты удовлетворен?

– Нет, – совершенно, абсолютно растерянно произнес Илья. – Вы уверены, что это папа... что это он воспользовался кредиткой...

– Нет, блин, шучу!! Конечно, уверен! Аскольд показал распечатку снимка камеры банкомата – твой батюшка на фоне Невского проспекта бабки получает. И вообще, он мне звонил.

– Когда?!

– Вчера. Ночью. Илья, хватит дурить, приезжай. Теперь ты знаешь, где твой отец...

– Дядя Гена!! – завопив, не дал договорить Илья. – А вы уверены, что разговаривали с папой?!

– А кто еще меня «старым крокодиллом» называет? – устало, словно увещевая капризного ребенка, проговорил Коростылев. – Лева почему-то не стал признаваться, что рванул в Питер, но я-то знаю... Так что давай, Илюша, приезжай. Мы все разрулим, если надо устроим освидетельствование...

– Что-о-о?!

Геннадий Иванович смущенно замямлил:

– Ну, ты это... не бери в голову, не нервничай... дуй ко мне, я тебя буду ждать... Мы все разрулим.

Но Илья уже нажал на телефоне кнопку отбоя.

Освидетельствование. Это слово не имело для Ильи другого смысла. Оно прозвучало как последний удар по крышке гроба, готового засыпаться землей.

Освидетельствование. Зубов не мог посмотреть в глаза примолкших свидетелей разговора, он слепо глядел перед собой и вспоминал...

Февраль. Конец февраля этого года. Илья приехал к отцу, но возле дома встретил Гаврилова, тот предложил подняться к нему – хотел похвастаться новой курительной трубкой в коллекции.

Поднялись. Задумали обмыть покупку парочкой рюмашек, к ночи нажрались в хлам.

Илья не стал вызывать такси или «пьяного водителя», спустился к отцу и переночевал в своей бывшей, но всегда готовой к приему комнате.

Утром его разбудил громкий шипящий голос Берты, доносящийся из кухни:

– Я не хочу, чтобы твой сын приходил к нам в невменяемом состоянии! Не хочу! Запрещаю! Я его – боюсь.

– Господи, Берта, что ты несешь?! Илья нормальный парень, он мой сын...

– Он не только твой сын! Он – сумасшедший! Попроси его больше не появляться у нас в нетрезвом виде!!

Тогда подслушанный разговор показался Илье похмельным бредом. «Сын сумасшедшей», «я его боюсь»... Что за

вздор? Мама болела совсем другим, это сильнодействующие препараты повредили ей рассудок. Но она не была сумасшедшей! Больной, вздорной, слабой – да. Но не сумасшедшей!

В то утро он незаметно исчез из дома. Постарался забыть слова Берты.

Но не смог.

Через день приехал к отцу на работу и задал вопрос в лоб:

– Пап, наша мама была сумасшедшей?

Лев Ефремович сразу понял, откуда это прилетело. Смутился, попытался ответить экивоками:

– Не обращай внимания на бредни Берты. У нее ПМС.

– Я требую, я прошу, – настаивал Илья, – моя мама была психически нездорова?

Отец вздохнул, жестко потер ладонью чисто выбритую щеку.

– Твоя мама была психически неадекватна. Но это, Илья, следствие, не имеющее к тебе отношения. Заболевание мамы – приобретенное. Не наследственное. Так что успокойся, не забивай голову чепухой. – И попытался закончить неприятный разговор шутливо: – Спокойно рожай мне внуков. Не подведи старика.

Тогда Илья поверил.

По сути дела, верил и сейчас. Надо хорошо знать отца, чтоб быть уверенным: Зубов-старший ни за что не пустит на самотек возможное заболевание единственного наследника. Отец затаскал бы Илью с самого детства по психиатрам, от-

слеживал. Но папа ни разу даже не заговорил о врачах! Не намекнул!

А Зубов-старший не из пугливых. Если бы имелся повод хоть для крохотного беспокойства он, прежде всего, не стал бы ничего утаивать от сына и прямо убедил того внимательнее относиться к любым проявлениям психического свойства.

Но папа был абсолютно спокоен. То есть уверен.

В отличие от Берты. И, вероятно, супруги Коростылева тети Светы.

Светлана Анатольевна одна из первых отвернулась от старинной подруги Марины. Однажды маленький Илья слышал, как она красноречиво намекала папе отдать жену в лечебницу.

Теперь пришло понимание: в борьбе за признание наследника неадекватным у Берты есть возможный союзник – Светлана Анатольевна Коростылева. Уж больно быстро дядя Гена упомянул освидетельствование, слова мачехи, вероятно, упали на подготовленную почву.

...Илья мрачно смотрел на ковер под ногами и почему-то думал не о том, что вывалил на него дядя Гена, а совершенно о другом: «Как хорошо, что Кира вышла из комнаты и ничего не слышала». Только что Зубова огорошили ворохом непонятностей, а он, как идиот, сидел и вяло думал: «Как хорошо, что Кира вышла замуж за другого и носит не моего ребенка...»

Бред. Из-за одного брошенного слова он обрадовался, что любимая женщина досталась другому, ушла из его жизни и будет растить чужих детей?

Бред. Но на сегодня это единственное, что хоть немного успокаивало сына сумасшедшей.

Зубов мрачно косил глаза на внимательно, задумчиво прищурившегося Паршина, посмотрел на конфузливо порозовевшую Дусю.

– Твой отец может быть в Санкт-Петербурге? – прямо спросил сыщик.

Илья помотал головой и медленно проговорил:

– Меня он об этом не предупреждал. Если бы папа просто решил уехать, он бы обязательно сообщил об этом мне. Он знает, что я беспокоюсь и жду его звонка.

– Друг Гена мог перепутать по телефону голос Льва Ефремовича?

– Наверяд ли. Они знакомы почти полвека. Отец всегда называет его в шутку «старым крокодиллом» и вообще... – Илья выпрямился, недоуменно развел руками, – они так давно дружат... Разговор двух старых приятелей подделать невозможно. Папа и дядя Гена так своеобразно общаются... С подколками, с подтекстами...

– Понятно, – угрюмо бросил Паршин. – С одной стороны, он в Питере быть не может, с другой – дядю Гену чужим голосом не запутать. – Перевел глаза на Дусю. – Тогда что происходит? Может быть, ты неправильно поняла разговор

Берты и какого-то мужика?

– Я не собиралась его никак понимать, – членораздельно выговорила Землероева. – Я просто передала вам слово в слово все, что услышала. Могу еще раз повторить.

– Не будет лишним, – согласился Паршин. – В связи с открывшимися обстоятельствами, прослушаем под другим углом.

Евдокии показалось, что вскоре ее можно будет разбудить ночью, и она воспроизведет разговор в кабинете с качеством заезженной пластинки, скрипя от неприязни к каждой запятой.

Паршин прослушал, покивал и, ничего не вставив по этому пункту, взялся за другое:

– Илья, что ты трогал в квартире Дусинога брата, и как твои отпечатки пальцев оказались в базе МВД? – По сути, сыщику хотелось так же поинтересоваться: «А нет ли у тебя, парень, еще и судимости в довесок к прочим прелестям?», но пожалел понурого мажора. С того и намека на психиатрию достаточно оказалось. Вон как резко разговор с дядей прервал, как будто опасался пулю из мобилы схлопотать.

Вопрос этот щекотливый, конечно, задать придется – с институтом Сербского шутки плохи, как бы не нарваться на реального психопата, – но пока время терпит. Пусть парень немного очнется, растормошится, другого дерьма похлебают, позже, наедине, придется припереть его к стене. Получить бонус в качестве неадекватного враля Пашину не очень-то

хотелось. В кучу уже и так немерено свалилось: воришка Дуся, труп «котенка», возникший в Питере папаша...

Илья тем временем, наморщив лоб, припоминал, что делал в квартире щекастого соседа.

Вроде бы... кроме перил на балконе он ничего не трогал... а те наждаком бы неплохо обработать... Если же о гладких поверхностях?.. Пальцами только до шеи Константина дотрагивался, когда пульс пытался нащупать...

Черт! Дверную ручку трогал! Вначале, когда Дуся хотела на звонок нажать, увидел, что дверь неплотно закрыта, и нажал на ручку с наружной стороны, потом сам дверь изнутри захлопнул!

Вот дьявол, теперь точно гемorroиться придется, оправдываться, почему в квартиру покойника залетел и свежайшие «пальчики» на двери оставил.

Илья быстро рассказал Паршину, где наследил и, немного смущаясь Дуси, поведал старую историю с погибшей от передоза девицей в наркоманском притоне. Отец вроде бы собирался тогда сделать все, чтобы Илья не проходил по делу даже как свидетель, Зубова-младшего даже ни разу к следователю не вызвали...

Но прежде чем в отделение милиции приехал разъяренный папа, всех торчков вкупе с Зубовым «на пальцы откатали». Видимо, с той поры и затесались отпечатки Илюши Зубова в информационную базу МВД.

– Погано, – констатировал Олег. Задумчиво поднял вверх

брови, поджал губы. – Даже не знаю, что вам посоветовать. – Тащить эту парочку к бывшим коллегам Паршин не собирался абсолютно – подстава, чистая подстава для парней получится. Когда богатые дерутся, известно, у кого чубы трещат.

А доказательств – ноль. Пусть даже сам Олег и подтвердит, что снимки шашней Берты – были. Получится: ее слово против слов Ильи и сыщика. На стороне мачехи играет реальная, а не со слов, питерская фотка из банкомата и лучший друг якобы похищенного Льва. Ворота Зубова прикрывает вороватый голкипер Дуся, друг детства Паршин бестолково и практически бесполезно стоит в защите, так как показаниям работников частного сыска у честных пахарей веры мало. Детективы за деньги в замочные скважины подглядывают, занятие это малопочтенное, пусть и замолвит за Паршина словечко бывший шеф подполковник Свиткин.

Получается пока 2 – 0 в пользу противника. Команда Зубова горит по всем статьям.

– Вся ваша история стала выглядеть чистейшим вымыслом. Вы хоть это понимаете? Лев Ефремович по Северной столице гуляет, с друзьями перезванивается... Почему, спрашивается, он с обеспокоенным сыном не связался, спросят вас? А? Не потому ли, что рассорились они и теперь сынуля изобретает бредни и пакостит папаше с мачехой... А всю бучу замутил ради денег, ради наследства, чтобы мужа и верную жену рассорить...

По большому счету, медленно проговаривая слова, Пар-

шин не сколько ситуацию прояснял, показывая обормотам, как выглядит их история с непредвзятой стороны, сколько мыслил вслух. Кропотливо чужое грязное белье сортировал.

Но голкипер Дуся приняла подачу слишком близко к сердцу. Резко встала на ноги с дивана, сверху вниз поглядела на Паршина и выпалила:

– Пойдем покурим, а? На площадку. Тут как бы беременная женщина в квартире.

Бросивший полгода назад смолить Паршин удивленно вскинул глаза на блондинку с пылающими щеками, пожал плечами и мысленно предположил: «Сейчас услышу тайну – страшную». Секретный довесок к бесподобной истории в исполнении Евдокии Землероевой.

Но просчитался. Хотя считал себя великим специалистом по работе с женщинами-свидельницам. Подобных вот тихушниц только выведи из кабинета, где муж отказывается каяться, таким поделятся, что мужика закроют лет на десять.

Евдокия мигом проскочила прихожую, вылетела на площадку перед квартирой и, едва Паршин осторожно захлопнул дверь, выверилась разъяренной львицей, у которой сперли котенка:

– Ты чего это, а?! Ты нам не веришь, да?! Ты нам не веришь?! Думаешь, мы все придумали, наврали...

Опаньки, мысленно изумился Паршин. Какие дивные перевертыши у нас нарисовались. Полчаса назад изображала

Ленина с меньшевиками, а тут поддерживает буржуазию с пылом недобитого троцкиста.

Что делается? Откуда что берется?

Видно, извечная российская бабья жалость всколыхнулась. Наши бабоньки завсегда похмельных да увеченных жалуют. Приедешь, бывало, на семейную ссору, у жены по фонарю под каждым глазом, в комнатах пьянящий бугай дебоширит... Детки плачут.

Ну, заломаете ручки бугаю. Пока ломаете, такого о себе наслушаетесь, что уши в трубочку свернутся.

А эта, с фонарями, через день придет в отделение и в ноги – бух: «Отпустите кормильца, родименькие! Христом Богом прошу – семью не рушьте! Он только дважды в неделю такой, а так – ничего. Работящий. Местами приветливый».

Бяда-а-а с этими женщинами.

...Глаза воришки-неудачницы пылали правдивыми зелеными фонарями и без всяких синяков, вопросы густо сыпались на малость онемевшего Олега. По сути дела, все восклицания сыщик считал риторическими – пары спустить. Но Дуся постепенно перешла на личности:

– Ты что, считаешь меня полной дурой, да?! Ты думаешь, я сотню раз не вспомнила каждое слово из кабинета?! А?! Ну скажи, скажи – как еще можно перевернуть слова Берты, чтобы другая правда получилась?! Сам подумай!

Утихомирить разошедшуюся бабу можно только собственной невозмутимостью. Паршин вытянул вперед ниж-

нюю губу, задумчиво оглядел вскипятившуюся Дусю, собрался уже выдвинуть кое-что по существу, но не успел.

– Эх ты, – успела огорчиться Землероева. – Тебя не было с нами, когда те парни по автобусной остановке бегали. Ты не видел, как они повсюду рыскали... Как все это выглядело. Иначе не стал бы...

Илья вышел из комнаты и через коридор увидел стоящую у плиты Киру, помешивающую лопаткой что-то на сковороде. Подошел к дверному проему и, высоко подняв руки, зацепился пальцами о притолоку.

Привычка. Руки к верхней планке косяка сами собой метнулись. Как когда-то... Кира готовит ужин, Илья, потягиваясь и вращая поясницей, стоит в дверях... От сковородки пар валит, запахи на всю квартиру – мама на даче за курами круглый год приглядывает... Они вдвоем.

Кира обернулась, вздрогнула и посмотрела на Илью расширившимися глазами.

Взгляд предавшей женщины. Ждуший, жалкий, испуганный.

Вчера Илья хотел сбежать из этой квартиры куда подальше, сегодня остался. Стыдно было в этом признаваться даже внутренне, однако куда от самого себя денешься – поступил так из гаденького мстительного чувства. Позвонил Паршину и без разрешения хозяйки пригласил его сюда. Зубов клял себя за пакостливую злопамятность, но ничего не мог

с собой поделаться: до зубовного скрежета в сердце хотелось, чтобы муж Киры сегодня вернулся из командировки! Застал здесь выпавшегося соперника и испытал то, что когда-то испытал Илья: увидел, остолбенел и сдохнуть захотел!

Илья тогда уехал на Бали и, как идиот, лез в самое пекло. Остановился только, получив от плавника собственной доски удар по кумполу и чудом выплыв.

Кира молчала и ждала.

Наверное, упрека. Или глупого вопроса о любви.

Не дождется!

Илья вразвалочку подошел к сковородке, подцепил с нее торчащий вверх ломтик картошки и, обжигаясь, прочавкал:
– Сыровата еще.

За тридцать один год жизни и десяток лет сыщицкой деятельности Паршин научился видеть правду.

У жены Наташки только на мгновение зрачки метнулись в сторону, а Олег сразу понял – ни у какой заболевшей подруги она не задержалась. Налево погуляла.

Развелись тихонько, без скандалов. Наташка благородно не претендовала на доставшуюся Паршину от бабушки двухкомнатную квартиру.

Теперь живет с новым мужем в Америке. Общую с Олегом дочь гамбургерами откармливает.

Недавно прислала фотографию: Катюшка в Диснейленде рядом с Вини-Пухом. Сама, к сожалению, комплекцией упи-

танного мишку напоминает.

Скорей бы переехали в новый спокойный район, где Катя будет на велике гонять, хоть как-то двигаться. А то – компьютеры, «Макдональдсы», ириски...

Девчушка со смешной фамилией Землероева искренне верила тому, что говорила:

– А хочешь, пойдем в милицию, и я там скажу, что слышала, как Берта Льва Ефремовича упоминала? Хочешь?!

– Не сходи с ума, – буркнул Паршин. – Дело шумное, серьезное. Тебя на полиграфе прокатают, расколуют на две половинки. Заруби на носу: маленькая ложь, рождает большое недоверие. Обманешь в малом – не поверят в главном.

– Но я ж совсем чуть-чуть навру! Ведь все же – правда!

Абсурд, смешение понятий, цирк бродячий уехал, но наиболее смешные клоуны остались.

– А если вместо Льва Ефремовича по Питеру двойник гуляет?! – Глаза воришки-неудачницы безмерно распахнулись, воодушевленная идеей Дуся аж задохнулась от волнения. – То-о-очно-о-о... Они отправили туда двойника... Или... интересно, у папы Ильи есть брат близнец?!

– Остынь, – насупился Олег. – Бразильских сериалов посмотрелась? Потерянные близнецы, двойники... Лев Ефремович что – Майкл Джексон или Алла Борисовна? Достаточно позвонить в сервис и вызвать на корпоратив к Берте копию Льва Зубов?

– Но ведь такое может быть!

– Такое может быть, – немного разозлился Паршин, – если к преступлению готовились! Причем долго. Первый попавшийся мужик старого друга не обманет даже в телефонном разговоре, тут длительные репетиции нужны!

– А Берта тогда зачем? – картинно изумилась Дуся. – Она небось все любимые словечки мужа знает, как тот с другом разговаривает – тыщу раз слышала! А голос можно и через электронику подделать, я такое в кино видела.

– Видела она, – пробурчал Олег, но задумался.

Бред, конечно... Сериальщина... Фигня на постном масле...

Но что-то в этом есть. Драка идет за многие миллионы. Что если...

Все испортили и сбили с мысли восторженно распахнутые глаза воришки: в них Паршин как будто свое отображение увидел: стоит наивный дуралей, мозгой ворочает, всерьез этот двойниковый вздор рассматривает.

– Нет, это ахинея, – твердо отчеканил бывший капитан. – Чтобы повернуть операцию с подставным человеком, нужны как минимум недели. Надо найти мужика подходящей комплекции и возраста, уговорить его на аферу, научить походке, характерным манера, оборотам речи... Нет, это не прокатит даже у Мирона. Он же не знал, что Зубов к нему заявится отношения выяснять? Саша только с чужой женой путался, а не лихо закрученное похищение готовил. Так что заканчивай нести бразильскую белиберду, Евдокия, расска-

жи-ка лучше, как докатилась до жизни такой? Как брат уговорил тебя кражу совершить?

Едва только разговор соскакивал с направления семейства Зубовых, Евдокия замыкалась. Еще в квартире она отказалась что-либо объяснять, сказала: «Я сама во всем виновата, сама и отвечать буду. Вы, главное, помогите убийц Костика наказать» – и юркнула в раковину улиткой. Не достать, не выкурить, только живьем сварить.

Но сейчас, без Илья, может быть, разоткровенничается девочка? Поговорит, облегчится?

Не тут-то было. Партизанкой оказалась выпускница университета Дуся Землероева.

– А кто такой Миронов? – спросила, изображая живейший неподдельный интерес к проблемам ближнего.

– Любовник Берты.

– Ты знаешь, кто любовник Берты?!

– А Илья разве не знает? – в свою очередь удивился сыщик.

– Откуда?!

– Отец мог сказать...

Евдокия поглядела на сыщика, как дракон на вязанку хвоста, подпалила гневным взглядом.

– А ну-ка, пойдём к Илье! – Резко развернулась, отпихнула Паршина от двери и первой ворвалась в квартиру: – Илья! Зубов выглянул из кухни и изобразил лицом вопрос.

– Пойдем в гостиную, – приказал драконица. Протопала

до комнаты и, едва туда вошел сын богатея, с обвинительными интонациями, указывая пальцем на Паршина, объявила: – Он знает, кто любовник Берты.

– ???

– Знает, знает, только что назвал фамилию Миронов.

– А кто это такой? – неподдельно изумился Зубов.

– Ну вы, ребята, даете, – обескуражено почесав макушку, пробормотал Олег. – Отец тебе разве не сказал, кто на фотографиях с его женой?

– Нет... вроде бы.

Непонятки множились с каждой минутой. Паршин сел в кресло, задумчиво оглядел недоуменного приятеля по детству, тот под его взглядом стал припоминать детали разговора с папой:

– А знаешь... ведь верно – отец его узнал. Он и меня еще спросил, знаю ли я человека на фотографии. Кажется, и фамилию назвал.

– А ты?

Илья пожал плечами.

– Ну и ну. Я, честное слово, и предположить не мог... – Паршин помолчал несколько секунд. – На фотографиях с Бертой криминальный авторитет Саша Миронов. Сейчас он, конечно, бизнесмен, акционер, предприниматель, но раньше...

– А откуда его отец может знать? – перебил Илья.

– Кто ж Сашу не знает, – хмыкнул Паршин. – Саша – то-

варищ шустрый, в высшие эшелоны рвется. На благотворительность жертвует, с партийцами дружбу водит. Но не отмылся. Как был бандюганом, так и остался. Только в перчатках и лаковых штиблетах.

– И Берта... с НИМ?! – Илья ошеломленно сел на диван, помотал головой. – Поверить не могу.

– А чему тут не поверить? – усмехнулся сыщик. – Нынешний Мирон мужчина обходительный, с дамами щедрый. Приятной наружности, что тоже не маловажно. Берта твоя – любовница статусная. У них вполне мог серьезный роман закрутиться.

Заткнувшаяся ненадолго Дуся проявила прежний пыл:

– Но ведь это все меняет!! Теперь мы знаем...

– Это ничего не меняет! – резко оборвал Олег. – Я с самого начала зарубку сделал: мужик, которого козлом обзывали, может быть Мироном.

– Вот! – подняла вверх указательный палец Землероева. – Если козел – это Мирон, то папа Ильи может быть у него! Берта сама говорила...

– Не кипятись, – опять перебивая, поморщился сыщик. – Это не дает ничего нового. Лев Ефремович – в Питере.

– А если...

– А если, то Мирон не будет держать заложника в подвале собственного дома на Рублевке. Понимаешь? И никакой спецназ в этот дом не полезет отца Ильи разыскивать. Для этого повод нужен, повод! Бумажка от прокуратуры, а

не твои предположения: козел – Мирон.

– Но что же делать?!

Паршин угрюмо оглядел понурого Зубова – парнишка не дурак, моментально смекнул, какой засадой может обернуться противостояние опытного человека со связями в структурах. Землероева пока горячится по малолетству и общей темпераментности организма, но скоро и до нее дойдет, что дело – швах. Если Мирон имеет в этом деле интерес и уже натравил на парня своих волкодавов, так просто не отцепится. До конца пойдет, коли ввязался.

Паршин о недавнем безбашенном авторитете знал достаточно. Милицейская Москва слухами полнится. По собственной доброй воле Олег никому б не посоветовал с ним тягаться – порвет волчара. Умен и жаден.

– Ты говорил о каком-то генерале? – напомнил сыщик Зубову, и Илья уныло кивнул. – Я вижу только один выход. Пока. Сейчас надо как-то разрулить ситуацию с твоим обвинением в убийстве соседа...

– Котика, скорее всего, не убили, – встряла неугомонная Дуся. – Он сам умер, у него сердечко с детства слабое. Было.

– Пока еще проведут вскрытие, – отмахнулся Паршин. – Надо что-то делать. Ты можешь позвонить генералу?

– Я его телефона не знаю.

– Фигово, – на секунду огорчился сыщик. – Но не безнадежно. Сколько по Москве генералов? Скажи, как его зовут, я через ребят пробью по базе, дозвонимся.

Илья поднял глаза к потолку, прищурился:

– Александр... Алексей... Андрей, может быть?... О! Вспомнил! Петрович! Точно. Отец его всегда по отчеству называл!

– Лучше б он называл его Сигизмудович, – пробормотал бывший оперативник. – Тогда бы вообще без вариантов. Ты что – совсем не помнить генеральского имени?

– Нет, – огорченно признался Зубов. – Отец всегда называл его Петровичем. Кто-то по имени обращался... Как же... Нет, я помню.

– А звание какое? Генерал лейтенант, майор, полковник...

– Не помню в точности, но, кажется, майор.

– Жопа, – подвел итог изысканий отставной ментяра.

В гостиную несмело заглянула Кира и предложила пообедать.

Пока Землероева помогала хозяйке накрывать на стол, борщ разливать, Олег отвел Зубова в сторонку и, пристально глядя в глаза, спросил:

– Илья, что за фигня с освидетельствованием?

Парень взгляда не отвел.

– Берта расстаралась. Я уверен.

– А был повод? – сощурился Паршин.

– Это из-за мамы...

Илья быстро поведал о подслушанном в феврале разговоре, передал беседу с отцом.

Сыщик кивнул. О том, что мама Ильи серьезно больна, Паршин знал с детства.

– Ее держали на сильных лекарствах, у мамы такие боли были...

– Понятно, – не стал расстраивать уже ничемными вопросами сыщик. От сочетания сильнейшей боли и лекарств у кого хочешь рассудок помутится.

Но Илья продолжил разговор:

– Знаешь, о чем я тут подумал? Что, если Берта еще в феврале устроила отцу некую проверку – чью сторону он возьмет, ее или мою? Уже тогда она решила... – Илья замялся.

– Что решила?

– Не знаю. Но после того случая она как-то... совершенно охладела, что ли? Я даже у них в доме боялся появляться, чтобы не поднимать скандала.

– С февраля, говоришь? – задумчиво проговорил Олег. – Что ж... все может быть.

С февраля времени много пролетело, сообщники могли готовиться...

Черт, нечего упираться в эту чепуху! В завиральные идеи девочки Дуси.

Ни один серьезный мент в версию с двойником в жизни не поверит! Паршин на своем опыте знал, как убедительно сочиняют обвиняемые, клянутся, что в деле замешан кто-то на них похожий. Через одного божатся: «Ей богу, начальник, я не при делах, кто-то вас попутал! Не было меня там, мамой

клянусь, я весь вечер водку с Зойкой жрал, ни сном ни духом! Перепутали меня, оговорили суки подколотные!»

С таким рассказом о двойниках-перевертышах в прокуратуру лучше не соваться, на смех поднимут. Паршин не девочка Дуся, ему такие бредни перед серьезными людьми даже не повторить.

Но все же, все же... В то, что оба оболтуса говорят правду, Паршин тоже верил.

Как быть?

Наверное – обедать.

Борщ выглядел и пах умопомрачительно, голодный сыщик озверело накинулся на тарелку, заработал ложкой, но и о деле не забыл. Не отпускало его дело.

– Илья, кто такой Максим, который кипиш в вашей богадельне поднял?

– Максим юрист отца. Мы немного дружим.

– Юрист, – задумчиво пробуя слово на вкус, пробормотал Олег. Промокнул губы кусочком ржаного хлеба. – Тогда у него точно есть телефон милицейского генерала. Юристы такими связями дорожат. Догоняешь? – спросил сыщик и вернулся к борщу.

– Угу. Предлагаешь ему позвонить?

– А ты в Максиме уверен?

Илья задержал ложку на весу, задумался.

– Он первый начал беспокоиться за папу. Если бы он был

заодно с Бертой, то наверняка не стал бы поднимать шум, так?

– Вероятно. Во всяком случае, связываться с тобой и предупреждать, мол, что-то не в порядке...

Зубов подскочил с табурета.

– Я ему сейчас позвоню!

– Не суетись, дай похавать. С Максимом лучше встретиться, телефон генерала наверняка у него в мобиле есть. Встретишься, задашь вопрос, поболтаешь немного о том, что в богадельне происходит. – Паршин сыто отодвинул пустую тарелку. – И вообще, толковый адвокат нам сейчас не помешает. Возьми его в оборот. О, картошечка! – Обрадовано принял от молчаливой Киры слоновью порцию картофеля.

На низеньком журнальном столике Паршин разложил тетрадный лист бумаги в клеточку. Илья и Дуся заинтересованно склонили голову: сыщик рисовал вагон. Предположили, что «художник» изображает электричку или подвижную часть метрополитена. Но оказалось – ресторан. Точнее, заведение стремительного питания с гамбургерами, шаурмами и прочей калорийной до изжоги вкуснотой.

– Вот, – удовлетворенно полюбовался кубическим произведением сыщик, пририсовал рядом с вагоном полукруг с дверями и обозначил его буквой «М». – Кафешка рядом с метро, здесь всегда полно народу. Позвонишь Максиму, назначишь встречу на площади перед этой станцией. Но под-

ходить не будешь, а сядешь у окна заведения и приведешь к себе уже звонком. Там метров сто получится.

На двух противоположных концах вагона Олег поставил крестики.

– Я и Дуся будем здесь. Евдокия постарается занять столик на улице у входа в кафе и будет наблюдать – не идет ли кто за Максимом, один ли он вообще приехал.

Я буду здесь. Если Евдокия кого-то увидит, подает знак – атас, смывайся! Ты, Илья, быстро выходишь через эту дверь, всего их три... – Сыщик дополнил рисунок. – Эта дверь выходит в парк, идущий вдоль проспекта, я постараюсь задержать преследователей. С эти все понятно?

Слушатели кивнули с готовностью рядовых запаса.

– Вопросы есть?

– Мне бы кофточку сменить... Эта с дыркой на животе. А на улице жара началась...

– Попросишь что-нибудь у Киры. По существу вопросы есть? Нет? Тогда ориентируемся на месте. Звони Максиму, назначай встречу через сорок минут. Дуся, слушай его голос.

Илья быстро вставил в хитрый мобильник сыщика свою сим-карту, нашел телефонный номер юриста и произвел набор.

По комнате понеслись гудки.

– Не отвечает, – огорченно констатировал Илья. – С этого телефона номер вызова не определяется?

– Нет.

– Тогда Максим может не ответить. Если он на совещании или занят, отвлекаться на неизвестный вызов он не будет.

– Н-да? – задумчиво приподнял брови сыщик. – Ничего. Поедем на место, по дороге ты, Илья, активируешь свой телефон – тебе Максим ответит?

– Да, – уверенно мотнул подбородком сын работодателя юриста.

На улице действительно отрадно потеплело. Разогретые солнцем лужи наполнили воздух бензиновыми испарениями, приодетые в осенние наряды граждане сняли пиджаки и куртки, и понесли одежду в руках. В метро – парилка, толкотня. Евдокия напряженно смотрела на отражения в темных стеклах вагона, прижатый толпой к мажору Паршин тихонько делился соображениями:

– Если Макс в офисе, то оттуда до места встречи на метро доберется за двадцать минут. Позвонишь ему и скажешь, чтобы приезжал немедленно. Береженого бог бережет. Если за юристом приглядывают, чем меньше времени будет на подготовку, тем лучше.

Зубов согласно кивал, подзабытые ощущения давки в общественном транспорте добавляли нервозности. Голова слегка кружилась.

На площади перед станцией – суета, мельтешение, люди-сэндвичи в рекламных картонках пихают в руки разно-

цветные бумажки с приглашениями на распродажи...

Три невольных сотоварища свернули за угол станции, Зубов достал свой телефон и активировал сим-карту, настроив мобильник на режим громкой связи.

– Илья?! – практически мгновенно отозвался юрист. – Ты где?!

– Максим...

– Плохо слышно!!

Шум близкой автострады забивал голос из трубки, Илья перенастроил звуковой режим и приложил трубку к уху.

– Макс, ты можешь со мной встретиться?! – Евдокия пристроилась с другой стороны трубки, но почти не разбирала ответов юриста. – Прямо сейчас, через двадцать минут!.. Да, да... У станции такой-то... Я позвоню тебе еще раз с другого телефона!

Илья закончил разговор, тыльной стороной кулака утер испарину со лба.

– Макс сейчас приедет из офиса.

– Вынь симку и батарейку, – напомнил сыщик, – и пойдём проводить рекогносцировку. Места по расписанию займем пораньше.

Пристроенная к ограждению сквера прозрачная постройка и в самом деле напоминала вагон электрички. Вдоль окон – столики и лавки, в хвосте раздаточный пункт и даже двери примерно в тех же местах, что и у электричек, с одной лишь

разницей: выход на противоположную от площади сторону – один. Там, у двери, мешая проходящим гражданам могучей спиной, расположился Паршин. Илья засел у окошка с видом на метро, Евдокии с фруктовым салатом и томатным соком повезло занять крошечный столик на улице у главного входа в заведение.

Пока приглядывались, планировали и, в качестве прикрытия, затаривались провиантом, прошло восемнадцать минут. Кормленная борщом и картошкой Землероева на салат из разноцветных фруктовых кубиков даже не глянула, сидела на краешке пластмассового креслица и нервно теребила пальцами родимый мобильный телефон: Илья детально описал Максима, Паршин приказал звонить Илье, если, сидя на шухере, Дуся засечет передвижения неприятеля.

Максим появился на минуту позже назначенного времени. Высокий симпатичный брюнет лет тридцати, проходящие в двери метрополитена девушки с удивлением оглядывались на мужика в шикарном костюме, белоснежной рубашке и безупречном галстуке – такие на метро не ездят.

Юрист нервно озирался, искал глазами сына босса, потом резко поднял руку с зажатым в ней мобильником и начал шевелить губами.

«С Ильей разговаривает», – догадалось Дуся.

Как было обговорено заранее, Илья вел Максима по телефону: «Идешь направо от метро по дорожке, где стоят скамейки... Идешь, идешь... Поворачиваешь еще правее – ви-

дишь вход в кафе... Заходишь...»

Максим растеряно выбирал дорожки – от станции метро тропинки расходились веером, нашел по правой стороне дорожку в оформлении скамеек и порысил вперед. Еще раз по команде Зубова повернул направо, увидел обозначенное кафе и обрадовано припустил дальше. Проходя мимо Дуси на креслице, радостно вещал:

– Все понял, вижу, захожу...

Евдокия в тот момент конспиративно изображала голод – пыталась подцепить тупой пластмассовой вилкой ускользающий кусок банана. Но едва вблизи раздался голос юриста, вилка совершила непредсказуемый пируэт, и смачный кубик, словно катапультной подброшенный, улетел к кустам, где отдыхала одинокая пятнистая дворняга.

Дворняга подскочила, понюхала банановый сюрприз-десерт, но есть не стала, отправила случайной дарительнице укоризненный взгляд обманутого в надеждах мясоеда. Евдокии же показалось, будто ей за шиворот упала гроздь сосулек. Проскочила под кофточкой, заледенила спину и зябкой россыпью скатилась по ногам.

Не может быть! Это – он?! Дуся моментально узнала голос, на этот раз не искаженный мембраной телефона и не забитый гулом автострады. На встречу к Зубову шел человек, разговаривавший с Бертой в кабинете!

Что делать?!

Испуганными глазами Дуся обшарила подступы к кафе:

теперь ей показались подозрительными два парня, что вразвалочку шагали по дорожке вдоль скамеек, мамаша, громко обещающая отпрыску еще мороженого, старушка с пакетом, продавщица пирожков...

Бежать! Пугливое атаквистическое чувство подбросило Евдокию в воздух, задетый локтем стаканчик с фруктовым салатом подпрыгнул над столом и скатился вниз...

Предупредить Илью! Подать сигнал Олегу?!

Нажимать на кнопки и сообщать по телефону, времени не было. Два широкоплечих парня вышли на прямую линию к кафе.

Землероева метнулась в дверь, протиснулась между выходящих из заведения подростков!

Илью загораживало крупногабаритное семейство, рассаживающееся за столик перед ним: мама, папа, два румяных отпрыска. Максим немного задержался, пропуская перед собой объемную тетку с нагруженным подносом, приветливо махал рукой...

Тяжелым пушечным ядром, с разбегу и размаху, Евдокия ударила в спину неприятеля!

Подлый юрист обрушился на тетку, выбил из ее рук поднос – тот улетел на Зубова! Детки уроненной мамаша заорали на все кафе...

Обескураженный Илья смотрел на куртку, живописно украшенную натюрмортом из куриных крылышек, мороженого с прожилками кетчупа, облепленную консервирован-

ными персиками и киви из салата под взбитыми сливками. Лицо мажора украшал брезгливый ужас.

Невдалеке, практически под столиком, истерически визжала тетка, пытаясь выбраться из-под юриста. Юрист скатывался с нее, как с ледяного холма.

Могучим движением бедра разозленная мамаша закатила Макса под лавку.

Пока отец разоренного на провиант семейства не добавил переполоха и не достал Землероеву гневно вздернутым кулаком, Дуся пискнула: «Простите, простите, я случайно!» – резво перепрыгнула торчащие в проходе ноги – теткыны в босоножках и подследниках и юристовы в шикарных брюках и штиблетах, цапнула Илью за рукав и потащила к выходу. Все остальное прodelывала молча и без извинений: пыл бегла на резвый бег.

Пытаясь на ходу стряхнуть с себя куриные крылышки с салатом и кетчупом, мажор рванул за Дусей.

Догадливый Паршин уже немного продвигался вместе со стулом ближе к столу, освобождая проход для беглецов...

Евдокия суматошно оглянулась: в кафе вбегали парни, только что прогуливающиеся вразвалочку!

Пусть им перегородила пышная задница выбравшейся из-под стола мамашы голосистых отпрысков, злющий отец семейства совсем загородил собой узкий проход...

Парни попробовали пихаться, но на сторону разоренных любителей калорийных вкусностей встали посетители. Зате-

ялась потасовка.

Едва мажор и Дуся выскочили в парк, Паршин невозмутимо поднялся из-за стола и, прихватив легенькое креслице, вышел на крыльцо. Поставил креслице на одну ножку, опытно припер спинкой ручку двери и размеренно порысил за улепетывающей молодежью.

Метров через пятьсот Евдокия и Илья забежали за газетный киоск; через прозрачные стенки убедились в отсутствии погони: в обозримой видимости только Паршин неторопливой рысью приближается. Согнулись пополам и до появления за киоском сыщика пыхтели в унисон, выравнивая дыхание.

Первым отдышался Зубов.

– Ты чё?! – зарычал все еще сбито и озлобленно. – Ты чё творишь, овца безбашенная?! – Обиженно поглядел на изляпанную куртку. – Мы как договаривались?! Ты – звонишь! Звонишь! А ты овц...

Увесистая затрещина по затылку заставила Зубова в полном смысле прикусить язык.

– Если ты еще раз обзовешь Евдокию или начнешь валить с больной головы на здоровую, я тебе уши оборву, – спокойно предупредил Паршин.

Илья раздраженно обернулся к сыщику, встретил невозмутимый пристальный взгляд последнего и догадался: Олежа как пообещал, так и сделает. Фыркнул и принялся демон-

стративно отчищать одежду.

– Евдокия все сделала правильно. Это я балбес – про созвоны договаривался, а время и короткую дистанцию не учел.

– Ей надо было голосом сигнал подать! А не пихаться, как...

– Она все сделала правильно, – почти повтором хладнокровно перебил Олег. – Если б Евдокия начала вопить: «Спасайся, это он», мы потеряли бы единственное преимущество: Берта и Максим не знают, что нам известно об их связи. Нельзя давать им повод для догадок, теперь мы выяснили всех участников предполагаемого похищения...

– Ты начал нам верить! – неожиданно встряла Землероева, и сыщик неохотно подтвердил:

– Я видел двух мужиков, собравшихся броситься за вами вдогонку. Макс пришел не один. – И тут же охолодил Дусю поднятым вверх пальцем. – Но! Это еще ни о чем не говорит. Дядя Гена-крокодил тоже Илью разыскивает. Может быть, эти мужики от него нарисовались. Максим предупредил, что идет на встречу с сыном друга, и дядя Гена-доброхот «ноги приделал».

– Ага, – хмыкнула Дуся. – Еще скажи, у дяди Гены на подхвате всегда парочка бандитов под рукой. Ты их рожи видел? А я-то вот разглядеть успела – на охранников из офиса они нисколько не похожи, типичные бан...

– Не пори чепухи! – прикрикнув, перебил Паршин. И

немного тише добавил: – Много ты в бандитах и охранниках понимаешь. Илью милиция ищет. В офисе могли случайно оказаться оперативники, они и отправились следом.

– А оперативники что – на бандитов так похожи? – язвительно прищурилась девчонка.

Если бы ни общая напряженность ситуации, Пашин бы, наверное, заржал. Его бывший коллега Колька Бурлаков на всех малинах за своего сходил.

Тоже мне великий специалист по операм и бандитам Дуся Землероева.

Потерев шею ладонью, Олег задумчиво поджал губы.

– Ну что? Потопали на хату?.. То есть я хотел сказать – поехали к Кире?..

К метро решили не возвращаться. Когда голосовали такси, разноцветно заляпанного мажора загородили Паршиным.

В дороге Дуся сильно переживала на заднем сиденье: «Испортили семье праздник, поднос перевернули, детей напугали и расстроили, надо было хотя бы денег за продукты подбросить...» Сидевший рядом Илья сумрачно слушал, как ворешка угрызениями совесть развлекает, в конце-концов не выдержал и вежливо попросил совестливую Землероеву заткнуться.

Евдокия что-то прошипела в ответ. Паршин не вмешивался – пусть развлекаются, коль есть охота.

Неподалеку от дома Киры Илья заскочил в первый подвернувшийся магазин одежды и купил себе футболку. В супермаркете нагрузили несколько пакетов провиантом – Дуся облизнулась на торт, и Зубов молча положил его в тележку. Проникся тем, что девушка, кажется, спасла его в очередной раз, подлизывался шоколадным кремом.

В ту же тележку Паршин положил бутылку коньяку и упаковку баночного пива. Себя порадовать. Стресс снять.

Потягивая недурственный армянский коньячок, Паршин стоял у окна гостиной и смотрел на перегруженную машинами автостраду. За спиной тихонько продолжали спорить молодые трезвенники. Шептались, стараясь не потревожить спором решившую вздремнуть в спальне Киру, горячились без толку...

– Теперь нам надо действовать! – убеждала Дуся. – Теперь мы знаем всех любовников Берты...

– Как же, всех... – с отлично слышимой неприязнью к мацехе язвил Илья. – Много ты знаешь о жизни внутри Садового кольца!

Правы ребяташки – оба. Дуся хочет стремительно использовать преимущество добытых сведений, Илья показывает Евдокии, какой она специалист великий, раз по крупницам информации пытается весь дерьмовый расклад представить.

Оба правы. Евдокия шкуркой чувствует возникший цейтнот, Зубов осторожничает не напрасно, Олег – голову сло-

мал! – ничего дельного предложить не мог.

Самым разумным было бы задействовать связи Зубова-старшего. Дозвониться до генерала, встретиться с любым другим влиятельным приятелем отца Ильи: пусть накрутят хвосты своим питерским связям, разыщут в Северной столице Зубова. Ведь в этом Дуся права на сто процентов: теперь, когда второй любовник Берты известен, можно начинать поиски могучих союзников.

Но Илья продолжает осторожничать. Так ненавидит мачеху, что готов вообразить в ее любовниках все окружение отца? Или опасается навредить тому торопливостью?

Что впрочем и понятно. Брат Евдокии убит, Илья не хочет рисковать отцом. Вероятно, собирается переложить ответственность на крепкие сыщицкие плечи.

Чью сторону тут выбрать? Пасынка, отлично знающего способности мачехи, или рвущейся отомстить за брата нетерпеливой девушки?

Головоломка. Быстрота хороша при ловле блох, а не Саши Миронова. Тут семьсот раз отмерь, один раз замахнись.

Как ни крути, сегодня уже разочек поторопились. Чудом ноги унесли.

– А я тебе говорю – двойник! Двойник по Питеру гуляет, следы путает! – тихонько шипела за спиной выдумщица Землероева. – Вот сам подумай: зачем Максим звонил тебе за границу, а? Подумай, подумай!

На этом восклицании Олег заинтригованно обернулся:

что там еще выдумала неугомонная девчонка, какие идейки родила? Сам-то Паршин считал, что Макс попросту заманил Илью в Россию, но послушать интересно, девочка изобретательная.

Поймав заинтересованный взгляд сыщика, генератор идей Дуся Землероева разродилась пространным текстом:

– Он позвонил, потому что они вынуждены форсировать события. Если бы пропажей твоего отца заинтересовались всерьез, трюк с подставным Львом Ефремовичем обломился б мигом! Настоящей проверки двойник не выдержит. А так – кипишь легонький, появилась фотка из банкомата, все и затихли. Позвонил не обеспокоенному «крокодилу» старый друг, поболтал немножко и – все в порядке.

Другое дело... – Дуся добавила в голос доверительности. – Другое дело – Лев Ефремович отсутствует долго. Тут уже дело проверкой от ФСБ попахивает... А похитителям нужен не шибко проверенный профессионалами факт: смутная фотка из банкомата. Доказывай потом обратное, что Льва Ефремовича в Питере не было, – ничего не докажешь! Фотка есть, звонок был. Все – финита ля комедия.

Дуся довольно откинулась на спинку кресла. Слегка обескураженный Илья напряженно смотрел на сыщика и искал на лице того подтверждение невероятным измышлениям девчонки, не сумевшей толком портфель из машины стащить.

Но Паршин признавал, что рациональных зерен Евдокия навалила щедро. Никто всерьез не обеспокоен отсутстви-

ем Зубова в столице, хотя доказательство его прогулок по Санкт-Петербургу – размытый снимок. И краткий разговор с приятелем, который вполне могла отредактировать жена.

Реальную проверку эти факты выдержат только без объявления нештучного форс-мажора. Максим потому и поторопил события, чтобы к приезду Ильи настоящая волна не поднялась.

Неужто угадала Дуся с двойником?!

Пожалуй, не исключено, придется признать: некоторым девушкам идут на пользу бразильские сериалы. Воображение будят.

У сыщиков же одни стереотипы в головах.

Олег сел на диван напротив Дуси, кивком головы одобрил предположения и обратился к сыну богатея:

– Илья, у тебя есть подвязки в Питере?

– Есть.

– Весомые?

– Ну-у-у... достаточно.

– Тогда звони, проси найти отца и проверить – он ли там гуляет.

– Сделаем, – быстро согласился Зубов, вставил в хитрый мобильник свою сим-карту и начал с кнопками упражняться.

А Паршин тем временем давал рекомендации:

– Ничего особенно не объясняй. Скажи – не можешь с папой связаться, а он тебе срочно нужен, пусть пошарят по

гостиницам, через операторов мобильной связи попробуют определить его место расположения... У Льва Ефремовича есть любимый отель в Питере?

– Да, – не отвлекаясь от телефона, кивнул мажор.

– Пусть в первую очередь пошарят там.

Евдокия, изображая лицом сомнение, наблюдала за мужчинами.

– Ты чем-то недовольна? – поинтересовался сыщик.

– Да не найдут они ничего, – отозвалась воришка. – Точнее, никого. Вы что думаете, двойник заселится в гостиницу, где Льва Ефремовича хорошо знают? Будет рисковать?

– С чего-то надо начинать, – негромко пояснил Паршин. – Или у тебя есть другие предложения?

Землероева невразумительно повела плечом, но по глазам девчонки Олег понял – предложения есть, но озвучивать их выдумщица опасается. Пока.

– Говори, чего изобрела? – хмуро подтолкнул детектив.

Евдокия помедлила, икоса оглядела Зубова, выискивающего в памяти мобильника весомые питерские подвязки, и начала с укола:

– Я, конечно, мало понимаю в жизни внутри Садового кольца... Ничего не знаю о розыске пропавших родственников... Но люди везде одинаковые живут. – Сказала, закусила нижнюю губу и исподлобья, нагоняя на гладкий лоб морщины приподнятыми бровями, поглядела на сыщика. – Я думаю... надо как-то дать знать этому Мирону, что у Берты

есть другой любовник, и они задумали против него козни.

– Чего-чего задумали?

– Козни. Макс ведь просил Берту дать лично с ним расправится, после... После всего. Помните? В разговоре он сказал, что лично разделается с «этим козлом»?

– И что?

– Как что?! А ревность? А осторожность?! Макс с Бертой собираются с ним разделаться!

Илья прекратил телефонные упражнения, посмотрел на обдумывающего предложение сыщика, но тот взмахом ладони вернул его к занятию.

– Продолжай, продолжай, Илья. Дуся немножечко не понимает того, о чем говорит.

– Как это не понимаю?! – подскочила с кресла воришка-неудачница. – Почему это не понимаю?! Люди везде одинаковые – ревнуют, злятся, мстят, тут уж никакое Садовое кольцо ничего не исправит! Если рассказать Мирону, что Берта с другим любовником задумала его прикопать, он их сам на ленточки порвет!

– Но сначала отца Ильи порежет, – тихо проговорил Паршин. – Лев Ефремович не мальчик с улицы, он человек солидный, таких врагов за спиной не оставляют.

Все старательно обходили стороной тему возможной гибели старшего Зубова. Надеялись.

– А если убедить Мирона: мы тебе все рассказываем, жизнь как бы спасаем, а ты отца Ильи отпускаешь?

– Чепуха, – отмахнулся Паршин. – Во-первых, у нас нет реальных доказательств против Берты. Ты же не думаешь, будто Мирон одним твоим словам поверит? Тут даже не мечтай. Кто ты ему – девочка Дуся по уши в дерьме.

А во-вторых, Мирон товарищ осмотрительный. И Льва Ефремовича и самаритян-доносчиков из осторожности убе-рет.

Дуся подергала себя за мочку уха, по выражению лица было заметно – сдаваться детка не собирается. Мыслит вслух:

– А если как-то... еще раз попытаться подслушать разговор Берты и Максима... Записать на диктофон... Потом дать послушать запись Мирону...

Тут уже не выдержал и Зубов:

– Перестань чудить, а. Как ты собираешься их заново ловить?! Они не старшеклассники на выпускном балу, в углах не сосутся.

– Да и как его найти? Угол этот... – задумчиво согласился Паршин.

– А головы на что?! – возмущенно фыркнула деятельная Землероева и даже ногой притопнула. – Надо думать!

– Вот ты и думай, – безразлично предложил Илья и сказал в телефонную трубку: – Марат, здорово, это Зубов...

Дуся негодуяюще всплеснула руками, шлепнула себя по бедрам, мол, какие же вы, мужики, все бестолковые, подумать не хотите! И показывая, насколько не верит в идею с питерскими изысканиями, вышла из комнаты и не возвраща-

лась до тех пор, пока Илья не закончил с просьбами приятелю – сынку санкт-петербургского высокого чиновника. И пока Паршин и Зубов не перестали обсуждать остальные мероприятия по розыскам Льва Ефремовича. Минут пятнадцать Дуся на цыпочках бегала по коридору и вошла в гостиную с пылающими щеками и горящими глазами.

– Придумала чего-то, – насмешливо хмыкнул Паршин.

Дуся на подначку не отреагировала, села в кресло и закинула ногу на ногу.

– Есть предложение, – сказала серьезно и степенно, хотя было заметно, что предложение распирает ее изнутри и рвется наружу. – Начнем с водного вопроса: вы в принципе согласны, что ревность Мирона можно использовать с пользой для дела?

– Ну-у-у, – затянул Паршин, и Дуся ответила за него:

– Согласны. Тогда второй вопрос по существу. Олег, ты сможешь устроить так, чтобы в квартире Берты стояла прослушка?

Сыщик наклонил голову набок, поглядел на Зубова, и тот недоуменно пожал плечами. Евдокия вновь сама озвучила пантомиму:

– Думаю, сможешь. Ты, Олег, сыщик, у тебя все прибамбасы для подслушивания должны иметься. У тебя, Илья, есть ключи от квартиры. Надо сделать так, чтобы Берта снова разговаривала с любовником в квартире...

– Как?! – перебивая, разошелся криком Зубов. – Как ты

собираешься заставить их встретиться именно в квартире, разговаривать конкретно о деле на микрофоны?! У них что, иных мест для встречи нет?!

– Да, – более спокойно согласился с ним Паршин. – Это, Дуся, из теории невероятного. Они могут месяц по другим углам тереться, ничего конкретно не обсуждать, а тему «Мирон-козел» и вовсе не затрагивать. Один раз повезло подслушать, второй раз не обломится.

Евдокия невозмутимо выслушала возражения, помедлила и на паузе, победно оглядев мужчин, сказала:

– Предлагаю сделать так, чтобы Берта и Максим встретились именно в квартире и никаких других тем, кроме «Мирон-козел», у них не осталось. Берта – женщина. Хоть и живет внутри Садового кольца, – не удержалась от ехидства Землероева, дико обиженная зубовским заявлением. – Предлагаю испортить ей внешность. Заставить засесть в квартире. И только там встречаться с людьми. Пусть болтает на микрофоны.

– Интересно, как это ты собираешься ей внешность испортить? – фыркнул Илья. – Косметичку, что ли, из машины утащишь?

Паршину шутка юмора понравилась.

Воришка-неудачница на колкость – ноль внимания, ответила по делу:

– Берте надо фингал под глазом поставить.

– Что-о-о?! – в один голос затагнули мужики, но продол-

жил дискуссии один лишь пасынок:

– Ты в своем уме?! Берте – синяк под глазом? Долго думала, подруга?!

– Не очень, – скромно призналась Дуся.

– Да к ней не подобраться! Она везде с охранником-шофером ходит, в местах, где кулаки летают, вообще не появляется! Или ты предлагаешь ее в укромную подворотню заманить? В какой-нибудь быдлярский кабак вытащить? – Илья вольно откинулся на спинку дивана и подвел итог: – Не изобретай чепухи, детка, к Берте нам не подобраться.

– Возможно и не подобраться, – тихонько согласилась детка. – Но я поверить не могу, что женщина везде-везде бывает с мужчиной-охранником. Подумай Илья, где можно подловить Берту без охраны? Какой-нибудь салон, парикмахерская, ну, я не знаю, портниха, массажистка...

Секунд тридцать Зубов недовольно рассматривал воришку, мозгой ворочал; Евдокия с надеждой смотрела на него во все глаза. Паршин мудро не вмешивался в мыслительный процесс первого и замечаний не вставлял.

Через полторы минуты Илья подобрался, сцепил повешенные между колен пальцы и кивнул:

– Есть такое место. Практически каждый день Берта ходит к стилисту. Всегда в один и то же час – Вавилов классный специалист, застолбить у него свое время дорогого стоит. Берта приходит в салон «делать голову» утром перед работой в десять часов. – Помолчав немного, Илья скособочил

подбородок. – Но нам туда не пробраться. Меня там знают, Олег... – Зубов с красноречивым сомнением оглядел богатырскую фигуру отставного мента – тот совершенно не походил на завсегдатая модных салонов. Прическа попахивала трудами брадобрея из бани в заводском районе.

– А я и не собираюсь заставлять вас Берту лупить, – спокойно констатировала Дуся. – Вся фишка в том, что это должна сделать я. Надо вынудить Берту к разговору с любовниками. Когда я тресну ей под глаз, то объясню, за что ей прилетело: за то, что путается с чужим мужиком.

В комнате повисло молчание. Паршин и Илья обдумывали, переваривали Дусино предложение.

Евдокия, видя, что ее слова не вызвали резкого отторжения, продолжила убеждать мужскую составляющую компании:

– Вот вы подумайте. Когда женщина слышит, что ей треснули за какого-то мужика, что она в первую очередь делает, а? Она бежит к этому мужику и выясняет отношения: «Ты сволочь, гад подколодный, не только со мной путаешься, а еще с кем-то, с какой такой стати твоя девица мне морду лупит?» Так?

– Ну, – в один голос согласились компаньоны.

– Бегать по всему городу с подбитым глазом Берта у нас не станет. Так? Так. Она забьется в какую-нибудь нору – у себя дома, скорее всего, – и будет приглашать туда любовников для разборок, поскольку у нее их двое, и от кого ей

прилетело – фиг поймешь.

Опытный сыскарь мигом и всецело проник в идею Дуси. Почесав в затылке и треснув себя кулаком о колено, Паршин вскочил на ноги, возбужденно пробежался до окна и обратно, вернулся в кресло.

– Черт, Дуська! А ты ведь права. Если заставить Берту разговаривать с любовниками на микрофон... А она наверняка не только свой синяк обсуждать будет...

– Вот! – подняла вверх указательный палец Евдокия. – А вы говорили – чепуха, чепуха. Головой работать надо, товарищи! – Победно поглядела на Илью и, уловив на лице того пренебрежительную ухмылку, дернула шеей. – Что не так? Опять.

– Да все не так, – усмехнулся Зубов и вернул издевку: – Ты мало знаешь о порядках внутри Садового кольца. Ты думаешь, в салон Вавилова запустят любую девицу с улицы, да? Ты думаешь – пришла, в креслице села... Берту дождалась и в удобный момент ей фингал поставила, так? – Хмыкнул: – Да тебя фейсконтроль дальше крыльца не пропустит! Туда такие телки ходят...

– Илья, – резко перебил сыщик, – я, кажется, тебя предупреждал.

– А я чего? – подняв плечи, развел руками богатенький сынок. – Я по делу говорю. Ее туда близко не подпустят.

– А ты сделай так, чтоб подпустили! Я Евдокию подстрахую! Там посижу, типа я ее охранник...

– Подождите, подождите! – удивленно воскликнул Илья. – Вы что это – серьезно?! Дать Берте в глаз... Признаться, я бы и сам от этого не отказался, но вот так – прийти, накинуться...

– Я Дусю подстрахую. Там что, охрана как в банке?! Небось сидит один сопляк напомаженный, галстук бережет!

– Но с Бертой ее охранник будет! И кто-то еще из бабских бодигардов может оказаться!

– А что ты предлагаешь?! – вспыхнул сыщик. – Где карта памяти с моими фотками?! Ты сам-то хоть что-нибудь толковое предложил?! С чем ты собираешься в прокуратуру идти?! С голым... – Не договорил, разочарованно махнул рукой и отвернулся.

Дуся пыталась гадкого мажора гневным взглядом. Действительно – не предложил. Действительно – только папиным богатством пыжится.

Илья поднял вверх ладони.

– Хорошо, хорошо. Давайте думать.

– В салон и вправду много шоферов-охранников набивается? – тихо спросил Паршин и смущенно покосился на Евдокию.

Как бы ни хороша была идея Дуси, слова Ильи все-таки произвели на сыщика впечатление. Отправлять на такое мероприятие девчущку-неудачницу?.. Он уже задумался.

– Нет, – хмуро отказался от своих же слов Илья. – В основном заводят – и на выход. В машинах ждут. Да и только самые крутые тетки с охраной к Вавилову приезжают, а это

время уже за Бертой оставлено.

– Так что же ты тогда...

– Да я просто вам показываю, как там дела поставлены! Просто так, с улицы, с кондачка, не прокатит!

– Так думай, раз знаешь! Предлагай!

Илья надуту отвернулся и сосредоточенно уперся взглядом в занавески.

– Ее надо прикинуть нехило, – пробурчал через минуту. – Типа одеть, припудрить...

– Так пудри, одевай! Ты ж у нас крутой перец!

– Да это как бы не вопрос...

Разобиженная в самое сердце Землероева слушала, как два мужика горячо обсуждают внешность «девочки с улицы», забыв, что эта самая «девочка» сидит неподалеку.

Ну ладно тупой мажор с папочкиной мошной. Но Паршин-то!.. Олег...

Что делает с молоденькими девушками благородное заступничество, знает каждый из прочитавших в детстве хоть один рыцарский роман. Девчушки начинают мечтать. Смотреть на рыцаря блестящими глазами, ждать, пока тот, бряцая доспехами, новый реверанс произведет.

Утром, едва Паршин переступил порог этой квартиры, признаем честно, Евдокия слегка оторопела. Довольно рослый, под метр девяносто Зубов на фоне бывшего мента стал выглядеть длиннолапым вислоухим щенком, пытающимся тявкать басом. Евдокия, робея, снизу вверх глядела

на страшноватого верзилу с замашками фельдфебеля – «Как звать, имя, фамилия, место проживания, где работаешь?», – боязливо отвечала на град вопросов и начинала ерзать по дивану, едва мрачный взгляд из-под бровей принимался ее буравить. Душу вынимать, нервы на большой кулак наматывать.

Страшноватеньким ей показался бывший капитан, не обязательным и жутко приставучим. По словам Зубова, из ментуры его за мордобой поперли.

Когда же Паршин пообещал за газетным киоском мажору уши оборвать...

Евдокия прониклась к здоровенному сыщику, мало говоря, симпатией.

Теперь же ее благородный рыцарь, не смущаясь, соглашался с оценкой внешности почти готовой влюбиться дамы.

Вот сволочь!

А Зубов сволочь трижды!! Нашел время оскорблять! Урод надутый.

– Тебя тоже неплохо бы прикинуть, – задумчиво оглядывая сыщика, вещал мажор.

– Обойдусь.

– Это как сказать.

– У меня есть свой костюм, – упрямо двинув скулами, исподлобья зыркнул сыщик.

– Но хотя бы на нормальную машину из проката ты согласишься? Если Дуську высадить из твоего жигуля возле

крыльца салона, ей никакие тряпки не помогут.

Ну точно урод!

Евдокия гневно, но тихо выпустила воздух сквозь стиснутые зубы – так бы и треснула обоих гадов по макушкам! – и, почти правдоподобно усмехаясь, высказалась:

– Я что-то не очень понимаю, господа, какой ерундой вы тут занимаетесь? Пудра, тряпочки, прикиды...

«Господа» удивленно перевели взгляды на «девочку с улицы».

– По-моему, на повестке дня есть гораздо более важные вопросы. Как наладить прослушку в квартире Берты, например. Как выбрать время для проникновения в квартиру, убрать оттуда домработницу.

– Это-то как раз не проблема, – отмахнулся сволочной мажор. – Домработница выходит из дома дважды в день. Вечером, вы знаете, на одной ноге за горячим хлебом бегают. Но за основными покупками для готовки она выходит утром. Как только Берта уезжает на работу, то есть примерно без пятнадцати десять.

– И долго гуляет? – поинтересовался Паршин.

Илья пожал плечами.

– Пока всей дребеденью не затарится. Отец частенько приезжает обедать дома, Галина привыкла по утрам все покупать, потом – на целый день к плите.

– Но сейчас папы нет.

– И что? Берта тоже пожрать любит. Расскажи-ка мне луч-

ше, как и куда микрофоны надо зарядить, я завтра утром...

– Нет, – перебил Паршин. – Все слишком серьезно для того, чтобы доверить установку прослушки не профессионалу. Если качество записи подведет... – Олег выразительно выгнул брови, – второй раз нам ничего не обломится. Так что я лучше позвоню пареньку, который вместе со мной по самым сложным делам работает, он приедет и все установит. Сам я с тобой пойти не смогу, в это время Дусю в салоне буду прикрывать, но Антон все сделает в лучшем виде и владельцу квартиры с ключами лишних вопросов не задаст.

– Как скажешь, – пожал плечами Зубов. – Нам, главное, успеть три комнаты и кухню «озвучить». От нашего дома до салона на машине минут десять езды, если Дуся по роже быстро шваркнет, то Берта тут же домой умчится.

Упомянуть еще и возможную задержку в квартире Гали Илье не понадобилось, мужчины скрестили взгляды на главной героине завтрашних мероприятий.

Еще недавно горделивая и довольная Землероева ответила мажору испепеляющим взором.

«Классовый антагонизм неистребим, – вздохнув, неверно понял настроение девчонки Паршин. – Если только равное распределение всяческих благ не вмешается. Не вступит в силу закон уравниловки».

Потом припомнил, как упорно большевики-уравнители богачеев расстреливали (сажали, ссылали, раскулачивали), и забросил мыслить мировыми масштабами. Вернулся к

скорбным проблемам ближних (по дивану) и предложил маломасштабное распределение богатств:

– Илья, ты сможешь прогуляться с Евдокией по магазинам и подобрать экипировку для похода в салон?

– Не вопрос, – разухмылялся богачей и подмигнул Дусе, пылавшей взором не из-за несправедливости вселенского мироустройства, а по более личным мотивам. Получил в ответ взгляд кошки, которой только что хвост отдал, удивился на минутку и подредактировал предложение сыщика: – Надо еще в какой-нибудь нормальный салон заглянуть, «головку сделать». Стиль и статус женщины не от шмотья, Олег, зависит. Если над прикидом от кутюр будет торчать башка фабричной работницы, никакие тряпки сами по себе фейс-контроль не пройдут.

Только чудом Дуся Землероева не совершила в тот же миг смертоубийства: заставила себя считать до ста.

Мажор тем временем дозвонился до некой приятельницы и спросил:

– Послушай, Милка, ко мне тут родственница из Урюпинска приехала, надо бы в порядок девочку привести. Посоветуй своего стилиста.

* * *

Поход по магазинам обернулся для Дуси местами приятным кошмаром. Коварный мажор решил одним махом убить двух зайцев: приодеть «урюпинскую родственницу» и с поднадоевшей любовницей расстаться.

Последняя подружка – хищная тусовщица Василиса – стала больно дорого обходиться Зубову. Выбирая магазин для шопинга, он решил остановиться на шикарном бутике, который так любила Васька. Бывая там с подружкой, Илья не раз видел, как та по-приятельски шушукается с продавщицами, и был уверен: о появлении любовника с новой пассией той донесут быстро, разрыв станет неизбежен, сам собой выплывет без лишних объяснений.

Но просчитался в главном: о появлении в магазине Зубова и новой девушки Василисе донесли настолько стремительно, что Евдокия едва сама синяк не схлопотала.

Но впрочем, будем продвигаться по порядку.

Обмирая от восторга, забыв обо всех вредностях мажора, Землероева перемеряла кучу тряпок. Показываясь перед сидящим на диванчике Ильей, выпархивала из примерочной кабинки и чувствовала себя героиней голливудских мелодрам «Что хочет женщина?», «Красотка»... Примеров много, где толстосумчатый мужик скучает перед примерочной, взглядом и жестом одобряя или отвергая очередной наряд.

Некоторые тряпки вызывали у Дуси дрожь при виде ценника, другие повергали в шок невероятной красотой: Илья отдал Евдокию в опытные руки продавщиц и указал – кредит не ограничен. Одеть с ног до головы, начиная от белья и обуви, подобрать сумочку и аксессуары.

Пока одни симпатяги-продавщицы сносили в примерочную Дуси ворохи дорогущего тряпья, какая-то зараза дозво-

нилась до Василисы и сигнализировала.

Хитрый где-то Зубов не учел того, что в этот бутик его подруга ходила не просто так. Еще не так давно бывшая жительница Костромы и неудавшаяся студентка Василиса (по паспорту Вера Михайловна Парамонова) сама таскала привередливым дамочкам одежду по примерочным. Убедительно лепетала: «Вещица ваша, как будто на вас пошита», лстиво закатывала глазки. Потом ловко воткнулась в обойму столичных тусовщиц и вместо тряпок начала удачно, по возрастающему статусу, менять любовников.

И каждого из них приводила похвастаться перед менее удачливыми товарками. Усаживала на диванчик и, пока в примерочных разоряла кредитки любовников, попутно купалась в охах-ахах и черной непроглядной зависти.

Холостой сынишка миллиардера Зубова стал вершиной коллекции. Забеременеть, увы, не удалось, в последнее время Илюша стал тосклив, упрям и склонен к побегу.

А расставаться Парамонова умела. Предпоследний кекс в качестве отступного «мерина» подарил, предпредпоследний папик наворочанную хатку... Илюша тоже не отскочит. Последние просты – главный хлеб столичной дивы.

Кое-как припарковав джип на стоянке, Василиса Парамонова ворвалась в бутик.

Верная приятельница (та, которой Вера Михайловна уже давно пудрила мозги обещаниями «вывести в свет») доло-

жила о появившейся вместе с любовником девице кратко: «Лохушка. Но твой башляет немерено».

Василиса отдышалась, незаметно встала за спиною ветреного Зубова и стала дожидаться появления из кабинки соперницы.

Не торопилась, так как, в связи с внешностью лохушки, предполагала четко выверить пропорцию праведного гнева. Гнев безрассудный отрезает кусок хлеба, гнев убедительный и слезный намажет маслицем любой ломоть, при удачном стечении обстоятельств можно доказать наглядно – «на какую жалкую овцу ты променял меня любимый... Я вся такая нежная и трепетная, воспитанная и обворожительная. Она...» – сейчас увидим.

Обмирающая от собственной красоты Землероева вышла из примерочной, как будто под свет рампы.

На Илью смотреть боялась, так опасалась заметить неодобрение, а сама уже с ума сходила от ладных брючек, короткой кофточки, босоножек со стразами, легкого бело-голубого шарфика ...

Как назло, к укороченным брючкам цвета баклажана с разрезами на икрах Парамонова присмотрелась еще позавчера и попросила оставить свой размер. Но кто-то из верных товаров подло предложил их невероятной овце! с вороньим гнездом на голове!! Та вырядилась, как в родные, в чужие шмотки...

Гнев захлестнул расчетливую диву. Забыв о калькуляторе в мозгах, Парамонова выверилась на лохушку, перехватила сумочку за ремешок на манер метательной пращи и с воплем:

– Ах ты дрянь такая!! Чужих мужиков уводить?! – пошла на Евдокию.

Удар сумочкой наотмашь! Из раскрытой сумки в разные стороны полетели помады, тубики, расческа, пудреница, несколько презервативов и две кредитки!

Опешивший Зубов несколько секунд наблюдал за схваткой «дряни» и любовницы. В многочисленных зеркалах отразился и размножился живой визжащий клубок из разметанных волос, когтей, коленей и локтей. По магазину как будто металась толпа разозленных драчливых девиц, цвета шарфика Евдокии создавали впечатление потасовки между фанатками футбольного клуба «Зенит» и поклонницами престарелой мальчуковой группы Барри Алибасова – «На-На», кою Вера Михайловна шибко обожала.

Кошмар, скандал.

Верные товарки вмешиваться не торопились, наслаждались спектаклем и прыскали в кулак. Оперативность проявили только высоченный охранник в приличном костюме и Евдокия – защищаясь.

Первая оплеуха заставила Землероеву застыть и получить вторую. Она никак не могла понять, откуда вдруг взялась эта разодетая фурия с развевающимися смоляными волосами, с

чего это вдруг лупить начала...

Третий удар сумочкой Дуся уже перехватила за ремешок и потянула на себя вместе с фурией.

Едва не уроненная рывком Вера Михайловна выставила вперед отлакированные когти, нацелилась на глаз, но зацепила только клочок волос. Ловко изогнувшись, Евдокия пнула ее в коленку, фурия ненормативно развизжалась... В общем, самые оперативные из покупателей давно достали сотовые телефоны, окружили место действия и, ловко избегая столкновения с живым клубком, старательно обеспечивали нескучный вечерний просмотр для жителей Инета.

Окончательно двух кошек расцепили только с помощью Ильи и лично директора магазина.

Обхваченная поперек туловища мускулистым охранником Вера Михайловна брызгала слюной и пыталась дотянуться ногой хотя бы до Зубова, мечта об отступных накрылась тазом, так хоть бы синяков наставить!

Такой крупной скидки Илья не получал еще ни от одного магазина. Внутренне усмехаясь – надо же, как все удачно и дешево сложилось, а ведь собирался уже Ваське нехилое колечко покупать, – он вывел расстроенную, побитую Землероеву на улицу и проникновенно, прижимая ладони к пищеводу, произнес:

– Прости. Не знал, что так получится. В салоне этого не будет.

Проклявшая в душе все магазины и салоны Дуся (с официальной дисконтной картой от директора бутика в кармане) дулась всю дорогу и забылась только, когда жутко стильный парикмахер Жорж, взвесив на руке пышную кудрявенькую гриву, спросил:

– Распрямлять будете? Или что-нибудь другое изобразим-попробуем?

Евдокия честно задумалась над вопросом. Поскольку, как всякая нормальная женщина, мечтала о том, чего у нее нет. В таких мечтах блондинки превращаются в брюнеток, пышно-волосые девицы обривают черепа, кокетки подрисовывают родинки, худышки толстеют и подшивают силикон, толстушки изводят себя диетами и корсетами, кудрявые прелестницы обзаводятся парикмахерскими утюжками.

Евдокия Землероева относилась к числу последних. Мягкие послушные кудри Дуся самозабвенно терзала утюгом, добиваясь от локонов абсолютной гладкости и лоска, мамыны намеки относительно женской индивидуальности старалась обойти молчанием.

Стилист Жорж, видя задумчивость клиентки, показал себя приверженцем индивидуального подхода:

– А давайте-ка попробуем что-нибудь неординарное, но в вашем стиле.

Попробовал. И ожиданий не обманул. Результат понравился даже мажору.

Жорж снял волосы почти до затылка, оставив на макуш-

ке некое подобие задорной взбитой шапочки с волнистым козырьком из челки. Челка падала на левую сторону лица, таинственно и волнующе закрывала один глаз, Евдокия постоянно на нее дула – получалось игриво и крайне завлекательно. (Ведь, как известно, любая игра женщин с волосами мгновенно привлекает внимание и обеспечивает шалуням замороженные мужские взгляды.)

Коварный Зубов был прощен и попросту немножко забыт – Дуся наслаждалась новым обликом, ловила отражение на каждой подходящей для отображения поверхности. Раньше, для того чтобы забыться от невзгод, она передвигала по квартире мебель, поскольку шопиг родная мама и дочь доцентов Синицына презирали, считая делом низкопробным, для девушек с куриными мозгами. (Синицына от неудач на любовном фронте вообще в картинных галереях отвлекалась.)

А оказалось – все работает. И мышцы, что немаловажно, от перетаскивания тяжестей не ноют, и глазоньки от лицезрения ярких красок импрессионистов не закрываются в усталости.

Наблюдая за горделиво вышагивающей Землероевой, Илья испытывал смешанные чувства. Произошедшая с замкадышем метаморфоза приятно радовала, удивляла и не обещала проблем в салоне. Но стоило признать – успешное превращение Золушки в принцессу внутренней сути «родственницы из Урюпинска» не изменило: вышагивая по ули-

це, увешанная пакетами Дуся напоминала кошку, удачливо и вдруг стащившую кусок филея с барской кухни. Пакеты с пропечатанным названием шикарнейшего бутика несла сама (названием вперед), хотя рядышком ненагруженный Зубов вольно прохлаждался.

Так не пойдет, решил Илья. Придется поработать над манерами и проинструктировать Олега, хотя тот вроде бы должен знать, как ведут себя охранники богатых девочек.

Еще неплохо бы позаимствовать у Киры капельку духов... Может быть, остались у нее флакончики из прошлогодней коллекции, что Илья таскал ей с постоянством влюбленного идиота...

Мысли о Кире увели думы в другое направление, оставленная без присмотра фартовая кошка Дуся тут же, в вагоне метро, начала флиртовать и обмениваться телефонными номерами с явным жителем студенческой общаги...

Евдокия обрела небывалую уверенность. Недовольные косые взгляды Зубова относил на обычную для того зловредность характера и возможную ревность собственника-Пигмалиона. Кому понравится, когда приедетой тобою девушке каждый мужчина делает комплименты глазами?

С пакетами наперевес Землероева неслась к Кире и молила Небеса, чтобы верзила сыщик не свалил к себе, дождался, оценил и склонился-таки в реверансе, бряцая доспехами.

Олег дождался. Опытный сыскарь переживал за беремен-

ную женщину, отчего-то безропотно приютившую эту невероятную парочку неудачников. На всякий случай Паршин решил охранять Киру до возвращения Ильи, уехать собирался только на ночь глядя. Чем черт не шутит, могли ведь и не оторваться от топтунов?..

Многие мысли и опасения терзали бывалого сыскаря. Оставшись в тишине и одиночестве (Кира легла с книжкой в спальне), Паршин взвешивал и развешивал, крутил в мозгах, анализировал и самым слабым местом ситуации признал непонятную таинственность свидетеля Землероевой.

Почему девчонка не хочет рассказывать о проблемах брата? Отчего замыкается, едва вопрос начинает касаться кражи портфеля из машины Бориса Семеновича?

Она что-то знает о делах братишки? Тот замешан в чем-то серьезном?..

Если так, то в будущем не исключен нешуточный сюрприз. Свидетель, замешанный в серьезном преступлении, вызовет недоверие ко всей компании даже при самом удачном развитии событий.

Евдокию надо приструнить, решил Олег. Едва наряженная и постриженная Землероева влетела в квартиру, он, даже мельком не одоббив новый облик, тут же взял девчущку в оборот.

– Пойдем пошепчемся, – сказал сурово и, не дожидаясь ответа, вышел на лестничную площадку.

Землероева открыла рот. Хлопнула ресницами. Широкая

спина сыщика исчезала в коридоре.

Он любит длинные волосы, уныло приговорила новую прическу Дуся, понуро повесила остриженную головку – все радужное настроение мгновенно улетучилось – и вышла вслед за Паршиным.

– Чего тебе? – расстроено вздохнула и нажала на дверь задом, утянутым в новые брючки.

– Давай рассказывай, как получилось, что брат уговорил тебя на кражу.

Личико Евдокии недоуменно вытянулось. Она никак не ожидала (в такой момент!) нового приступа любопытства. Сыщик словом не обмолвился относительно потрясного облика завтрашней «охраняемой персоны», не похвалил, не обругал...

Чурбан бесчувственный!

Да и она, впрочем, хороша. Так отвлеклась на шопинге, что почти забила внутрь – не извлечешь! – все мысли о погибшем брате.

Еще сегодня утром тайком рыдала в подушку – Кира потом лед к лицу гостыи прикладывала, чтобы Илья не лез с расспросами. Вечером пронеслась по магазинам и вот уже... два часа, пожалуй, не думает о Котике.

Неужели это она, Евдокия Землероева, чурбан бесчувственный?!

Дуся дунула на челку, смела ее с правого глаза и, вытянувшись в нервную струну, взглянула на сыщика.

– Не надо, Евдокия, не надо, – поморщился Паршин. – Все игры в тайны кончились. Если завтра нас обоих «примут», я должен знать, в чем будут обвинять тебя и брата. Должен. Понимаешь?

Дуся покраснела, прикусила губу и отвела взгляд.

Как объяснить, что она – не может! Не может сказать про Котика: «Он обманул! Наврал!» Отправил участвовать в какой-то дикой афере, использовал втемную, обвел вокруг пальца, как несмышленную влюбленную дуру...

Это стыдно. И язык не поворачивается признаться в беспроглядной глупости и лжи любимого Котика.

Паршин взял девушку за плечи, встряхнул и заставил посмотреть в глаза.

– Ты знаешь, что твой брат в чем-то замешан? Он тебе все рассказал?

– Он мне наврал!! – выкрикнула Дуся и, дернув плечами, вырвалась из мужских рук. – Он меня использовал!

– В чем? – спокойно поинтересовался Паршин.

– Не знаю! Честное слово – не знаю!

– Расскажи то, что знаешь.

– А ты расскажешь, почему тебя из ментуры выперли? – сузив глаза, прошипела верная сестра лживого братишки.

– Расскажу. Я избил урода, изнасиловавшего девчонку. Шел с работы. Из припаркованной в кустах машины вырвалась девочка – лет семнадцати – в разодранной одежде. Я вытащил урода, что ее избил и изнасиловал, и сломал ему

пару ребер. Папаша уroda оказался шишкой. Девчонка забрала заявление. Из милиции я уволился по собственному желанию.

Спокойный лаконичный рассказ Олега заставил поверить каждому слову. Евдокия плаксиво скривила лицо, опустив голову, накрылась длинной челкой и, глядя на коврик перед дверью, рассказала все, все, все. Не коснулась только обморочной влюбленности, свалив свое участие в преступлении на сестринскую привязанность.

Сыщик не перебил ни разу. Поверил не поверил – не понять. Подумал минутку и выдал вердикт:

– Пожалуй, ты права. История с исправлением нулей и запятых не выдерживает критики. Если бы твой брат напутал с цифрами, шеф дал бы ему по шее, дождался тебя с портфелем и уволил Костика к чертовой матери. Но его – пытали... Значит, спрашивали что-то реально важное.

Сыщик задумчиво надул щеки, потеревил двумя пальцами подбородок.

– Но в документации фармацевтической фирмы нам, Дуся, без специалистов не разобраться, даже если Антон сумеет вскрыть ноут Бориса Семеновича...

Девушка слушала, как сыщик проходит путем ее прежних размышлений, кивала и наконец-то дождалась похвалы. Не той, на которую рассчитывала, несясь с покупками по улице, но все же:

– Молодец. Все правильно рассчитала. И Илья, пожалуй,

прав, что не отпустил тебя к следователю. Тот, прежде всего, связался бы с владельцем портфеля... Тебя бы заперли... – Договаривать, что могло случиться с Дусей в камере, Паршин не стал. Владелец портфеля, полного смертельно опасных секретов, мог и не поверить воришке, что ту использовали втемную.

А как от таких свидетелей добиваются правды, сыщик знал. После некоторых допросов таких беззащитных воришек находят в камерах повешенными на собственных чулках.

Нет человека – нет проблемы.

Олег приобнял Дусю за подрагивающие в нервном треморе плечи, смахнул ладонью скатившуюся из глаза слезинку и сказал:

– Пойдем. Чаю выпьем, успокоимся, подстригли тебя, кстати, – полный отпад. Упасть не встать... Пойдем, Дуся, не плачь. Разгребем дела Ильи, вытащим Льва Ефремовича и все разрулим... В обиду не дадим.

Голова Дуси почти утыкалась в подмышку высоченного сыщика. Огромный и теплый, он завел ее в квартиру и, осторожно прикрыв дверь, запер на тяжелый внутренний засов.

Ночевать Паршин все-таки уехал к себе. И не потому, что Кира хотя бы намеком показала, будто три гостя в двухкомнатной квартире уже явный перебор. Сыщик умчался домой приводить в порядок лучший костюм, недавно облитый

шампанским на свадьбе старого приятеля.

Разыскивать пару чистых одинаковых носков и гладить белую рубашку не рискнул, заскочил по дороге в круглосточный супермаркет, купил все новое и, немного чувствуя себя разодетым женихом, вернулся утром.

Илья кивком одобрил парад и показал взглядом на дверь в спальню Киры, где приводили в порядок разнервничавшуюся Евдокию.

Тут надо сказать, что в семь утра Землероеву забил нервический озноб. Трясущиеся пальцы не позволили толком подкраситься – Дуся два раза щеточкой от туши мимо глаз заехала, пришлось смывать косметику. На выручку пришла сочувствующая Кира. Не обращая внимания на советы Землероевой, она подкрасила Евдокию ничуть не хуже давешнего Жоржа, сбрызнула какими-то необыкновенными духами и вывела перед мужчинами.

Кофточка, которая вчера так ладненько сидела на фигуре, вдруг стала жать под мышками. Новый бюстгальтер впивался косточками в ребра. Ерзя и одергиваясь, Дуся встала перед Зубовым, тот тоскливо оглядел преображенную воришку и обратился почему-то к Паршину:

– Как думаешь... может, ей коньячку плеснуть для храбрости?

– А по-моему, неплохо, – удовлетворенно обведя глазами «напарницу», высказался сыщик. – Я думаю, Дуся и без «коньячку плеснуть» отлично справится.

Евдокия смущенно поправила бретельку лифчика, запылила щеками и подумала: а не признаться ли, пока не поздно?!

В последний раз Евдокия Землероева развешивала оплелухи в подготовительной группе детского садика. И то за дело. Забияка и шкода Толя Мухин стащил из шкафчика Дуси леденец на палочке, за что был бит со всем старанием и воплями.

В школе Дусе драться было не с кем, класс состоял из обласканных отпрысков приличных родителей. В дворовых войнах воспитанная домашняя девочка Евдокия Землероева не участвовала. С противными драчливыми девчонками не дружила. Один раз треснула соседа Тяпкина портфелем, но это не считается. Тяпкин шлепка даже не заметил, поскольку большей частью портфеля Дуся промахнулась.

Не промахнуться бы и нынче. Положа руку на сердце, Дуся даже вообразить не могла, как накинется с кулаками на незнакомую взрослую женщину!!

В парикмахерской... Даже в салоне... На глазах опешивших людей...

Вчера, эмоционально подхлестнутая идеей, она храбрилась. Воображала себя праведной мстительницей и немножко Матой Хари. Когда пришла пора выдвигаться к месту событий...

– А я так думаю, что Дусю надо напоить.

– Пьяная, она все дело завалит. Неадекватно опасность

рассчитает.

Мужчины снова спорили, как будто Дуси в комнате и не было. Но на этот раз справедливость была на стороне сильного пола, и обсуждаемая персона не вмешивалась – Землероеву уже заколотило так, что стукались колени.

Не собираясь больше спорить, Илья принес из гостиной вчерашнюю, едва отпитую бутылку с коньяком, сунул ее в руки Паршина и сказал:

– Перед тем как вести Евдокию в салон, плеснешь на два пальца. Кира, одолжи, пожалуйста, пластмассовый стаканчик...

– Не надо, – сумрачно встрял сыщик. При его «наблюдательной» работе вся «Лада» мусором из закусочных засыпана, и чистая посуда всегда найдется. – Возьму в своей машине.

Прежде чем приступить к дальнейшему повествованию, ненадолго остановимся на некоторых особенностях натуры Дуси Землероевой.

С самого нежного детства она любила представляться. Если в садике разучивали стишок, Дуся обязательно повторяла его дома перед родителями. На табуретку не вставала – только лишнюю заколку-бантик для пущей важности цепляла и очень артистично проговаривала четверостишия про Деда Мороза, серенького зайчика, дождик, качающегося бычка...

И, сразу скажем, дома все звучало-получалось замеча-

тельно. Дуся изображала бычка, едва не падающего с доски, прыгала перед родителями сереньким зайчиком, несчастная, замерзающая в темном лесу елочка, вызывала у слушателей острейший приступ жалости и последующий взрыв ликующего торжества, когда ее рубили под корешок и... «теперь она, нарядная, на праздник к нам пришла и много-много радости детишками принесла».

Дома перед родителями Дуся представлялась на славу. На детских утренниках – не дай бог на коленях у Деда Мороза! – замыкалась и, едва шевеля губами, бормотала стишата про снежинок и Снегурок.

Конфетку за стишок Дедушка Мороз, пожалуй, жертвовал. В счет фонда помощи убогим деткам.

Родители одобряюще похлопывали по спине удрученную выступлением дочь и питали надежду, что когда-нибудь талант раскроется и себя покажет. Страх толпы и сцены со временем проходит.

Ничуть. Как многие любящие родители, мама и папа искренне заблуждались. Рассказывать разученные к школе стихи Евдокия не стеснялась только перед ними и еще подругой Синицыной. Ежевечерне проверяя домашнее задание, мама Тася порой поражалась, наблюдая, как пылают щеки дочери, как горят глаза, когда та читает «Бородино», горделиво и одновременно горько бросает: «Да, были люди в наше время...» Мурашки по спине бежали!

– В артистки Дусе надо, – соглашалась лучшая подруга

Синицына. – Только раскрепоститься – и всех порвет!

«Раскрепоститься и порвать» так и осталось мечтой. Вчера в магазине, представляя себя героиней голливудской мелодрамы – в шоке от ценников на тряпках! – Евдокия практически забыла страх и, выбегая к Зубову в беспамятстве, то ножку подгибала, то попкой обворожительно крутила, то глазки строила... Сверкающий зеркальный антураж казался светом рампы, отовсюду неслись заинтересованно-одобряющие взгляды прочих покупателей: «Браво, Дуся! Молодец!»

Сегодня, пару раз заехав тушью в глаз, Землероева вернулась в нормальное состояние перепуганной амебы.

На негнущихся ногах вышла во двор, увидела сверкающий лаком представительский БМВ и трусливо замерла у передней дверцы.

– Назад садись, – шипя, подтолкнул Зубов и, подкинув вверх ключи от иномарки, бросил их Паршину.

А сам пошел к машине сыщика, на которой собирался заехать возле дома отца вместе со специалистом по установке прослушки Антоном.

Казалось бы, все предусмотрено и обговорено. Вчера, битый час инструктируя Дусю и Паршина, Зубов мозоль на языке заработал. «Дверь сама не открывай, – поучал воришку-соучастницу, – жди, пока Олег во всю ширь не распахнет, и в щелку не просачивайся, поскольку не по чину. И не вздумай поблагодарить! Он – наемник, ты – хозяин!.. В са-

лоне много не болтай. Делай кислую морду и листай журналы. Кофе сами принесут, ты только пальчиком привередливо странички перелистывай, прическу выбирай... Можешь буркнуть «мерси»...»

– А если Берта придет с охранником и долго будет укладку делать? Мне что – все это время журнальчики листать?

– Листай. Ты выбираешь. Никто тебя не выгонит, если правильно прикинешься. Главное, морду покислее строй, мол, все говно, ты одна в порядке. Поняла?

Сидя на заднем диване БМВ, Дуся думала, что если состроит морду еще кислее, ее, не исключено, вырвет прямо на брючки цвета баклажан. Страх сжал желудок в сморщенную сливу, глаза испуганно ловили в узком зеркальце взгляд хмурого Паршина.

– Расслабься, – то ли попросил, то ли приказал Олег. – Иначе в таком состоянии я тебя в салон не пушу.

Дуся истоиво мотнула головой, челка зацепилась за покрашенные ресницы – захотелось всхлипнуть и чихнуть.

– Олег... дай, пожалуйста, коньячку...

Паршин посмотрел на сиденье рядом с собой, куда положил бутылку, и тихо выругался:

– Черт. Стаканчик позабыл. Сейчас...

Перегнувшись, он протянул руку к бардачку наемной машины...

Но Дуся уже цапнула коньяк, уже отколупнула пробку и потащила горлышко к губам.

Пожалуй, если бы перед тем, как посадить маленькую Дусю на колени к Деду Морозу, родители накапали ей в компот кагора, сейчас бы их дочь училась в Щепке или ВГИКе.

Совет – панический страх нужно переступить единожды, не так уж плох. Как правило, работает. Неопытный робкий девственник, разочек отведав плода, начинает считать себя завзятым бонвиваном и, не исключено, со временем таки превращается в приличного повесу-бабника. Ребенок, до смерти боявшийся воды, падает с мостков, побарахтавшись, выбирается на берег и через пяток лет переплывает Волгу в районе Ярославля.

Разомлевшая на презентабельном диване БМВ Землероева благодушно рассматривала в окно Москву. Из окна автомобиля представительского класса столицы выглядела несколько иначе. Кондиционер позволял мириться с пробками, негромкая музыка вкрадчиво ласкала уши, из узенького зеркала заинтересованно сверкают мужские глаза... Чем не жизнь!

Ах да.

– Олег, как Илья за эту машину расплачивался? Своей кредиткой?

Интонация последнего, уточняющего вопроса показала Паршину, что Дуся справилась с нервами. Если начала за дело беспокоиться и мозгой ворочать, значит, все в порядке.

– Нет, – ухмыльнулся и подмигнул он в зеркальце слегка

нетрезвой, но в целом адекватной пассажирке. – Наличку в банкомате на проспекте снял. Машину нанял какой-то приятель, живущий неподалеку от Киры. Дуремар, кажется... Он позже заберет бэху, где мы ее оставим.

– А-а-а... Молодцы.

– А ты как?

– Я? Отлично. – И потянулась к бутылке.

– Стоп, Дуся, хватит, – отеческим тоном произнес сыщик и сделал строгие глаза. – Опынение мешает нормально оценить обстановку. – Дождался, пока Евдокия послушно кивнет, и добавил: – Если в салоне почувствуешь, что вновь заколотило, можешь эдак пальчиком капризно на чашечку кофе просигнализировать – сами в кофе добавляют. Поняла?

– Угу. А они не удивятся? Время десять утра...

– Не удивятся. Ты ж не кокаин у них попросить собираешься?

«Что я знаю о порядках внутри Садового кольца», – невольно загрустила Евдокия, уютно свернувшись в калачик на кожаном сиденье и до самого крыльца салона мечтала о красивой жизни. Лежащая в шикарной новой сумочке дисконтная карта – подарок изумленного дракой директора бутика – таким мечтаниям очень поспособствовала. На ум почему-то пришел фрагмент из фильма Говорухина, где Володя Шарапов требует у бандитов примерно следующее: «Сберкнижку – мне! Мне. Она мне сердце согреет, когда под милицейские пули вместе с вами пойду...»

Дисконтная карта грела и сердце, и душу... «Синицына от радости сдохнет! Если не посадят, наведаемся за скидками вместе, если загребут – подарю подруге на долгую вечную память...»

Как будто нарочно подгадав момент, на крыльцо салона понаблюдать, как к парикмахерской на нанятой мачехой-Паршиным тыкве-БМВ подъезжает Золушка-Дуся, вышел симпатичный бугай охранник.

Автомобиль плавно подрулил к тротуару, Дуся машинально потянулась к ручке дверце, но отдернула пальцы, словно ошпарилась. «Двери сама не открывай!» – вчера талдычил Зубов. Евдокия дождалась пока сыщик обежит машину, распахнет дверцу во всю ширь и предупредительно предложит руку.

Дверь в салон распахивал уже работник заведения.

Евдокия, покачивая бедрами, вошла на крыльцо. Паршин забежал вперед в предбанник парикмахерской, посветился и изобразил ищейку, углы обнюхивающую. Дуся, широко расставив ноги и пристроив одну руку на поясе брючек, остановилась по центру снабженного мягкой мебелью предбанника, напротив улыбающейся за стойкой девушкой-администратором. О том, что лошеную блондинку зовут Виктория, сообщила лаковая табличка, пришпиленная к высокой груди.

Перед поворотом к салону Олег дал Землероевой мятную

жвачку.

– Зажуй, – сказал, – коньяком за километр разит.

И вот, расставив ноги, будто эсэсовец на вахте, равномерно перемалывая комок жевательной резинки и слегка покачивая пятой точкой, Евдокия рассматривала обстановку предбанника и блондинку, словно собиралась все купить.

Совершенно интуитивно – под некоторым влиянием коньячных паров – Дуся выбрала верную манеру поведения. Бросив взгляд на расслабленно жующую посетительницу, администратор Вика автоматически произвела оценку: богатенькая дочка. Стервочка. Тусила всю ночь. Перебрала энергетиков, не смогла уснуть, решила, коли уж такое дело, наведаться в салон.

– Добрый день, – прочирикала Виктория.

– Хай, – чавкнула Дуся. – Я тут решила у вас прическу к свадьбе сделать... В октябре прощаюсь с этой... как ее... с холостой жизнью.

Виктория молча выслушала монолог потенциальной клиентки, немного приподняла вверх правую бровь (искусно получилось – обалдеть!) и, ничего не отвечая, не бросаясь «богатенькой дочке» навстречу, осталась стоять за стойкой.

«Так. Что-то я забыла», – подумала Землероева.

Ах, да! Рекомендации!

– Мне ваш салон подружки посоветовали, – растягивая слова, не забывая жевать, гундосо провещала Дуся и мысленно, который раз прощая Зубову грехи, назвала две гром-

кие медийные фамилии. Вчера Илья припомнил, кто, по словам мачехи, навещает салон Вавилова, и категорически рекомендовал Дусе сослаться на девушек, по его сведениям в данный момент Москве отсутствующим. (Нарваться на одну из этих «подружек» Дусе не хотелось совершенно!)

И правильно советовал. Наряженного женихом охранника и тыквы-БМВ Виктории оказалось недостаточно для пропуска по фейсконтролю. Услышав ссылку на знакомых, администраторша разулыбалась исключительно сердечно и, выйдя из-за стойки, радушно повела рукой.

– Прошу. Проходите. Вы уже знаете, какую прическу собираетесь делать? Вам рекомендовали конкретного мастера?

– Не-а, – мотнула челкой Дуся. – Хочу поглядеть, попробовать...

– Сегодня? – изогнула бровь Виктория.

– Можно и сегодня.

– На сегодня все расписано, – не слишком огорчилась Вика. – Вам нужно было записаться...

– Я как бы только пристрелюсь, – перебила Евдокия, плюхнулась на кожаный диван и протянула руку к стопке парикмахерских журналов. – А может и не пристрелюсь... Может, решу, как мамины подружки посоветовали, стилиста на дом вызвать... В журналах есть фотки свадебных причесок?..

– Конечно. Советую обратить внимание сюда...

Плавно изогнувшись корпусом, Виктория разложила пе-

ред Дусей несколько глянцевого издания, поворошила странички.

– Чай, кофе, фреш? – спросила между делом.

– Кофейку, пожалуй, – зевнула Дуся. – И это... как бы... руки помыть – где?

– Пойдемте, – понятиливо и ласково улыбнулась Вика и проводила богатенькую дочку к дверце, на которую в принципе могла б и пальцем ткнуть.

Евдокия пошумела водой в удобствах, погляделась в зеркало над умывальником и, найдя лицо достаточно нахальным, уверенно прошагала из уборной напрямик в зал, где работали мастера.

Вавилова, по описаниям Ильи, узнала сразу – худосочный вертлявый тип с банданой на плешивой голове. У кресел с «пациентками», расположенным вдоль длинной стены трудились: худенький растрепанный паренек в художественно разодранных джинсах и сосредоточенная женщина за тридцать. Валентин Вавилов – у противоположного зеркала – навинчивал на бигуди пергидрольные волосики властной тетке с зеленой маской на лице. Обильная жирная жижа цвета спелой фисташки ничуть не скрывала надменные черты последней.

В центре большого зала на хай-тековских креслицах отдыхали еще две тетки – одна измазанная тем же зеленым составом, другая отличилась розовеньким колером, – журнальчики пролистывали. Евдокия мельком произвела рекогнос-

цировку, отметила, что рабочее место Валика Вавилова отлично видно из предбанника, если в кресло пересесть, и вернулась обратно.

Виктория уже поставила на столик кофе, Евдокия взяла чашку в руки, покрутилась на месте и, совершенно не стесняясь предстоящего любопытства, переместила себя и журналы к креслу возле стойки администратора.

Попивая кофе, не сколько фотографии невест разглядывала, сколько за Вавиловым приглядывала – время подбиралось к назначенному для Берты часу. И пока все шло нормально. Виктория старалась не мешать чумной жующей дочке богатеев, только взглядом из-под ресниц иногда посверкивала в сторону Дуси. Манерный стилист Вавилов колдовал на волосами тучной чиновницы. В предбаннике, кроме скучающего охранника, ни одного другого, достойного опасения мужика не наблюдалось.

Дуся сосредоточенно пила кофе, мысленно готовилась дать Берте в глаз, но и на невест не забывала глянуть.

У Вики, кажется, сложилось мнение, что детка в кресле вот-вот заснет. Но вмешиваться в тягучий мыслительный процесс потенциальной, не сумевшей уснуть вовремя и дома клиентки не вмешивалась.

Ровно в десять дверь салона распахнулась. Не думая о том, что Берта навряд ли запомнила девчонку, шастающую к соседу, Евдокия испуганно наклонила лицо над журналом,

накрылась челкой и поняла: ударить эту холеную высокомерную тетеньку она не сможет никогда! Не сможет ни за деньги, ни задаром, ни напившись, ни ради высшей мстительной идеи!

Поджилки затряслись у Евдокии. В груди тихонько пискнула и оборвалась заячья душонка.

Берта стремительно процокала на высоченных каблуках мимо моментально присмирившей мстительницы, слегка кивнула Вике и завернула за выступ стены основного зала. Как и предсказывал Илья, шофер-охранник остался дожидаться хозяйку в машине.

«О боже! – мысленно простонала Землероева. – Трусиха, трусиха, бояка-задавака!! Чего наобещала, бестолочь?! Ты ж даже по щеке легонечко не смажешь!!»

Берта тем временем всю общалась с мастерами:

– Ох, Валик, совсем закрутилась, прости, прости!

– Хорошо хоть, что вчера предупредила, – извиняя клиентке, видимо, вчерашнее отсутствие, проворковал гламурный Валик. Властную тетку он уже отправил под фен, смуглая уборщица успела пол прибрать... – Садись, дорогая. – Взмахнул, расправляя, широкое покрывало, накрыл им фигуру севшей Берты, завязал тесемки и через секунду взвизгнул: – Берта!! Дорогуша!!! Что с волосами?!!

На выкрик среагировала даже невозмутимая, как столб, Виктория – вышла из-за стойки поинтересоваться, не облысела ли супруга месье Зубова?

Евдокия не менее заинтересованно вытянула шею, Вавилов тем временем ругал клиентку:

– Тебя не было два дня! А что с волосами?!

– Нервы, Валик, нервы, – грустно отчиталась мадам Зубова.

– Какие нервы?! – Вавилов немного отошел от Берты, встал лицом к залу и толкнул краткую, но пламенную речь: – Девочки. Миллион раз всем вам говорил: нервотрепка – главный враг красоты! – По-правде говоря, на «девочек» в салоне тянули только Дуся и Виктория, но все намазанные тетki согласно закивали тюрбанами на головах. – Забейте! На все – забейте! Если не хотите превратится в сухофрукты. В урюк, в изюм, в старых сморщенных гримз! – Обвел глазами дружно кивающее общество и вернулся к Берте: – Так, дорогуша. Никаких «мне некогда». Сейчас наносишь на волосы бальзам, ты идешь мыть лицо, получаешь на него восстанавливающий комплекс и сидишь двадцать минут, как паинька. Понятно?

Берта вздохнула, демонстративно поглядела на часы и покорно наклонила голову назад, на подставленную раковину.

Евдокия в сей же миг стремительно вскочила на трясущиеся ноги, вибрируя голосом, буркнула Виктории: «Я, кажется, мобилу в машине оставила» – и выскочила на крыльцо, едва не уронив с него подошедшего на предмет возможной подмоги Паршина.

– Прости, – пропищала привычно.

Олег, к счастью, не свалился со ступенек. Решил, что Евдокия Берту уже «оформила», стремительно рванул к машине, запрыгнул на водительское место, и двигатель «тыквы» тут же заурчал...

Но Дуся, совершенно не собираясь усаживаться внутрь, только распахнула заднюю дверь, цапнула за горлышко бутылку с сиденья и, неудобно изгибаясь, торча задом из машины, протолкнула в горло три-четыре глотка коньяка, даже не закашлявшись. Обтерла ладонью подбородок, кивнула Паршину:

– Я счас. Я мигом. Все сделаю, – и понеслась назад.

Олег задумчиво поглядел на Дусю. Перевел взгляд на остановившийся неподалеку автомобиль Зубовых и, не выключая двигатель, вышел из БМВ.

Что там мигом собиралась сделать подвыпившая Землероева, теперь одному Богу известно. Перенервничала девочка. Завалится. Пора немного устранить охрану.

Олег степенно и неторопливо поднялся на крыльцо. Приоткрыл тонированную стеклянную дверь – скучающий охранник сидел в небольшом креслице у коврика и, сцепив руки на животе, зевал в потолок. Водителя молоденькой девочки он уже видел, проблем тот вроде бы не представлял.

– Эй, приятель, – негромко обратился Паршин. – У вас тут это... водички можно попросить?

– Водичка в магазине, – равнодушно отозвался парень.

– Да ладно тебе, вон кулер за стойкой стоит.

Охранник сделал вид, что все сказал, Паршин изобразил, будто ничего не понял, и в холл салона просочился...

Непосредственно в салоне тем временем происходило вот что.

На отмытые волосы Берты Вавилов плавно и массирующе наносил бальзам. Мадам Зубова, закрыв глазки, релаксировала.

Под аркой у входа в зал нервно курсировала Землероева. Викторию, на ее счастье, попросили заняться каким-то волшебным чаем для Берты, Евдокия шевелила губами и припоминала схватку с Васькой в магазине.

Так. «Ах ты, дрянь... Чужих мужиков уводишь... Получай... Ах ты дрянь, чужих мужиков уводишь, получай...» Услышала за спиной тихий разговор, обернулась и, увидев входящего Паршина – тот еще и незаметно подмигнул, – внезапно ощутила, как опускается спокойствие. (Хотя, скорее всего, признаем честно, это выпитый коньяк в желудок полновесно опустился.)

Евдокия еще раз мысленно повторила грозный рефрен: «Дрянь. Чужих мужиков уводишь, за это получай», – и, пока охранник отвлекался на Олега, спокойненько взяла со столика массивную пепельницу, выполненную из стекла в виде листа каллы. Засунула ее в сумочку и, помня, как летали по магазину пудреницы и презервативы Васьки, застегнула змейку.

Берта наконец-то встала. Наклонившись, погляделась в огромное зеркало, пересчитала под глазами морщинки, но, видно, не решившись спорить со специалистом по красоте, направилась к тумбе с умывальником, уставленной всяческими пенками и скрабами.

Евдокия шла наперерез. Умудренная опытом недавней схватки, на ходу перехватывала сумочку пращей.

Природные артистические способности внезапно вызвали в воспоминаниях фразу из любимого кинофильма «Любовь и голуби»:

– Ах ты, сучка крашенная!! – полилось из Дуси с нужными интонациями, а далее экспромтом: – С чужим мужиком якшаешься!! Уводишь?!! Получай!!!

Утяжеленная пепельницей сумка очертила хлесткий полукруг и метко врезалась в скулу опешившей Берты.

Намазанные тетки завизжали. Гламурный стилист Вавилов присел за креслом и выругался матом. Из холла, где охранник получил под дых, донесся хрюкающий звук.

От нешуточного удара Берта все же устояла. Окрыленная успехом драчунья Дуся подлетела ближе и, бешено глядя в глаза зубовской мачехи, прошипела:

– Еще раз с ним увижу, ва-а-аще убью, зараза!!

На верхней части скулы Берты, почти под глазом, разливался предварительным алым росчерком будущий фингал. Евдокия грозно фыркнула, но сочла физическую мстю достаточной.

Резко повернувшись к выходу, Дуся выскочила в холл, перепрыгнула безмятежно валяющегося на коврике охранника – совершенно обалдевшая Виктория практически на кулер уселась и ножку подогнула – и через придерживаемую сыщиком дверь выскочила на крыльцо.

– Все, погнали!!

Через двадцать минут все еще разошедшаяся Дуся и суровый Паршин со сдвинутыми к переносице бровями сидели на заднем сиденье «Лады» сыщика. Олег держал на изготовку фотоаппарат с толщенным «дулом», устроившийся впереди Илья разложил на коленях ноутбук сыщика, настроенный на прием – специалиста по прослушке Антошу благоразумно отправили восвояси, – компания сообщников поджидала появление Берты в «озвученной» квартире.

Пережившая повторное боевое крещение Землероева нетерпеливо ерзала, ей до ужаса хотелось еще раз повторить рассказ о славной битве, разыгравшейся в салоне. Еще раз пережить волнующий момент. Но приходилось признавать, рассказ, донесенный до слушателей в определенной дворовой манере «а тут она! а я ей – на, на, на! а она чуть на пол не грохнулась!», звучал немного приукрашенно. Никакой особенной драки не было – разочек по скуле сумочкой заехать, какая полноценная потасовка? – и потому, смиряя разыгравшийся темперамент, Дуся тихонько ерзала и вновь переживала потасовку только в мыслях.

Машина стояла в самом укромном уголке двора, Олег надеялся при помощи профессиональной фототехники зафиксировать прибытие любовников и присовокупить снимки к прочим доказательствам.

Примерно через сорок минут приехала машина с Бертой.

Разъяренной львицей женщина выпрыгнула из автомобиля, не дожидаясь помощи шофера. Через минуту из динамика ноутбука раздался гневный рык побитой изменщицы: «Галя!! Неси мне лед из морозилки!!»

Последовавшую за воплем суету мы опускаем. Применяя не одобренные цензурой выражения, Берта рассказывала о нападении в салоне «какой-то полоумной суки», жаловалась на синяк гарпии; гарпия носилась с примочками и льдом, и в выражениях также не стеснялась.

– Почему она не звонит любовникам и никого к себе вызывает? – тихонько, сдерживая волнение, спросила, обруганная на чем свет стоит Землероева.

– Может быть, из салона позвонила? Или из машины? – предположил Олег. Думать о том, что так лихо начатая операция отчего-то провалилась, не хотелось никому. – Подождем немного.

– Неужто она стерпит эдакое и не станет разбираться?! – огорчалась Дуся. – Я б на ее месте...

Из ноутбука раздалась мелодичная трель звонка домофона.

– Дьявол! – предсказуемо огорчился Паршин. Засесть с

фотоаппаратом на другой стороне дома, в сквере, было категорически негде, и друзья решили не рисковать – остались наблюдать во дворе, надеясь на удачу.

«Открой! – рявкнула Берта. Негромкие шлепки тапочек показали, что Галя бросилась кого-то встречать, тихо хлопнула входная дверь... – Вот, полюбуйся! – прорычала мачеха Ильи. – Доволен?!»

«Чем?» – отозвался голос явно опешившего Макса.

«Как это чем? – ярилась мачеха. – Твоя девица на меня напала!»

«Моя-а-а?!?!»

«А чья еще?! Она напала с криком «Не будешь с чужим мужиком якшаться!»»

«Тихо, тихо, Берта... Какая девица, я ничего не понимаю!...»

Рассказ Берты, пожалуй, цензура тоже исключит из текста. Пораженный Зубов, заметно пылая ушами, недоуменно крутил головой: куда девалась приличная воспитанная дамочка, неужели эти словеса из лексикона Берты?

Добиваясь от любовника правды, мадам не подбирала выражений. Досада изливалась на юриста камнеподобными водопадом, кажется, Максу даже по щеке досталось...

«Перестань!! – не выдержал наконец любовник. – Прекрати истерику! Эта девица не моя!!»

«А чья?!»

«А с каким козлом ты по ресторанам шлялась?! Со мной

ты нигде не светилась! Это с ним тебя сфотографировали! Сама подумай!»

«У него никого нет...» – немного сбавила обороты мачеха.

«А у меня?! Что – есть?!»

«Не знаю...»

Слушая диалог любовников, Евдокия предположила, что к юристу у Берты чувства. Поскольку, если бы не так, то женщина наверняка поделила бы негодование на равные пропорции и не стала так рьяно нападать на одного из подозреваемых в измене. Быстренько включила б голову и рассмотрела ситуацию логически: Максим приводил достойные аргументы.

Но Берта перестала истерить только минут через десять.

«Ну все, ну все, успокойся... Хватит. Дай поцелую синячок... Бо-бо? Сильно бо-бо?..»

Тихие всхлипы, сладенькие словечки, прочие сюсюканья...

Илья едва заставил себя слушать. Собрался даже из машины выйти, но услышал свое имя.

«А если это все Илья подстроил?» – раздался голос мачехи.

«Что он мог подстроить? Драку в парикмахерской?»

«Ну типа – да».

«А зачем это ему?»

«Ну-у-у... я не знаю».

«У него других проблем хватает. Он от ментов бегаёт. – И усмехнулся. – Знаешь, как от меня чесал?.. Только пятки сверкали».

«А-а-а... в милицию он ней пойдёт?»

«Пускай идёт, – весомо произнес юрист. – Так даже лучше. Надоело за ним гоняться».

«А если он Петровичу позвонит?»

«Петрович где-то под Астраханью рыбу удит, он до него не доберётся, а с остальными разберёмся. Зашлём. Проблем не будет, Илюша в убийстве хорошо замазался».

«Твои б слова да Богу в уши... У щенка ведь и других приятелей хватает».

«Мы тоже не лыком шиты и наше лыко крепче».

«Шутишь, да?... Лучше бы это был ты...» – раздались на вздохе странные слова мачехи.

«В смысле?»

«Лучше б это была твоя девка».

«Почему? Почему, глупенькая?..»

Судя по звукам, Зубова встала, прошлась, до слушателей в сыщицкой машине донеслись тихие стеклянные позвякивания и плеск – Берта наливала что-то в стаканы.

«Потому что если это девица Мирона, то это он играет не честно, и все может быть...»

«И что? Ты нужна ему больше, чем он тебе», – напоминающе проговорил Максим.

«А если... он меня уберёт?..»

«Не успеет! – резко перебил любовник. – Как только ты получишь документы, я с ним разделаюсь!»

«А если нет? Что, если нет? – Берта сделала паузу, видимо, отпила чего-то из стакана. – У него есть молодая телка, которую он от меня скрывает... Что, если он меня использует, а после...»

«Не успеет! Я обещаю тебе, что он не успеет!»

Берта шумно вздохнула.

«Теперь я даже боюсь ему звонить... Если он решит, что я ему больше не доверяю...»

«Успокойся! Звонить все равно придется. Как ты объяснишь синяк на лице?»

«О дверь ударилась».

«Глупышка. Во времена Интернета не осталось тайн. К вечеру вся Москва будет знать, что тебя побил в салоне какая-то девица за шашни с ее мужиком. Как ты потом ему объяснишь, что не стала звонить? Скажешь, – усмехнулся Макс, – что вначале с другим любовником разбиралась?»

«Ты прав! Нужно звонить немедленно!»

«Лучше встретиться. Поплачь, порыдай. Пусть едет сюда».

«После этих фотографий он стал чертовски осторожен. Мы общаемся только по скайпу. И то через какие-то левые номера...»

«Звони по скайпу».

Через минуту Берта приказала Максиму отойти немного в

сторону, подальше от объектива, и виртуальный разговор с другим любовником, повторился практически в точности.

«Меня избилa какая-то девка! С кем ты путаешься, негодяй?!.. Почему я получаю синяки?!...»

«Что ты, Берта, я ни сном ни духом...»

«А откуда тогда эта шалава взялась?!»

«Ну точно – не от меня».

«Я тебе не верю!!»

«А придется».

Результат разговора Берты и господина бывшего бандита сильно расстроил и напугал любовников. Мирон был так тверд и убедителен, что Берта, закончив беседу, минут двадцать лепетала: «Боже, боже, я пропала... Теперь он точно будет думать, что у меня есть еще один любовник и я играю не по правилам... Зачем я позвонила?!»

Максим отпаивал подругу коньяком, Галя притащила успокоительные капли...

...Примерно в полдень всхлипы Берты затихли, и домработница ворчливо посоветовала хозяйскому аманту: «Иди отсюда. Пусть отдохнет. Телефон я отключу, когда выспится, сама с тобою свяжется».

Услышав это, Паршин выскочил из «Лады», обогнул дом и успел сфотографировать выходящего из парадной двери печально задумчивого юриста.

– Порядок, – вернувшись в машину на водительское сиденье, сказал пассажирам и завел мотор. – Поедем. Берта про-

спит до вечера, больше нам здесь нюхать нечего. Если снова какие-то разговоры будут, к нам через модем поступят, Антон настроил.

– Черт! – негромко выругался Зубов. – Они ни слова ни сказали об отце!

– Других проблем хватало, – выкручивая руль, отозвался сыщик, – жаль, но ничего не получилось.

И вывел жигули вон со двора.

* * *

Едва машина выехала на проспект, Илья стал вновь прокручивать запись разговоров мачехи, искать хоть какие-то крупинцы информации, выуживать междометия и недомолвки, способные убедить прокуратуру в том, что его отец в опасности. Олег, умело избегая пробок, петлял переулками и вел машину из центра к окраине, голоса Берты и любовников заполнили салон.

Когда «Лада» замерла на светофоре, Илья потеревбил хмурого сыщика за плечо.

– Олег, послушай. Не все так плохо. Теперь у нас есть доказательства, что Берта изменяет отцу. Они даже про твои фотки разговаривали!

– И что? – невозмутимо отозвался сыщик. – Эти фотки играли, пока Лев Ефремович не объявился в Питере.

– Но его ж там не нашли!!

– Не имеет значения. Берта скажет – плохо искали. А фотки... Да, – согласится, – были. Мы поссорились из-за них с

мужем, он сгоряча уехал в Питер... Обратного не доказать.

– Но надо что-то делать!!

– В Астрахань хорошо б смотаться, – пожалуй, пошутил Олег, и Зубов, гневно фыркнув, откинулся на спинку сиденья и закинул руки за голову.

– Надо что-то делать, надо что-то делать...

– Давай немного подождем. Может быть, Берта позже, когда проснется, станет с кем-то обсуждать ситуацию с мужем?

– А если нет?!!

Бывший мент, не один день и даже месяц проводший в бестолковых засадах и бесполезных ожиданиях подозреваемых и свидетелей, спавший по очереди в машинах, замерзающий в поливаемых дождями кустах, раздраженно повернулся к нетерпеливому мажору.

– Илюша, не звени ведром, а! Мы сделали главное – засадили Берту дома! Если будет играть в молчанку – спровоцируем на разговор!

– Как?!

– Да ты ей позвонишь!! Наговоришь всего подряд, заставишь балаболить! Какие проблемы?! – Не на шутку разгорячившийся Паршин круто заложил вираж, вписываясь в узкую промоину между домами, отчего Дуся и Илья легонько головами треснулись. – Не лезь под руку, – немного утихомирившись, буркнул сыщик.

– Так давай сейчас же позвоним! – не унимался Зубов. – Чего тянуть?!

– Твоя Галя телефон отключила! А разговор, даже полную пургу, надо подготовить!

Илья надулся. Но, видимо, признавая правоту опытного сыскаря, громко пыхтеть не отважился. Сопел тихонечко рядом с Дусей и иногда лягался локтем.

Прежде чем въезжать во двор Киры, Паршин, никого не спрашивая, остановил машину возле ларька с курами-гриль, выскочил и вернулся за руль уже с большим пакетом: непосредственно парой куриц, лавашами и соусами.

Олег никак не мог понять отношений Зубова и хозяйки приютившей их квартиры. Иногда Олегу казалось, будто Илья чувствует нечто сродни изощренной мстительности, когда разговаривает с женщиной – стиснув зубы, испытывает ее терпение. Кира почему-то принимает все безропотно, как должное.

Но это их проблемы. Нахлебником, халявщиком Паршин не был никогда, и заставлять беременную женщину готовить на ораву из трех голодных ртов он не собирался. А уютная квартирка, о которой, по словам Ильи, никто не знал, в качестве убежища для двух великолепных неудачников его вполне устраивала. Менять так хорошо устроенную диспозицию и лишние телодвижения устраивать в их положении опасно. А по большому счету – рано.

Расправившись с половиной курицы и облизав пальцы,

Паршин вышел из-за кухонного стола, быстро сполоснул руки и, прежде чем уйти в гостиную, сказал уныло чавкающему Зубову:

– Подумай, о каких документах могли разговаривать Максим и Берта? Подумай. Это важно. – И, не дожидаясь ответа, пошел в гостиную, где почти привычно встал перед окном и замер, глядя на рыкающие автомобильные стаи, несущиеся по проспекту.

На журнальном столике, голубовато светя монитором, лежал включенный на прием ноутбук Олега.

– Я думаю, эти документы имеют отношение к будущему, – услышал голос Зубова. – И скорее всего, они касаются уже Мирона и Берты.

– Согласен, – оборачиваясь, кивнул Олег.

Дуся и Илюша, как примерные послушные школяры, чинно расположились на диване. Паршин сел напротив в кресло.

– Илья, как оформлено завещание твоего отца?

– Я сам об этом думал. – Мажор мрачно наклонился вперед и лишь потом ответил на конкретно поставленный вопрос: – Я получаю почти все, Берте достаются крохи. Я завещания не оставлял.

– Почему?

– Подумываю оставить все на благотворительность, – неожиданно услышали Олег и Дуся. – Со стороны матери у нас нет родственников, родню отца я презираю.

Слушатели выразили недоумение задранными вверх бро-

вьями. Илья поморщился и развернул ответ:

– Бабушка родила папу без мужа. Дяди-тети ее осуждали, знать не хотели. А как только башлями повеяло – мигом нарисовались. Уроды, блин.

– Понятно, – сочувственно кивнул сыщик, крикнул, но тему не оставил. – Как я вижу, ты понимаешь интерес Мирона?

Илья насмешливо фыркнул, показывая, насколько проникся этим интересом. Евдокия подняла вверх вытянутую ладошку поставленной на локоть руки.

– А я не очень понимаю. О чем вы говорите?

Мужчины переглянулись. Илья пожал плечами: мол, если хочешь, Олежа, просвети девочку. И Паршин, задумчиво подвигав губами, проговорил:

– Понимаешь ли, Дуся... Александр Сергеевич Миронов человек богатый. Но – не праведно. Для того чтобы легализовать состояние, есть много способов, в основном это довольно хитрые и небезопасные финансовые операции, при проведении которых теряется часть денег... Но тут, пожалуй, не в этом дело. Точнее – не только в отмывке капиталов. Деньги как таковые, Дуся, открывают не все двери, не делают бывшего громилу уважаемым человеком. Есть другой способ. Безопасный и весьма приятный – женитьба на обеспеченной и вхожей женщине. Вдове. Тут, как говорил товарищ Жеглов, у Мирона любовь с интересом. Берта не зря запаниковала, когда узнала, что в салоне ее побил не девочка Макса.

– Она решила, что любовник-сообщник всего лишь использует ее банковские счета... отмоет деньги... – медленно, проникая во всю глубину неприятельского замысла, проговорила Дуся, – а после выбросит как использованную тряпку.

– В точку, – мрачно кивнул Олег. – Берта просто с ума сошла от страха. Она там, понимаешь ли, хитрые комбинации готовит, другого любовника подговаривает, а тут – нате вам! Драчливая девочка-собственница нарисовалась. Берта сейчас на таком нервяке, Дуся, что ее только легонько телефонным звонком подтолкни – вмиг отношения открытым текстом выяснять начнет! Все по полочкам Мирону разложит, все опасения выскажет. – И, закончив с объяснениями, обратился к Зубову: – Илья, может, тебе действительно оформить завешание и позвонить Берте?

– С ума сошел?! – вспыхнул наследник состояния. – Отца тут же грохнут!

Паршин подумал секундочку, скривился, как будто кислого отведал, и согласился:

– Не исключено. Как только ты шуметь начнешь...

– До Мирона дойдет, что план провалился, и он тут же уберет отца! Позвонить надо так, чтобы Берта не догадалась, что нам все известно.

– Правильно меркуешь, – снова поддержал мажора Паршин. – Звонок необходимо продумать досконально.

– А завешание я все-таки оформлю, – угрюмо набычившись, сообщил Илья. – Чтоб, в случае чего, этой суке ничего

не досталось. Отдам все фонду защиты дикой природы, например. Или вообще бомжам раздам.

– Ты чё, Зубов, ненормальный?! Какому фонду?! – неожиданно вспыхнула Дуся, гневно поглядела на Илью, но почему-то прикусила язычок и растерянно на дверь оглянулась.

Илья понял выкрик Дуси своеобразно и привычно для касты незрелых нуворишей. На замкадовую жадность все списал.

Усмехнулся, оглядел Дусю с ног до головы и хмыкнул:

– А ты хочешь, чтобы я все бабло тебе оставил?

– Дурак! – раскрасневшись маковым букетом, возмутилась Землероева. – Не суди по себе! Лучше голову включи! Ты...

Окончательно рассориться с мажором Дусе не позволил громкий голос Берты, донесшийся из динамиков ноутбука.

«Галя! – призвала изменщица верную гарпию. – Позвони шоферу, скажи, я за город поеду! Пусть подъезжает через полчаса, а ты собери мне все необходимое, я там некоторое время поживу...»

– Оп-паньки, – растерянно сказал Илья и обвел приятелей глазами. – За город собралась.

– Она что – уезжает?! – подскочил Олег.

Зубов высоко поднял плечи и оторопело развел руками.

– Ничего не понимаю... Она загородную фазенду терпеть не может! Там моя мама умерла... Отец только из-за кризиса этот дом не продает, выдерживает цену.

– Черт!! – засуетился и вскочил Олег. – Ее надо удержать!

Установить прослушку за городом – тот еще гемор, тут...

Не договорив, сыщик схватил тощую тетрадку в клеточку, где еще недавно рисовал «вагон метро», нацарапал карандашом несколько слов, подумав, зло их зачиркал.

– Думай, Илюша, думай! Что ты скажешь мачехе?!

– А я откуда знаю?! – запаниковал мажор

– Может быть, просто привет передашь?!

– И что?!

– Ну хоть какая-то движуха! Пусть связывается с Мирном, говорит, что ты объявился, – хоть что-то обсуждает!!

– «Привет, привет...», – задумчиво обсасывая слово, забубнил Илья. – И что дальше? «Привет, как дела, а папа все еще в Питере? Я тут с дядей Генной разговаривал...»

– Можно. Думай, что еще воткнуть. Успокойся – думай. У нас есть полчаса.

Напоминание о тридцатиминутной форе заставило Зубова вернуться на диван, сосредоточиться.

– Продумать надо каждое слово, – заговорил он жестко сам себе. – Если только Мирон забеспокоится, то обязательно уберет отца. Свидетеля и мстителя с серьезными подвязками в структурах Мирон не оставит в живых...

– Не нагнетай! – нервно попросил отставной капитан. – Я что, сам не понимаю? Думай, Илюша, думай!

Из ноутбука доносился негромкий голос Гали, отдающей приказание шоферу. Потом Берта указывала домработнице,

что необходимо сложить в сумки...

– Да я просто тупо типа позвоню, – предложил Илья. – Как думаешь – этого хватит?

– Мало, Илюша, мало! Нужно так разговор повернуть, чтобы она прямо сейчас начала про твоего отца Мирона спрашивать! Чтоб на конкретику свернула!

– Ага! Ты думаешь, она нам на микрофоны точный адрес, где отца держат, назовет?! – разошелся перенервничавший мажор.

Мужчины перебрасывались паническими фразами, напряжение возрастало...

Дуся съежилась в углу дивана, испуганно посверкивала глазками на спорщиков и благоразумно не встревала с репликами.

Минут через десять, набросав примерный план разговора, Илья перекрестился и взял в руки хитрый мобильный телефон Олега. Набрал номер квартиры отца... потом мобильный номер мачехи...

– А-а-а, черт!! – разгорячено отшвырнул трубу. – Эта дура Галька не включила телефоны!!

– А как же она с шофером разговаривала? – заудивлялся Паршин.

– По своему мобильнику!! Она постоянно шоферу названивает, когда тот Берту подвезет, где в пробках застрял! Черт, черт, черт!!!

Паника достигла апогея. Паршин теребил мажора и тре-

бывал от него найти номер разговорчивой с шоферами гарпии, Зубов вопил, что на фига он ему сдался?! Никогда у него номера этого не было и вряд ли будет!!

В общем – покричали. (Хорошо хоть Кира вышла на прогулку и этих воплей не услышала.)

Когда из ноутбука раздался прощальный хлопок входной двери квартиры Зубовых, сыщик выразил общее настроение емкой фразой: «Пипец, ребята, все насмарку».

Вернувшаяся с прогулки Кира застала компанию в совершенно подавленном состоянии и несмело предложила сделать чаю. Народ понуро отказался.

– Может быть, попросим Антона установить прослушку в загородном доме? – не шибко уверенно предложил Олег.

– Там охрана, – отмахнулся Зубов. – В дом незаметно не пробраться.

Отличная идея Дуси с мордобитием накрылась медным тазом. Евдокия жалостливо глядела на Илью, с надеждой поглядывала на Паршина; мужики молчали, и девушка, тихонько откашлявшись, сказала так:

– А почему вы, собственно, решили, будто всему конец? Мне кажется... – перехватила взгляд хмурого сыщика, поежилась, но тем не менее продолжила довольно храбро: – Мне кажется, у нас достаточно информации чтоб действовать дальше.

– Это какой же информации? – невесело буркнул Зубов и напомнил: – Лев Ефремович продолжает гулять по Питеру.

И вот это как раз доказано отчетом банкомата. Все прочее – шашни и разговоры.

– Ну как же... А для Мирона?.. Мы знаем, что Берта и Максим собираются его укантропупить, как только на руках у Берты будут какие-то документы...

– Не говори чепухи! – резко оборвал Олег. – Укантропупить! Как только Мирон узнает, что мы «писали» Берту, он тут же укантропупит Льва Ефремовича! А для внезапных силовых мероприятий против Мирона прокуратуре нужны броневойные доказательства. Риск слишком велик!

– А если... – Евдокия запнулась, подумала секундочку и повернула разговор иначе: – Как вы относитесь к поговорке «Враг моего врага – мой друг»?

– Банально, – фыркнул Зубов.

– Согласна. Но банальность – соль земли. Единственное, что работает всегда и везде, это затертые повторами банальности, – убедительно говорила Дуся. – Они потому и затертые, что слишком часто вспоминаются, разве не так, парни? И ревность еще никто не отменял... Я бы на месте Миронова Берту просто в порошок стерла, узнай, что та задумала... Что с другим любовником путается, козни строит...

Мужчины переглянулись в разной степени задумчивости. Паршин схватил пальцами короткие волосы на затылке, подергал, словно клочок собрался выдрать, и неуверенно скорчил рожу Илье:

– А ведь чем черт не шутит...

– Олег! – одернул приятеля Зубов. – Ну хоть ты-то ерундой не страдай, а! Какая к черту «ревность»?! Мирону нельзя знать, что мне все известно! Он прежде чем Берту грохнуть, отца на тот свет отправит!

– А если осторожно... если на цыпочках...

– А я так вообще предлагаю Миронова немного обмануть, – более уверенно, под одобрением сыскаря, вступила Дуся. – Дать ему послушать запись разговора Берты и Максима – пусть убедится, что мы не врем, что все у нас есть, а после сказать – у нас еще один туз в рукаве припрятан... Да еще такой, что если не отпустит Льва Ефремовича, мало не покажется...

– Так! Тихо, Дуся! – Перебив, Паршин вскочил на ноги, забегал по комнате, переваривая предложение воришки, обмозговывая каждое слово. – Так, так... А почему б и нет... Откуда он узнает, что мы слили ему всю информацию, откуда? Если мы «писали» Берту, значит, знаем много... Значит, можем такую предьяву кинуть, что...

Сыщик бубнил, нарезал круги по гостиной и сам с собой разговаривал:

– Что выберет Мирон? Избавиться от свидетеля или ситуацию на тормозах спустить? Чем он рискнет: нарваться на предьяву или убрать главное лицо, способное позже «красивую жизнь обеспечить»? И вот еще...

Олег остановился напротив Ильи, смерил парня взглядом:

– Тебе на встречу с Мироном идти нельзя. Ты наш глав-

ный козырь. Пока жив, конечно... Понятно?

Илья напряженно кивнул и все-таки признался:

– Чего-то я очкую, Олежа... Что, если Мирон пошлет на хрен все доказательства и уберет отца, а после Берту и Макса на стельки порежет?.. Чего мы добьемся?!

– Не дрейфь, Илюха! Если разговор грамотно повернуть, Мирон в штаны наложит!

– Да не наложит он! Не наложит! А грохнет и тебя, и папу, и всех!

– Может и грохнуть, – серьезно согласился Олег. – И потому его надо заставить играть на нашей стороне. Мирон – бизнесмен. Если показать ему расклад, где карта бита, и предложить бескровное разрешение ситуации, он может согласиться.

– «Может», главное слово тут – МОЖЕТ! Не факт, что он согласится отпустить отца просто так!

– А я предложу ему поговорить с заложником, добиться от того отказа от предъявления...

– Ты его еще на дуэль, блин, вызови!! А Дусю секундантом возьми!

– А что ты предлагаешь?!

– Хватит ругаться! – выкрикнула упомянутая Дуся-секундант. – К Мирону я пойду! – И когда опешившие мужики свели взгляды на тоненькой вытянувшейся фигурке, тихонько повторила: – К Миронову пойду я. Я – самая бесполезная фигура в этой игре. Мною можно рискнуть.

– Что-о-о?! – протянул сыскарь. – Какая ты еще фигура?!

– Бесплезная, – твердо подтвердила Дуся. – Тебе идти нельзя, ты с уркаганом в жизни не договоришься... только против себя настроишь. А Илье надо о ребенке подумать...

– Каком еще ребенке? – перебивая разговаривающую только с сыщиком Дусю, встрял мажор.

Евдокия как будто немного очнулась, смущенно пробормотала «ах да» и увела глаза в сторону от напряженно всматривающегося в нее Зубова.

– О каком ребенке? – пришлось повторить Илье.

Дуся вздохнула, неловко глянула через плечо на дверь и, вытянув гусыней шею, тихонько прошептала:

– Ты чё, Зубов, совсем дурак... или прикидываешься? Посмотри вокруг, – сделала скромный круговой жестик, – ты видишь тут хоть одну мужскую шмотку, хоть одну фотку с мужем?

Евдокия Землероева страсть как любила свадьбы. Прямо-таки обожала всяческие торжества! Если какая-то дальняя приятельница не приглашала Дусю на само мероприятие, обязательно навевалась в гости и с охами и ахами разглядывала снимки: нарядное платье с воланами и рюшами, огромный торт, гостей, машины. Прическу обсуждала. Нахваливала. Себя на месте новобрачной представляла...

Так вот в комнатах любой из недавно вышедших замуж подруг Дуся обязательно находила памятные вещички со свадеб. Перевязанную ленточками пару фужеров и бутыл-

ку шампанского. Особо нарядные открытки с поздравлениями, самые расторопные молодожены успевали половину стен своими фотопортретами завешать...

В спальне Киры недавней свадьбой и не пахло. Когда Евдокия зашла туда за иголкой-ниткой-пуговицами для кофточки, Кира быстро перевернула одну единственную фотографию, стоявшую на туалетном столике.

Дуся ненароком, одним пальчиком приподняла рамку, пока хозяйка доставала из шкафа шкатулку, нагнувшись, глянула на фотку...

Неизвестный южный фотограф заснял красивую улыбающуюся пару на фоне моря: счастливая Кира положила головку на обнаженное плечо... Ильи.

Евдокия так и обмерла.

Пока муж в командировке, Кира фотку прежнего любовника на столик у кровати ставит?!

Дуся быстро огляделась. Ни на стене, ни на тумбочках нет больше фотографий. На вешалке за дверью не висит тяжелый махровый халат мужчины, хотя банный халатик Киры свисает пояском почти до пола. Присутствие мужа вообще никак не наблюдается! На туалетном столике только женская косметика, на кровати хоть и две подушки, но разнокалиберные – одна большая пуховая, другая совсем крошечный подголовник-косточка.

Муж Киры все увез в командировку?! Халат, тапочки, подушку захватил?

В ванной комнате приметливая Дуся увидела лишь женские цвета: розовое и нежно-персиковое полотенца, игривые мочалочки в форме бутонов и сердечек... И ни одного мужского шампуня против перхоти даже в остатке. Хотя дамских неприконченных шампуней – завались, вся боковина ванной усеяна.

Зубов с Кирой практически демонстративно не общался. Обходился парой слов, хмурым кивком головы. Евдокия за почти два дня успела немного подружиться с грустной молчаливой брюнеткой и... сделать вывод, на который так поспешны мечтательные девушки. Сегодняшним утром (еще до того, как пару раз тушью в глаз заехала) Дуся за чаем впервые позволила себе любопытство:

– А кто у тебя будет, Кира? Мальчик или девочка?

– Мальчик, – негромко ответила брюнетка и смущенно улыбнулась.

Дуся поздравила, покрутила в голове предположения – удобно, не удобно? но знать-то как хочется! – и с храбростью идущего в последний бой выпалила с предварительным «прости»:

– Прости, конечно... А отчество у мальчика будет не Ильич, случайно?

Фотография Ильи на фоне моря, отсутствие малейших признаков мужчины в доме – только туполобый болван Зубов мог не заметить того, что просто в глаза бросается – никакого мужа у Киры нет! Евдокия понимала, что лезет не в

свое дело, но удержаться не смогла.

Ей до жути было жалко эту женщину с потерянными глазами, неродившегося мальчика и даже идиота Зубова, что изображает из себя крутого перца, а глаза как у побитого, больного пса!

Евдокия задала вопрос, пристально поглядела на окончательно смутившуюся Киру, но ответа так и не дождалась. Кира ничего не стала отрицать, не стала возмущаться весьма нахальным предположением гостьи, она просто отвернулась к раковине и налила в чайник воды.

«Ильич родится, – догадалась Дуся. – Но лучше сюда не лезть. Кира не подпустит. Гордая».

Второй гордец – Илюша Зубов – пораженно глядел Дусю. И задал, разумеется, самый идиотский из всех возможных вопросов:

– А ты уверена... что от меня?

– Ну ты приду-у-урок, как оказалось, – напутствовала Дуся.

Мажор уже вскочил на ноги, едва не упал, зацепившись ногой за угол комода, во время пробежки по коридору свалил что-то с полочки у зеркала...

– Он дров не наломает? – испуганно спросила Евдокия, уже коря себя за болтливость и вмешательство в чужую жизнь. – Мужики так странно на беременность реагируют... а тут еще Кира все скрывала...

– Не беспокойся. Илюха правильный пацан.

– Ага, – прислушиваясь к звукам, несущимся из кухни, неуверенно кивнула Дуся. – Ты этого правильного пацана давно не видел.

– Ну почему же, – усмехнулся Олег и вспомнил, как примерно две недели назад к нему пришел невероятно разодетый и надушенный Илюша Зубов. Как начал пальцы гнуть, бумажником трясти...

Но бывший капитан милиции Паршин уже давно обучился обламывать и не такие вот рога и пальцы. Илюша даже и не понял, с каких это доходов, через пять минут: Олежа – командир, Илюша – преданно в глаза глядит.

– А знаешь, Дуся, как я впервые обратил внимание на соседского мальчишку? – спросил капитан прислушивающуюся Землероеву. – Мне было лет четырнадцать, Илье соответственно где-то десять... Я шел с тренировки, гляжу – свара во дворе за мусорными бачками: какие-то не наши пацаны закидывают камнями ворону с подбитым крылом. А Илюха – сопляк совсем, накрыл ворону телом. Ворона, Дуся, не котенок, не щенок – страшная, измусоленная вся, грязнущая... А Илюха пытается ее собой закрыть. Видела у него под глазом шрамик круглый? Это птица ему чуть глаз клювом не выбила. Отбили мы ворону, злодеям накостыляли, Илюха потом ее вылечил и в живой уголок отнес. Так-то вот. – Олег потянулся и улыбнулся воспоминаниям...

Кира перебирала гречневую крупу. Занятие бессмысленное и ненужное – в чистой гречке не попадалось ни соринки, ни камушка, но руки заняты, а тихий шелест крупинок успокаивает нервы. Кира монотонно шевелила пальцами и прислушивалась, ловила голос Ильи из комнаты...

У Ильи беда. Проблемы. А она ничем помочь не может, он даже с ней не разговаривает...

Ну почему, ну почему все так случилось?! Игорь свалился тогда как снег на голову! Приехал с букетом, в парадной форме и, встав на колени, насмешил девчонок сделанным на заднем крыльце магазина предложением.

Трогательно получилось. Кира не видела Игоря почти год, тот после училища получил распределение на север, приезжал только в отпуск, а писал регулярно, но не часто, и вдруг – «Выходи за меня замуж, Кирочка»...

А ведь она ему ничего и никогда не обещала, они были просто друзьями! Встречались, гуляли, один раз поцеловались на перроне перед отправкой поезда на Мурманск...

Зачем он тогда появился так внезапно?! Почему не позволил, не спросил, а сразу – с кольцом и букетом бух на колени!

Глупо. Кира растерялась, не зная, как ответить не обидно, свести все к шутке. Стащила с него фуражку... И тут услышала громкий шлепок целлофана от другого букета о мусорный бачок. Обернулась: дикая случайность – на углу стоял Илья. С лицом живого покойника.

Он не позволил ничего объяснить, уехал, сменил номер

телефона...

Как глупо. В тот день Кира собиралась ему сказать, что беременна.

Мама заставляла разыскать отца ребенка как-то иначе, не через телефон... Но Кира даже вообразить не могла этот разговор!

«Ты беременна? От кого? От меня или от того мужика в военной форме, которого скрывала?»

Нет, нет, это невозможно!!

За месяцы свиданий Кира хорошо изучила нрав любимого. Илья мучительно и тонко переживал положение богатенького сына. Он ненавидел любой намек на то, что его используют, это стало идеей фикс, наваждением, маниакальной подозрительностью: «Я нужен не как таковой, а лишь как сын Льва Зубова». Илья буквально корчился, когда на него реагировали предвзято, по статусу папаши. О том, что она встречается с единственным сыном миллиардера Зубова, Кира узнала случайно: одна из приятельниц-продащиц подсунула ей журнал с фотографией в отделе светской хроники. И навсегда запомнила реакцию Ильи на совершенно обычный вопрос: «Это ты и твой папа, да?»

Илья не поверит.

А даже если поверит, между ними навсегда повиснет вопрос: «Ты одновременно встречалась с двумя мужиками? Вояка был прибережен на всякий случай, но повезло залететь от сына миллиардера?..»

Тьфу, как все глупо!

Илья – гордец. Он изуродован деньгами, подозрительностью.

Бог ему судья. Может быть, когда родится сын... когда улягутся страсти...

А даже если нет, сама ребенка вырастит. И там, когда-нибудь... Отец имеет право знать, что у него есть сын?

Или...

Какой же он гордец! И как все глупо!

***

Из гостиной донесся шум, потом что-то с грохотом упало в прихожей...

Кира испуганно подняла глаза: в дверном проеме стоял Илья. Тяжело дышал, как будто прибежал издалека.

Иногда, и даже часто, случается так, что ничего не надо говорить. Зубов встретился глазами с любимой женщиной, увидел в них выражение, которое раньше принимал за стыд, испытываемый предательницей, за неудобство, неловкость за измену...

Теперь в глазах любимой он прочитал вопрос.

И ведь ничего не изменилось! Кира смотрела на него точно так же, как и в первый момент, когда два дня назад открыла дверь! Она – ждала! Ждала понимания, прозрения тупого гордеца!

А он... Он все читал неверно.

– Я правда... придурок... – после длительного молчания

выдавил Илья, встал перед сидящей на стуле женщиной на колени и уткнулся лицом в тугой огромный живот.

Сын мстительно ударил папу в ухо изнутри.

Народ в гостиной немного поудивлялся возникшей в квартире тишине. Дуся, нервно покусывая губы, ловила звуки, Олег глядел в окно. Ворочал неподъемные извилины, прикидывал, шурупил.

– Послушай, Евдокия, – сказал в итоге размышлений, – твое предложение встретиться с Мироном – полная туфта. Если рассчитываешь, что тебе как женщине послабление будет... Забудь. Девочке, ввязавшейся в серьезные мужские разборки, никаких скидок не сделают. К Мирону пойду я, и закончим на этом.

– Давай не будем горячиться, – тихонько, все еще прислушиваясь, сказала Дуся. – Давай представим все с самого начала. Как ты собираешься встречаться с Мионовым? Позвонишь вначале?

– Естественно. Найду телефон Мирона через Антона – он мне его офис по базе пробьет, Саша же у нас официальный бизнесмен.

– Так тебя с официальным бизнесменом и связали. Что ты его секретарше скажешь?!

– Придумаю что-нибудь. – Паршин упрямо стиснул брови.

– Ага. После того, как ты «что-нибудь придумаешь», он тебе такую «торжественную» встречу подготовит, что... – Дуся махнула рукой. – Но все же предположим: ты – пришел.

Что дальше? Пришел ты – бывший мент, Мирон весь из себя подготовленный, на нервах...

– А если ты поедешь, он, блин, спокойно посидит, – язвительно вставил Олег.

– А чего ему для меня «торжество» готовить и шибко нервничать? Я позвоню и скажу только, что я та самая «шалава», которая его тетеньке фингал под глаз поставила. Как думаешь, он согласится встретиться с девушкой, из-за которой весь сыр-бор разыгрался?

– Проявит любопытство, – не стал спорить с очевидным сыщик. – Но приглашение на встречу не самая главная проблема.

– Конечно. Самая главная проблема: ты – бывший мент, он – старый бандюган. У вас антагонизм врожденный, Паршин! Вы друг друга на дух не выносите! – Поймав себя на том, что почти срывается на крик, Евдокия умерила темперамент – ну как еще до этих твердолобых мужиков иначе достучаться?! – и продолжила уже почти шепотом: – Вот сам подумай. Мирон поймет, что к нему мент заявился?

– Много ты понимаешь в ментах и бандюганах, – пробурчал Олег.

– А я кино по НТВ смотрю, – не слишком к месту ввернула Дуся. – Но дело не в кино, а в сути: вы с Мироном сразу же настроитесь друг против друга. Разве не так?

Сыщик поскреб в затылке, нагнал на лоб морщин: в каком-то смысле девочка – ни в зуб галошей, в каком-то пол-

ностью права. Паршин почти зримо представил, как скобочит морду криминальный авторитет – не по чину ему с ментом на мировой сходить; как тяжело придется самому менту – Олег и в самом деле всяческих отцов порока терпеть не выносил... А перед этим пальцы шибко не погнешь, он на измене будет... Может не сложиться.

Но отпускать в пасть тигра этого цыпленка...

– Не выдумывай, Дуся. Мала ты еще с мазуриками тягаться.

– Так это ж хорошо! – воодушевилась Евдокия. – Подумай сам! Я приду. Скажу, что любовница его укантропупить собирается... Как думаешь, онотреагирует, если ему это ты – здоровенный мент! – доложишь, а? Он губы закусит, нервы в кулак...

– А при тебе, типа, заплачет, – перебивая, хмыкнул сыщик.

– Ну, не заплачет, конечно, но таким упертым болваном уже не будет, как с тобой. При тебе он... это... о-го-го каким железобетонным прикинется! Тебя просто от расстройства и вредности прикажет пристукнуть!

Ну точно – ни в зуб галошей. «О-го-го, пристукнуть», а туда же: психологические схемы рисовать.

Эх, девушки, девушки, поменьше б вы кино по НТВ смотрели, романтикой побольше увлекались. И кулинарией.

– А передо мной что представляться? – наивно развела ручонками девчонка. – Кто я такая? Моль бесцветная, мош-

ка мелкая.

Паршин наклонился глубоко вперед, почти дотянулся до Дуси лицом, и, бегая глазами по каждой веснушке и черточке, сипло прошептал:

– А если Льва Ефремовича уже нет в живых... А? Ты тут сидишь, о предательстве и ревности балакаешь, в поход собираешься... А идти-то в принципе и некуда? Некого уже спасать. Ты только бестолку головой рискнешь.

Евдокия испуганно отшатнулась назад.

– Нет... Не-е-ет, Олег, ты что?! Они же говорили: «козел» играет в благородство!

– А если «козлом» они самого Ефремовича называли?

– Зачем? – прошипела Дуся. – Он что – где-то в Питере спрятался и «благородно» на нервах сына играет?! Речь шла о другом человеке, Олег! Отец Ильи – жив!

– Да это было два дня назад!!

– А что изменилось?! – Дуся подалась вперед и носом почти в сыщика уткнулась. – Что для них изменилось?! Илья в бегах, план приторможен, но в развитии... Вот если бы Илья в милицию сунулся, а до Мирона слух дошел... Тогда – да. Тогда соваться к Мирону было бы опасно. Но сейчас... если я у него застряну, вы же меня вытащите, а, Олег? Ты меня вытащишь?

Паршин тяжеловесно смотрел на Дусю. Хотелось немного придушить упрямую, но сообразительную девчонку (пусть дома в постели пару дней с перевязанным горлом полежит).

Но все же, все же... При всем паршивом раскладе крупица истины в ее словах присутствует: пока Мирон не в курсе, что Илье все известно, можно попробовать. И относительно прочего девчонка права: без опытного сыскаря под боком оставшиеся двое... уже трое и практически даже четверо – засыпаются.

Илье идти нельзя. Только у него есть влиятельные друзья папаша, только он сможет привлечь достаточное внимание прессы и напугать публичным скандалом почти джентльмена Александра Сергеевича.

Что выберет Мирон? И чем рискует Дуся?

Черт!! Неужели все-таки придется отправлять девчонку?!

Если Илья на свободе и шумихи не избежать, может быть, Мирон и вправду рискнет обойтись без крови?!

– Олег, у нас нет выбора, – тихонько воткнулся в размышления Паршина упертый девичий голосок. – Илье идти нельзя, без тебя Илья и Кира пропадут, и мы со Львом Ефремовичем соответственно – тоже. А меня... Зачем Мирону меня убивать? Кто я? Девочка, подбившая его любовнице глаз? Так Берта сама виновата. Я попрошу Мирона дать мне возможность поговорить с Львом Ефремовичем, попробую договориться с ним обойтись без мести... Как думаешь, если Илюшин папа честное слово даст – Мирон ему поверит?

– Нет.

– А я так думаю – поверит. Они оба пострадали от одной и той же бабы. Это объединяет.

– Ты хочешь представить все так... – задумчиво проговорил Олег, – как будто Берта одна во всем виновата?

– А разве это не так?! Это она подбила Миронова с мужем разобраться, это она задумала и с Мироном потом разделаться... А я еще скажу ему, будто у нас доказательств для суда полным-полно, но мы хотим миром разойтись. Мол, два мужика пострадали от одной подлой бабы, чего же им делить, на весь свет в газетах позориться?

Слушая Дусю, Паршин нервно, с хрустом, потянулся. Землероева продолжала увещевать:

– Олег! Как только я к Мирону приду, то сразу же скажу, что не знаю, где вы находитесь. А вы, чтобы меня не подводить, куда-то сразу уезжайте отсюда и мне не сообщайте. Хорошо? – Моргнув и смешно наморщив нос в мелких конопушках, Евдокия произнесла пугающую фразу: – Если меня пытаться начнут... я ничего им сказать не смогу... Правда? – Заметила, как изменилось лицо сыщика, и быстренько добавила: – Но я думаю, он мне и так поверит, будто я ничего не знаю. Мы ж не дураки Ильей рисковать, правда? Он наш главный козырь.

Паршин, разозленный собственным бессилием, стукнул кулаком о колено.

– А если Мирон на голову отмороженный?! Если ему по барабану, чего ты там знаешь, а чего нет?!

– Да не с руки ему меня убивать, Олег! Не с руки! Ему договариваться пора пришла!

Два агромадных звероподобных орка с пуленепробиваемыми, судя по толстым надбровным дугам, лбами перекрывали дверь на хозяйскую половину. (Приличные похоронно-черные костюмы и белоснежные рубашки с галстуками их облик шибко не окультуривали.) Мирон назначил Дусе встречу в том самом ресторане, где когда-то Паршину повезло сфотографировать его и БERTУ.

«У Мирона там типа еще один офис для своих людей, – напутствовал Евдокию сыщик. – Ты сильно не дрейфь, место людное, я буду неподалеку – подстрахую...»

Евдокия постаралась внять, но мандражировала так, что мысли путались до полуобморока. «Без Льва Ефремовича, без Ильи, без Олега, мне с врагами Котика не разобраться и не отомстить, – внушала себе Дуся. – Я иду на правое дело. Бог не выдаст, свинья не съест... наверное...»

Один из орков попросил визитершу предъявить для просмотра крошечную дамскую сумочку, второй быстро и ловко очертил фигуру Дуси толстой электронной палкой и, не найдя на гостье ничего подозрительного, широко распахнул резную дверь из красного дерева.

Евдокия несмело переступила порог... и сразу очутилась в обшитом темными деревянными панелями кабинете с наглухо задрапированными темно-красными плюшевыми шторами окнами. В довольно просторном помещении стояла тяжеловесная мебель из того же красного дерева: низкий длин-

ный столик окружали диваны и кресла, обтянутые коричневой кожей, по стенам – глухие шкафы и открытые полки, точно напротив двери раскорячился антикварный и массивный письменный стол.

Стиль комнаты отдавал распространенными Голливудом гангстерскими боевиками. Наверное, тезка русского поэта чувствовал себя здесь немного Аль Капоне, кабинет и его хозяин абсолютно соответствовали друг другу. Сидящий за рабочим столом Александр Сергеевич – сухощавый господин с хищным горбатым носом и глубоко посаженными глазами – внимательно разглядывал девушку, подбившую глаз его пассии. В ответ на удивительно спокойное приветствие Дуси «Добрый вечер, Александр Сергеевич» Миронов только кивнул. И сесть не предложил.

Дуся, храбро переставляя ноги, приблизилась к письменному столу, достала из него позыченный у Киры цифровой диктофон и нажала на воспроизведение.

– Послушайте, пожалуйста, Александр Сергеевич. Это будет интересно.

Собирая Дусю на «свидание», Олег довольно точно предположил, как будет вести себя криминальный джентльмен – буравить взглядом, ждать, пока «девчушка поплывет», и потому советовал Евдокии не заводить приличных разговоров о погоде, а сразу – шмяк диктофон под нос! – пусть убедится, что девочка готовая пришла.

Так, почти в точности, и получилось. При появлении Ду-

си Мирон изображал расслабленную, слабенькую заинтересованность: «А ну-ка, ну-ка, кто тут к нам такой отважный пожаловал?» По мере того как разговор любовницы и Макса продвигался, хозяин кабинета подобрался, сел прямо... Как только в кабинете зазвучал его собственный голос, Миронов окончательно отбросил притворство, сжал в кулаки разброшенные по столу пальцы, прослушал все до конца и, неприязненно прищурившись на гостью, бросил:

– Ты журналистка?

– Нет, – спокойно ответила Дуся. – Я знакомая Ильи Зубова. И предупреждаю сразу – недавняя и совершенно не дорогая.

Мирон кивнул. Подумал.

– Откуда эта запись?

С губ Дуси чуть не сорвалось детсадовское – от верблюда, но она лишь невразумительно плечом повела, изобразив ответ: «А тебе, любезный, что за дело?»

– Это, – палец Сергеевича уткнулся в диктофон, – не лажа? не подделка?

Вполне резонный вопрос для человека, устроившего каверзу с двойником в Питере.

– Александр Сергеевич, – усмехнулась Евдокия, – вы свой голос не узнали или разговор забыли?

– Я спрашиваю про остальное!!

– Нет. Здесь все правда. Берта Зубова и ее любовник намереваются вас устранить, как только... Ну вы сами не глу-

пый человек, вы все понимаете. Вас используют и на тот свет отправят, Александр Сергеевич.

– Ты давно это знаешь? – Глаза Миронова изучали, препарировали Дусю, как скальпель патологоанатома. – Почему я должен тебе верить?

– Потому что, повторяюсь, вы не глупый человек.

– Есть еще доказательства?

– Есть. И не только заговора против вас. Например, я знаю, что пока вы ведете себя благородно с Львом Ефремовичем. И это очень злит любовника вашей сообщницы.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Конечно не понимаете, – усмехнулась малость охамевшая Землероева.

Глубокое кожаное кресло на колесиках с шумом отъехало от стола. Миронов встал, прошелся вдоль стены, остановился спиной к Дусе возле углового кресла. Засунул руки в карманы брюк, постоял...

– Я хочу слышать все доказательства.

– Нет, – удивляясь на себя, спокойно ответила Евдокия.

Только попав в кабинет в стиле голливудских мафиози, Дуся внезапно почувствовала себя немного артисткой, слегка в кино, чуть-чуть под кинокамерой. Евдокия Землероева невероятно представлялась! (Мама и Синицына просто обалдели!) Но главное – не заиграться.

– Вы должны понимать, Александр Сергеевич, что основные козыри мы оставили за собой. Открыть не сможем. Но

обещаю, как только вы позволите мне поговорить с Львом Ефремовичем, один из козырей я приоткрою.

Широко расставленные локти засунутых в карманы брюк рук заставили пиджак резко обернувшегося «гангстера» взметнуться черными птичьими крыльями. Глаза Мирона гневно ударили в Евдокию!

– Не надо на меня давить, Александр Сергеевич. Пугать не надо. Я тут как бы не одна решаю.

Миронов кулаком легонько стукнул о боковину шкафа, нахмурился.

«Не так уж он и отморожен, – подбадриваясь, подумала Землероева. – Если сразу по мне лупить не стал. Хотя заметно – очень хочется».

Мирон стремительно прокачивал полученную от гостьи информацию, все ключевые фразы Евдокия произнесла, дала понять, что знает о том, что Миронов удерживает Льва Ефремовича и пока ведет себя благоразумно.

Подойдя к столу, Сергеевич нажал на кнопочку селектора, дверь кабинета тут же распахнулась: на пороге застыл пуленепробиваемый охранник.

– Вы ее проверили? – спросил Мирон нахмуренно.

– Все чисто, – отчитался орк и был отпущен слабым взмахом хозяйских пальцев.

Миронов сел в офисное кресло, задумчиво в нем покрутился.

– Чего ты хочешь? – спросил негромко.

– Отпустите Льва Ефремовича, и все забудем.

Брови гангстера недоуменно уползли вверх, губы скривились, выщеживая вопрос:

– Это ты у нас решаешь? Ты ничего не попутала, а, детка?

Сердце Евдокия гулко сбилось с ритма, бюстгальтер стал немного тесноват в груди... Воздуха, пожалуй, не хватало.

– Я ничего не путаю. Дайте мне поговорить с Львом Ефремовичем, и, я вас уверяю, вы придете к согласию. У меня есть, что ему сказать.

Уф! Кажется, Миронов не заметил, что все слова Дуся проговорила, почти теряя сознание от нехватки кислорода.

Тихонько и незаметно втянув воздух сквозь стиснутые испугом зубы, Евдокия заставила себя расслабиться: «Не бойся, Дуся, не бойся, он в адеквате: сразу не пристукнул, значит, и остальное стерпит! Наверное».

Мирон не стал уже отнекиваться, что держит где-то папу Ильи, значит... значит, догадка с двойником была верна.

– Александр Сергеевич, вашего человека уже ищут в Питере. У нас достаточно доказательств для обращения в прокуратуру, но мы не хотим поднимать излишний шум. Илья не хочет.

– Это почему же? – Гангстер выдавил напряженную усмешку и сощурил глаза.

– Ну как же, – пожала плечами Евдокия. – Папе Ильи навряд ли захочется становиться объектом насмешек наравне с вами – вас обоих обвела вокруг пальца одна и та же кра-

шенная кошка.

– Я могу обеспечить Льву Ефремовичу полное равнодушие к земным проблемам.

– Конечно можете. Но своих-то проблем вы этим не решите? А только приумножите.

Когда-то тишайшую отличницу Евдокию Землероеву вызвали в кабинет директора школы. Она была свидетелем драки, в результате которой в кабинете биологии обрушился шкаф с пластмассовыми скелетами собаки и вороны, погибло вполне натуральное чучело хорька...

Директор школы Иван Петрович полную большую перемену пытал Землероеву глазами, терзал вопросами, требовал сдать зачинщиков «возмутительнейших беспорядков» и проявить сознательность.

Тогда Дусе Землероевой показалось, что она побывала в аду. Полных двадцать минут. Но эта преисподняя не шла ни в какое сравнение с ощущениями, испытываемыми ею в присутствии человека, возомнившего себя реинкарнацией Капоне. Ей показалось даже, что в комнате запахло серой. А из-за деревянной обшивки стен стали доноситься стенания замученных Мироном прежде душ...

«Та-а-ак, галлюцинации пошли», – подумала Евдокия и, опасаясь, что дальше подкосятся ноги, «храбро» уселась на диван.

Усевшуюся без спросу посетительницу Миронов рассматривал, как энтомолог уползающего от булавки полудохлого

жучка.

– Что ты хочешь сказать Льву?

– Передам привет от сына, – отважно усмехнулась Дуся, а про себя тихонько ойкнула. Ее бросало из стороны в сторону, от хамоватой наглости к трусливому полуобмороку, живот «штормило» и поджимало, но пока она – держалась. Ли-ха беда, начало все-таки положено.

Подумав несколько секунд, Мирон нажал на кнопку селектора и хрипло приказал:

– Артур, пакуемся. Подгоните машину к заднему крыльцу. Девчонка едет с нами.

Посмотрел на Дусю. Землероева не стала возмущаться: «Никуда я с вами не поеду!», а молча и стойко выдержала взгляд.

Никто и не ожидал, будто Льва Ефремовича держат в подвале ресторана. Олег сразу же предположил, что для разговора Дусю куда-то вывезут. Привозить в центр столицы самого заложника – глупость несусветная, Мирон не будет рисковать. Он повезет к Льву Ефремовичу «храбрую» переговорицу.

«Вероятно, ваш разговор будут слушать, – предупреждал Олег, – так что с Львом Ефремовичем беседуй в расчете на микрофоны. Мирон, скорее всего, и позволит себя уговорить на ваш разговор, чтоб подчерпнуть немного информации. Так что много не болтай, все только по делу».

– Каждые полчаса я должна сообщать по телефону, что со

мною все в порядке, – невозмутимо выбросила Дуся.

– Сообщишь, сообщишь, – многозначительно хмыкнул Александр Сергеевич, и следующие слова Евдокия почти что пропищала:

– Если я не отзвонюсь, мои друзья пойдут в милицию!

– Заштопай варежку, целее будешь, – почти беззлобно посоветовал Капоне и дернул Дусю за рукав. – Вставай, чудило, поехали.

– Меня зовут Евдокия.

– Хоть мать Тереза!

Еще в квартире Киры, обсуждая предстоящее мероприятие, три новоявленных товарища договорились: следить за вероятным путешествием Дуси Олег не будет. Шоферы у Сергеича не пальцем деланы, слежку засекут мгновенно, а рисковать единственным опытным человеком – сыщиком – члены команды не рискнули. Активировали в Дусином мобильнике функцию слежения за передвижениями, и, не больно на нее рассчитывая, поставили на разумность неприятеля.

Пока Мирон оправдывал чаяния. С Дусей обращались нежно: запихнули на заднее сиденье джипа и стиснули по бокам двумя весьма жесткими орками в черных костюмах. Евдокия держалась, как подпольщица в гестапо. Голову установила твердо, глазами испуганно не ерзала, тихонечко молилась про себя, но это внутренние частности. Внешне и в

общем все выглядело вполне достойно. Как у человека, знающего, какую цену предъявят за его сохранность: ценой станет шкура людоеда.

И это, кажется, Александр Сергеевич понимал вполне. Он прежде Дуси на другой машине примчался в средней презентабельности загородный дом, чего-то или кого-то там, видимо, подготовил. Евдокию подвезли с мешком на голове. Без всякого мобильника в кармане. Его отобрали и разобрали на части, как только Дуся отзвонилась друзьям.

Но преждевременных пугающих выводов Евдокия делать не торопилась. Если бы ей позволили увидеть дорогу к дому, где держат Льва Ефремовича, тогда бы можно было беспокоиться – везут потенциальную покойницу. А так... Чего-то подобного можно было ожидать, главное – делать уверенную мину при любой игре.

Ой, мамочки, но как же жутко-то!!

А ведь сама напросилась...

Может быть, лучше было отсидеть пару лет за украденный портфель? Пойти в милицию, во всем покаяться, пусть посылают взвод спецназа на выручку миллиардера Зубова...

Но это вряд ли, одернула себя Дуся. До появления спецназа никаких следов Льва Ефремовича в этом доме не осталось бы. А с неопытной воришкой Дусей разобрался бы Борис Семенович... У Ильи своих хлопот хватило бы. Его б наверняка прихлопнули, едва тот высунул нос по направлению к кабинету прокурора.

Льва Ефремовича Зубова содержали со всеми удобствами и спиртными напитками. Если б не толстенные решетки на окнах весьма уютной комнаты и не настороженный мордорот с челюстью Щелкунчика за дверью, вполне могло бы показаться, что папу Зубова оставили немного погостить.

Мионов молча протолкнул Евдокию в центр комнаты; растрепанный и несколько помятый Лев Ефремович удивленно оглядел прибывших. Евдокия отметила чисто выбритые, совсем не бледные щеки последнего, обратила внимание на весьма приличный спортивный костюм и упитанный животик – папашу Ильи тут явно баловали. Не зря бесился Макс.

Хотя... Строя версии, Олег предположил, что Льва Ефремовича и будут содержать в порядке, раз он должен погибнуть после того, как Берта и компания разберутся с его сыном. Труп безвременно ушедшего миллиардера не должен нести следов заточения или побоев, ведь ко времени, когда случайно погибнет его единственный сын, он продолжает безмятежную экскурсию по Северной Венеции.

Но впрочем, эти рассуждения уже не важны. Мирон мог изобрести и что-нибудь покруче.

– С вами хотят поговорить, – грубовато сказал Сергеевич, и Ефремович еще более удивленно уставился на Дусю. – Это подруга вашего сына. Разговаривайте. – Поставил на длинную тумбу Дусин диктофон и вышел вон, крепко прикрыв

за собою дверь.

Евдокия и Лев Ефремович некоторое время разглядывали друг друга. Преображенная, подстриженная Землероева вполне тянула на девушку из тусовки, но бросаться ей на грудь и доверяться заложник-бизнесмен не торопился.

Дуся быстро подошла вплотную к Льву Ефремовичу, почти уткнула губы в его ухо и прошептала предложенный Ильей пароль:

– Гилемотик.

Быстро отстранилась, попыталась по глазам заложника понять, принят ли пароль...

На лице Лева Ефремовича отразилось облегчение, он медленно сомкнул веки.

Когда-то давно у маленького Илюши была любимая игрушка – пузатый плюшевый бегемот Боба. Илья не мог тогда выговорить слово «бегемотик» и, смеша взрослых, называл его «гилемотиком».

Пароль был признан.

– Как вас зовут, девушка?

– Евдокия, можно Дуся, Лев Ефремович. Я недавняя знакомая вашего сына.

Зубов-старший уселся в неглубокое кресло, жестом предложил Дусе сесть напротив на диван и приготовился с вниманием выслушать отважную подстриженную гостью.

– Лев Ефремович, расскажите, пожалуйста, как вы сюда попали? – прежде чем приступить к выполнению основ-

ной миротворческой задачи, спросила Землероева. Обладая недостаточной информацией, Евдокия боялась показать это подслушивающему где-то Миронову; на общем совете в квартире Киры было решено прежде выспросить заложника. Узнать как можно больше и строить разговор в зависимости от степени негодования Ефремовича. Нашупать точку невозврата и постараться не перешагнуть. Обида – очень тонкая материя, порвется – не заштопаешь.

Отец Ильи окинул Дусю задумчивым взглядом. Видимо, прикидывал, насколько недавняя знакомая сына посвящена в семейные тайны.

Евдокия быстро уточнила просьбу:

– Вы пришли к Александру Сергеевичу выяснить отношения. Показали ему фотографии с Бертой...

– Да, – кивнул Зубов. – Пришел, показал, в результате оказался голым.

– То есть? – засмушалась Дуся.

– Меня заставили снять костюм под дулом пистолета. Дали надеть какую-то хламиду, затолкнули в машину и привезли сюда. – Лев Ефремович избрал наиболее лаконичную манеру повествования, в нескольких предложениях обрисовал подруге сына ситуацию и честно признался: – Я ничего не понимаю. На стоянке меня дожидалась машина с шофером Димой... Я не вышел из ресторана... Меня сейчас ищут?

– Нет, Лев Ефремович, – медленно покачала головой Евдокия. – Вас не ищут, потому что вы вышли из ресторана.

– Как это?

– Миронов использует двойника, и сейчас вы преспокойно гуляете по Питеру.

– Что?! Как это могло получиться? Я же...

– Вас заставили снять костюм, Лев Ефремович, – напомнила Дуся. – Вероятно, его надел двойник. Как вы думаете, если вы, предположим, вышли из ресторана в обнимку с Мироновым... с улыбкой сели в его машину... А свою отпустили взмахом руки. Такое могло быть? Ваш шофер мог спокойно уехать?

Лев Ефремович был умным человеком. Создать финансово-промышленную империю в лихие постперестроечные годы и удержаться на плаву не так-то просто. У китайцев даже своеобразное проклятие существует: «Что б ты жил в эпоху перемен». (У нас проклятия не столь глубокомысленные, попроще, бытует выражение: «Чтобы ты жил на одну зарплату».) Старший Зубов мгновенно просчитал и выстроил вероятную ситуацию, нахмурился и гневно выгнул ноздри: использование двойника, по все видимости, подсказало ответ – к его похищению готовились заранее. Давно и тщательно.

Евдокия слишком быстро подошла к точке невозврата. Дотянувшись до руки отца Ильи, она накрыла ее ладонью и попросила:

– Не торопитесь с выводами, Лев Ефремович. Послушайте вот эту запись и сами все поймете.

При составлении записи Паршин убрал почти все получа-

совые всхлипы и стенания Берты, оставил только ключевые фразы типа «он меня убьет, зачем я позвонила, я пропала», так что много времени концерт не занял.

Лев Ефремович то хмурился, то злорадно хмыкал, иногда смущенно ерзал и потирал щеку, слушая пикантные сюсюканья любовников, но в целом остался доволен.

– Значит... – глаза Ефремовича метнулись на дверь, а большой палец уточнил направление, – этот... тоже – попал? – И фыркнул. – Поделом.

Злость и досада уступили место злорадному удовольствию, на некоторое время Лев Ефремович даже забыл о решетках на окнах. Сидел, мысленно возвращаясь к записи, насмешливо фыркал и, пожалуй, выпустил из виду один немаловажный факт: у Мирона с Бертой роман на интересе, а сам-то Лев Ефремович вообще на этой кошке по любви женился.

– Лев Ефремович, – заставила его очнуться Дуся, – вам не кажется, что ситуация зашла в тупик?

– Еще как кажется! – обрадовано подтвердил заложник. – Во баба накрутила! Меня решила убрать руками одного любовника, его потом убрать руками второго...

Евдокии даже не пришлось на пальцах объяснять обманутому мужу, где эта кошка качественно порылась. Измена так задела и (удивительно) развеселила заскучавшего за решетками Ефремовича, что о консенсусе даже намекать не пришлось. (А может быть, узнав, что все это замыслила всего-то женщина, Ефремович стал относиться к ситуации не серьез-

но, шутейно, что ли? Кто его поймет?)

Но как бы там ни было, Дуся сделала приятный вывод: вот и слушайся после этого всяческих надутых мужиков! «Садовое кольцо», «чего ты понимаешь»... А люди-то везде одинаковые! Им только дай повод над упавшим в лужу похихикать.

– Эй! Сергеич! – задрал голову вверх, видимо рассчитывая, что обманутый почище него любовничек микрофонов наставил, громко выкрикнул Зубов. – Аллэ! Ты как – в отпаде, а?

Из-за двери не донеслось ни звука, Евдокия, прикинув, что миссия не выполнена до конца, приступила к конкретике:

– Лев Ефремович, вы сможете... как бы простить Александра Сергеевича?

– Не предъявлять? – все еще в насмешливом настроении хмыкнул Зубов, по глазам было видно, хотел добавить «этому болвану?», но, как уже упоминалось выше, шибко был умен, сдержался. – Перетрем как-нибудь.

Играть с девчонкой в «испорченный телефон» и делать из нее передаточную инстанцию, он, видимо, не собирался. Переместил значительный взгляд на дверь, дожидаясь появления еще одного обманутого дуралея.

Но Сергеевич пока не думал появляться, и Дуся позволила себе давно мучавший ее вопрос:

– Лев Ефремович, простите, вот у вас с Александром Сер-

геевичем такой разный круг общения... А вы его давно знаете? Где с ним Берта могла познакомиться?

– Ну, разумеется, не на трамвайной остановке, – фыркнул Лев. – У нас есть дом, где нас обоих принимают. Ты лучше скажи, что там за неприятности у Ильи? Это серьезно?

Навряд ли Лев Ефремович очень уж хотел обсуждать проблемы сына под микрофоны, глаза его настороженно приказывали Дусе обойтись кратким ответом.

– Он ни в чем не виноват. Просто вначале решил заняться вашими делами.

– Поня-а-атно...

– Простите, Лев Ефремович, что вмешиваюсь не в свое дело, но как вы думаете поступить с Бертой?

– А что мне с нею поступать? – равнодушно пожал плечами Зубов. – Ее Мирон закопает.

Ой!

В распахнувшейся во всю ширь двери показалась могучая фигура молчаливого Щелкунчика. Совершив головой приглашающий на выход жест, он немного ушел в сторону, Лев Ефремович поднялся из кресла, одернул спортивную куртку...

Евдокия, не зная, приглашена ли она, тарасилась на ушедшего в полутьму охранника. Тот дверь не закрывал, ждал гостью, и пришлось – пойти. В большую комнату с камином, где в просторном мягком кресле, с коньячным бокалом в руке удобно расположился Миронов.

Невозмутимый Лев Ефремович по-хозяйски вальяжно занял диван, Евдокия скромно примостилась на угловом креслице за камином. Мужчины играли глазами.

– Ну? – дотягиваясь до коробки с сигарами, первым начал Зубов. – Что думаешь о делах наших скорбных? – Привередливо выбрал толстую сигару, долго ею манипулировал...

Мирон молчал, коньяк потягивал. Один из его приспешников наполнил еще два бокала, один из которых впихнул в помертвелую Дусину руку.

Землероева, помня, как благотворно действует спиртное на ее нервную систему, махом опрокинула коньяк и утерла выступившие слезы.

– А что мне думать? – наиспокойнейше повел плечом Миронов. – Ты предъявляешь, я отвечу.

– Предлагаешь миром разойтись?

– Не маленький.

– Но и я мало не кину...

– Договоримся. Берту мне отдай.

Совершенно не стесняясь Дуси, авторитет просил чужую жизнь. Интонация Мирона слишком явно показывала, что Берту он хотел совсем не в жены. В покойницы затребовал.

Зубов сосредоточился на сигаре, макнул ее в коньяк, стряхнул лишние капли... Положение, в которое попал любовник его жены, разрешить можно только либо большой кровью, что при наличии все возрастающего количества свидетелей становится проблематично, либо ценой финансовых

потерь. Что, вероятно, все же обойдется чуть дешевле, чем скрытные групповые похороны, да и мороки меньше.

К Миронову подошел твердолобый орк в костюме, быстро наклонился к уху хозяина и что-то пошептал.

– Веди, – сказал Мирон и обратился к Дусе: – Где диктофон?

– Там. – Не на шутку перетрусившая Землероева несмело махнул ладошкой в сторону комнаты с решетками. То, как беседовали, скупно перебрасываясь фразами, два суровых мужика, показывало: жизнь Дуси здесь – копейка.

– Принесите, – повелел бандит и, совсем упрятав глаза за складками век, уперся взглядом в широкую двойную дверь: в каминный зал вводили БERTУ.

Дуся пожалела, что выбрала столь неглубокое кресло. Будь кресло чуть побольше, она бы с удовольствием утопилась в подушках и коньячным бокалом сверху накрылась.

Не известно, как Миронов добился согласия на появление в обществе любовницы с побитым глазом, но факта из песни вы выкинешь: пожалуй рассчитывая на любовную игру перед камином, в комнату вплывала длинноволосая кокетка.

А согласитесь – кокетничать с синенькой блямбой под глазом то еще искусство. Но у БERTы получалось весьма-весьма неплохо. Правда, на первых двух шагах.

Вначале она увидела вольно расположившегося на диване мужа с коньяком и сигарой; потом заметила драчливую «шалаву»... Застыла. В глазах запылал вопрос: «Что здесь

происходит?!»

Не предлагая Берте сесть, Мирон взял в руки принесенный диктофон, нажал на воспроизведение и поставил аппарат на столик.

По залу понеслись слова и всхлипы...

Смотреть на то, каким ужасом покрывается красивое лицо побитой мадам Зубовой, у Дуси не хватило духа. Сжавшись в комок, зажмурившись, Евдокия молилась об одном: чтоб женщину не стали убивать прямо сейчас и здесь. (С Мирона станется.) Евдокия крепко-крепко стиснула пальцы в кулак и, забывая звуки, несущиеся из диктофона, начала тихонько бормотать: «Ну что вам стоит отпустить ее... ну что вам стоит?! Она уже наказана, пускай уходит!! Господи, сделай так, чтобы они ее помиловали!!..» К женщине, замыслившей убийство двух мужчин, у перепуганной до смерти Дуси осталось только сострадания. «Она уже наказана! Она сто раз раскается!!»

Евдокия не увидела и не услышала, как Берта доковыляла до кресла, как опустилась в него и понуро свесила голову, слушая свои же слова... Дуся очнулась, только когда раздались шаги Миронова по комнате.

Открыла глаза и сжалась в ужасе не меньше Берты!

Миронов, опираясь руками на подлокотники, наклонился к самому лицу любовницы, и та в ужасе отпрянула.

– Я мог бы грохнуть тебя прямо здесь, – полились из змеящихся губ негромкие, шипящие слова. – Мог бы закопать

живьем или утопить в выгребной яме... Но это не доставит мне большого удовольствия. Это слишком просто для тебя, и потому, ты, дорогая, будешь жить. Надеюсь – долго. – Тезка поэта повернул бледное лицо с капельками пота к Зубову и заговорил уже как будто с ним: – В Южном Порту держат шалман два близнеца-абрека – Юнус и Рустамчик. Русских женщин, Лева, они очень сильно любят. – Повернул лицо обратно к Берте: – Ты будешь там мыть полы.

Ужас, ранее искаживший лицо Берты, не шел ни в какое сравнение с тем, что она пережила после этих слов; тут женщина немножечко лишилась сознания, и Миронов несильно смазал по ее припудренной щеке:

– Слушай сюда, курва. Не дай тебе бог пропустить хотя бы один рабочий день! За день «больничного» отрежу ухо. Поверь – отрежу и второе. Магомет и Рустамчик – им без разницы, будут любить тебя и без ушей, и без пальцев на ногах и руках. Они такие славные волосатые ребята с большущими потными животами... Я подарю им тебя на день рождения. А они знаменито берегут подарки в задней комнате...

В результате живописного рассказа Берта все же отключилась. Мирон потерял ее за щеку, небрежно шлепнул почти по синяку и отошел к камину.

Евдокии показалось, что и она сейчас в обморок грохнет. Уж больно красочно описал Мирон будущее Берты, волосатых толстых абреков, отрезанные части тела... Лев Ефремович и тот слегка сбледнул.

Пошатываясь и думая о том, чтоб не стошнило прямо на ковер, никого не спрашивая и видя в глазах охраны только безразличие, Евдокия вышла из зала, добралась до крыльца, глотнула свежего воздуха...

Никогда больше она не ввяжется в мужские игры! И пить коньяк не будет. Гори все ясным пламенем!

Участь Берты оказалась хуже смерти. Неужто муж не вступится?!

Хотя бы когда-то потом... Любой женщине такого наказания и на неделю хватит.

Приближение Мирона Дуся почувствовала спиной. Как травоядная антилопа или, пожалуй, овца – предвосхищает появление хищника. Как полевой цветок грозу, как шизофреник наступающее блаженное безумие.

– Ты обещала мне назвать один из козырей, – хмуро глядя на закат, спросил бандит, которому никогда не светило стать джентельменом.

– А это теперь важно? – устало поинтересовалась Дуся.

– Я привык получать то, что мне обещано, – играя скулами, проговорил матерый хищник.

Дуся мигом вспомнила последние пятнадцать минут и сделалась примерной паинькой.

– Я собиралась назвать вам имя второго любовника Берты.

Мирон бросил косой взгляд:

– Развела ты меня, подруга... Верь после этого женщинам.

Паинька под брошенным искоса взглядом чуть реально не скончалась и вспомнила, что давно не навещала туалет.

– Ты думаешь, она мне сейчас не скажет все, что я спрошу? – Миронов резко повернулся на пятках и ушел в дом.

У Землероевой немного отлегло от сердца. Как только ей вернули сотовый телефон, она тут же набрала номер Ильи и быстро прошептала:

– Звони Максиму, пусть срочно уезжает из Москвы. Срочно!

По сути дела, Максим ведь никого не убивал, да? Он только собирался и храбрился-ревновал...

Евдокия уже знала, как изобретательно беспощаден в мести господин Миронов. Предсмертная кастрация соперника – это так, для впечатлительных юнцов. Участь шустрого юриста Евдокия Землероева решила сама: жизнь в бегах и страхе избыточно суровое наказание за глупую влюбленность в жестокую женщину и невыполненные намерения.

Эпилог

В крошечной полуподвальной каморке, что Паршин гордо офисом именовал, с трудом умещались письменный стол с оргтехникой, два стула, белесый многофункциональный шкаф и скромная рогатая вешалка на ножке. Еще в углу на тумбе примостился списанный из ментуры сейф с упрямым, работающим только по желанию цифровым замком. (В этом железном ящике сыщик отваживался хранить только потрепанную запасную кобуру и два относительно чистых стакана.) На крышке почти сейфа расположился довольно приличный электрический чайник.

Паршин, забросив ноги на стол, сидел на хлипком офисном стуле и мрачно разглядывал плохо отпечатанные на принтере черно-белые фотографии: последний заказ оказался почти невыполнимо трудным.

В дверь офиса ударили чьи-то пальцы, и в приоткрывшей щелке показалась довольная мордочка Дуси Землероевой.

– Привет, Олег. К тебе можно?

– О! – оживился Паршин. – Дуська! Заходи, привет! – Сбросил со стола ножищи в огромных расшнурованных кроссовках. Взмахом руки предложил девчонке сесть.

– Олечка, – радостно заулыбалась Евдокия, – я только что от Киры! Она ночью мальчика родила – Данилу! – И быстро затараторила, сообщая рост и вес, упоминая счастливые

лица отца и деда. – Прикинь, Кира меня в крестные мамы зовет! Как думаешь – соглашаться?

– А чего тут думать, соглашайся, конечно. Если б не ты, эти два гордеца об общем сына только на его выпускном вечере поговорили.

– А крестным папой будет... – Дуся назвала известную фамилию и смущенно покраснелась. – Неудобно как-то...

– Все удобно. С таким человеком закоретишься. Чаю хочешь?

– Не-а. Пила уже.

– Тогда давай рассказывай, как твои дела, как разобрались с портфелем... Я тебя тыщу лет не видел!

Дуся и в самом деле последний месяц была крайне занята – то в прокуратуру бегала, то с заболевшей тетей Зиной сидела, работу попутно подыскивала.

– А чего там особенно рассказывать? – повела плечом девочка. – Ефремович все разрулил. Как узнал, что его сына в убийстве подозревают, всех собак спустил. Шеф Котика уже в Лефортово.

– Ух ты, как круто. Что ему инкриминируют?

– Борис Семенович с компанией крупными партиями наркотические средства из-за границы таскал. Костик что-то уловил, несоответствие в поставках почуял... Захотел... того...

– Вписаться? – усмехнулся сыщик. – В криминальном бизнесе поучаствовать?

– Типа этого, – вздохнула Евдокия. – Он подгадал время, когда шеф собирается над бумагами по левым поставками работать, ну и... попросил меня...

– Не расстраивайся, Дуська. Судя по Лефортово, за Борисом Семенович говна достаточно, помимо контрабанды наркоты, – не подбирая выражений, приободрил Олег.

Евдокия шумно вздохнула.

– Я вообще-то посоветоваться к тебе приехала. Не знаю даже, как сказать... – совершенно засмузилась Дуся. – Когда все только начиналось...

Мучительно составляя фразы и оправдывая все шуткой, Евдокия поведала сыщику о разговоре с Ильей в пельменной и поклялась:

– Ну честное слово, я об этом разговоре совсем забыла! – прижала обе ладошки к нагрудному карману. – Я думала, он в шутку спрашивал!

– Да верю я, верю, – поморщился, отмахиваясь, Паршин. – Что случилось-то?

– Он мне сегодня к роддому документы на квартиру принес! – выпалила Дуся. – Я отказалась!

– Ну и дура, – невозмутимо припечатал Паршин. – Где бы сейчас были оба Зубовых, если б не ты?

– Олег! Двухкомнатная! В хорошем районе! – выкрикнула Дуся и так нажала на пищевод, что аж закашлялась.

– Не вздумай отказаться, – сурово отчеканил сыщик. – С них не убудет.

– Вот и Кира так же говорит, – потупилась раскрасневшаяся девчонка. – Илья мне еще курсы по вождению оплатил... сказал: «Как только машину водить научишься, поедем выбирать...»

– Молоток Илюха, слово держит.

– Олег, да я же пошутила!

Дабы отвлечь разнервничавшуюся от грозящих подарков Евдокию, сыщик передвинул к ней по столу одну из черно-белых фотографий и сказал:

– Я, в свою очередь, тоже с тобой посоветоваться хочу. Взгляни. Что ты думаешь об этих девушках?

Евдокия с усилием переключилась на проблемы сыщика, внимательно посмотрела на изображение двух шушукующихся красоток.

– Нормальные девчонки. Сидят в кафе и сплетничают.

– Нормальные? – хмыкнул сыщик и потер скулу, на которой Дуся только сейчас заметила желтоватый синяк и небольшую припухлость. – А вот муж одной из них так не считает. Мой клиент подозревает жену в лесбийской связи. Заказал проверку, а я... – Сыщик снова дотронулся до щеки. – В общем, Дуся, встречаются подружки в одном клубешнике для дамочек... Я попробовал туда прорваться... Думаю – там девочки не только за ручки держатся...

– По морде схлопотал? – сочувственно воткнула вопрос Евдокия.

– Ага, – недоуменно вспоминая тщедушного охранника,

который оказался упертым каратистом, сознался Паршин. – В том заведении два зала, в один пускают девочек, пришедших с кавалерами, другой чисто розовый. Я попросил свою знакомую меня типа в ресторанчик пригласить. Прошел – «объекты» в розовом зале расположились, попробовал туда пройти...

О малогабаритном пареньке, славно засветившем пяткой в челюсть, сыщик упоминать не стал – и так все налицо; застенчиво, но многозначительно поглядел на Дусю.

– Тебя и твою знакомую больше туда не пустят? – догадливо уточнила Землероева. – И ты хочешь, чтобы я...

– Дусь, я ничего не хочу... – заюлил приятель, – я только как бы спрашиваю твое мнение...

– Да ладно тебе, – храбро отмахнулась «опытная добровольная оперативница» Землероева. – Схожу я в тот клубешник, снимаю твоих девочек. – Прищурилась на малость воодушевившегося сыщика, подумала минуточку. – Только вот что, Паршин, баш на баш, как говорится. Я сейчас вроде как безработная... – Дуся произвела красноречиво многозначительную паузу.

Глупым парнем бывший опер не был. Моментально прочитав в глазах девчонки продолжение, он двинул корпус вперед, поднял вверх указательный палец и погрозил:

– Даже не думай! Я работаю – один!

Но Евдокию уже понесло. Вскочив со стула и уперев кулаки в бедра, она придиричиво оглядела крохотное помещение.

– А что? – спросила саму себя и сама себе ответила: – Нормально. На фига мне бухучет? Тут как бы дело, как бы движуха... – И, обернувшись к сыщику, добавила: – Меня к тебе, Паршин, вроде переговорщика направили. Зубов сказал, ты деньги за работу взять отказываешься?

– Он тебе неправильно сказал, – нахмурился сыщик. – Я взял столько, сколько мне положено. А остальное – вернул.

– Ну и дурак, – вернула Дуся сыщику недавнюю любезность. – С них не убудет.

– Кто б говорил...

Но Дуся уже закусила удила. Поставив одно колено на стул, она нависла над столом и, горячо пылая взором, обрушилась градом слов:

– Послушай, Паршин. У Зубовых коммерческой недвижимости – навалом! Давай попросим у них офис, а?! У тебя тут второй стол поставить некуда, а мы еще Антоху позовем, ему тоже отдельный стол понадобится... Можно секретаршу нанять... Или нет, больно жирно, сама управлюсь. Ефремыч попросил передать, что клиентуру нам... хм... тебе подгонит...

Онемевший под напором сыщик немного напоминал зайца, загипнотизированного разговорчивым удавом. Развив умопомрачительную текстовую скорость, Землероева уже планировала в каком районе лучше выбрать офис: «Нужна парковка хотя бы на три машины и метро поблизости», уже спрашивала Паршина: «Олежа, а разрешение на ношение ог-

нестрельного оружия тяжело получить?», уже воображала себя героиней шпионского боевика...

«Сумасшедший дом, зачем я влез, – спрашивал себя отставной капитан. – Из этой ненормальной сыщица как из коровы балерина... Темперамент – зверский! Любое дело суетой завалит!»

Хотя... Не завалила же, когда вытаскивала Зубова?.. Голова у девочки в порядке.

Да и сколько можно Светку просить прикрытием в ресторанах работать? С ростовесовыми показателями Паршина он везде внимание, как Эйфелева башня, привлекает.

Может быть, и правда? Ударить по рукам, а? Поработаем вместе...